

Структура занятости, особенности рынка труда и трудовых отношений в современной России*

Андрей Полянский

Введение

В настоящей работе рассматриваются самые важные характеристики, определяющие сферу занятости и трудовых отношений в России на протяжении постсоветского периода. Это делается с несколькими целями:

- во-первых, для выявления основных тенденций на рынке труда, которые действовали до настоящего момента и, очевидно, в том или ином виде будут действовать и в дальнейшем;
- во-вторых, для изучения того, как изменения в структуре занятости и на рынке труда влияют на трудовые отношения, а также для выявления ключевых особенностей последних;
- в-третьих, для определения численности основных групп работников (настолько точно, насколько это позволяет качество отечественной статистики) и анализа их положения.

Основные вопросы, рассматриваемые ниже:

1. Соотношение занятости в материальном производстве и непроизводственных отраслях, его изменение в последние десятилетия;
2. Другие структурные аспекты рынка труда (концентрация занятости в разных отраслях; количественная оценка формальной и неформальной, устойчивой и неустойчивой занятости);
3. Характерные особенности резервной рабочей армии¹, их влияние на рынок труда;
4. Особенности системы эксплуатации наёмного труда, уровень его эксплуатации.

В ходе изложения мы неоднократно прибегаем к сравнениям положения в сфере занятости и трудовых отношений с другими странами. Чаще всего Россия будет сравниваться с наиболее развитыми странами Латинской Америки (Аргентина, Чили, Бразилия, Мексика) последней четверти XX века и начала XXI века. С нашей точки зрения в их экономиках в последние десятилетия проходили схожие процессы, и хотя исходное положение (в РСФСР в позднесоветский период и в этих странах в 70-е годы) заметно отличалось, были немаловажные для исследуемой сферы общие черты (например, большой индустриальный сектор и значительная доля занятых в промышленности, достаточно высокий уровень урбанизации, но при этом более высокая, чем в странах центра, занятость в аграрном секторе)². В результате, как будет показано ниже, совпадают как тенденции, так и некоторые ключевые характеристики рынка труда и трудовых отношений.

По большей части мы рассматриваем временной отрезок с 2000 по 2021 годы, поскольку к его началу экономика (в частности занятость) в основном уже прошла через трансформацию от советского типа к неолиберально-капиталистическому и начала развиваться более плавно, по сравнительно устойчивой траектории. Но иногда, где это

---

* Работа опубликована по адресу <https://o21.org/docs/our/employment/>.

¹ Здесь и далее этим понятием обозначается совокупность охваченных открытой и скрытой, а также частичной безработицей, нерегулярно и неустойчиво занятых, которые оказывают давление на рынок труда, поддерживая конкуренцию со стороны предложения рабочей силы. Подробнее см. в разделе 2.

² Исследователи неоднократно отмечали сходство российской экономики с некоторыми крупными странами региона. См., например: В. Красильщиков. Латинская Америка сегодня – Россия завтра (оптимистический вариант будущего России). // Мир России. 2002. № 1. Я. Миркин, К. Лебедева. Феномен связанной динамики в глобальных финансах (Россия, Бразилия). // Контурные глобальных трансформаций. 2018. Т. 11. № 1.

необходимо, мы обращаемся к предшествующему периоду (1991-2000 годы), а отчасти затрагиваем положение, складывающееся после февраля 2022 года.

Предваряя основное изложение, стоит выделить те из происходивших в постсоветской экономике изменений, которые вызвали массовое перемещение работников между разными отраслями и секторами и, соответственно, предопределили дальнейшее развитие рынка труда:

- дробление единых производственных комплексов на отдельные предприятия из-за разрыва экономических связей с бывшими республиками СССР и в ходе приватизации;
- деиндустриализация: массовое разорение и закрытие промышленных производств, крупных предприятий сельского хозяйства и некоторых других отраслей;
- переход на позицию поставщика сырья и полуфабрикатов в мировом разделении труда;
- резкий рост удельного веса торговли в экономике: при сокращении ВВП почти на 40%, а промышленного производства почти на 50% ко второй половине 90-х объём экспорта превысил уровень 1990 года, а объём импорта был лишь на 12-17% ниже³;
- как следствие, бурное развитие сферы торговли и разного рода рыночных услуг, сначала преимущественно в стихийной и неорганизованной форме – посредством появления множества разрозненных микропредприятий и индивидуальных предпринимателей («челноки», «ларёчники» и т.д.), затем, с конца 90-х – путём концентрации, т.е. создания и развития торговых сетей и других крупных фирм;
- с середины 90-х – объединение и реорганизация разрозненных предприятий в рамках финансово-промышленных групп, холдингов и корпораций (включая госкорпорации);
- начавшееся в 90-х и усилившееся в 2000-х (под предлогом оптимизации) сокращение некоторых бюджетных отраслей, в первую очередь образования и науки.

1. Изменение структуры занятости

Трансформация структуры занятости, будучи непосредственным отражением происходивших в экономике процессов, в свою очередь обуславливает изменение трудовых отношений и положения работающих. В постсоветской России она имела несколько измерений:

1. Переход работников из одних отраслей в другие – снижение доли занятых в материальном производстве и рост в отраслях торговли и услуг;
2. Переход из формального (корпоративного) сектора в неформальный;
3. Внутри корпоративного сектора переход с крупных и средних предприятий в малый бизнес.

1.1. Отраслевая структура занятости

За 1990-2000 годы численность занятых в промышленности снизилась на 8,3 млн., в сельском хозяйстве – на 1,3 млн (или на 36 и 14% соответственно)⁴. За 2000-2015 занятость в обрабатывающих производствах снизилась ещё на 2,5 млн, в сельском хозяйстве – на 2,7 млн (на 20 и 30 процентов соответственно)⁵. В последние годы в двух этих отраслях почти в 2 раза меньше работников, чем в последние годы СССР – 12,7 млн в добывающей, обрабатывающей промышленности и энергетике, около 4,5 млн в сельском хозяйстве⁶ против 22,8 и 10 соответственно в 1990 году. Также за постсоветский период на 2/3 сократилась занятость в научной сфере (с 2,8 млн в 1990 до 900 тыс. в середине

---

³ Экспорт составлял около 90 млрд долл. в 1996-1997 годах против 71 млрд в 1990, импорт – 68-72 млрд против 82 млрд соответственно. Г. Ханин. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годы. Новосибирск, 2014. С. 398. Российский статистический ежегодник. 1994. С. 421. Там же. 2001. С. 279, 604.

⁴ Российский статистический ежегодник. 2003. С. 137.

⁵ Российский статистический ежегодник. 2016. С. 109.

⁶ Включая лесное хозяйство, охоту и рыболовство

2010-х⁷), примерно на 500 тыс. сократилась занятость в сфере образования. Примечательно, что около 60% сокращения занятости в промышленности пришлось на предприятия машиностроения и смежных отраслей (за 1990-2022 годы оно составило около 6,4 млн), включая самые высокотехнологичные сектора – приборостроение (в 90-х занятость здесь сократилась на 3/4), станкостроение, электронную промышленность и т.д.⁸.

Рисунок 1. Занятость по отраслям в 1990 и 2000 годах, млн человек⁹

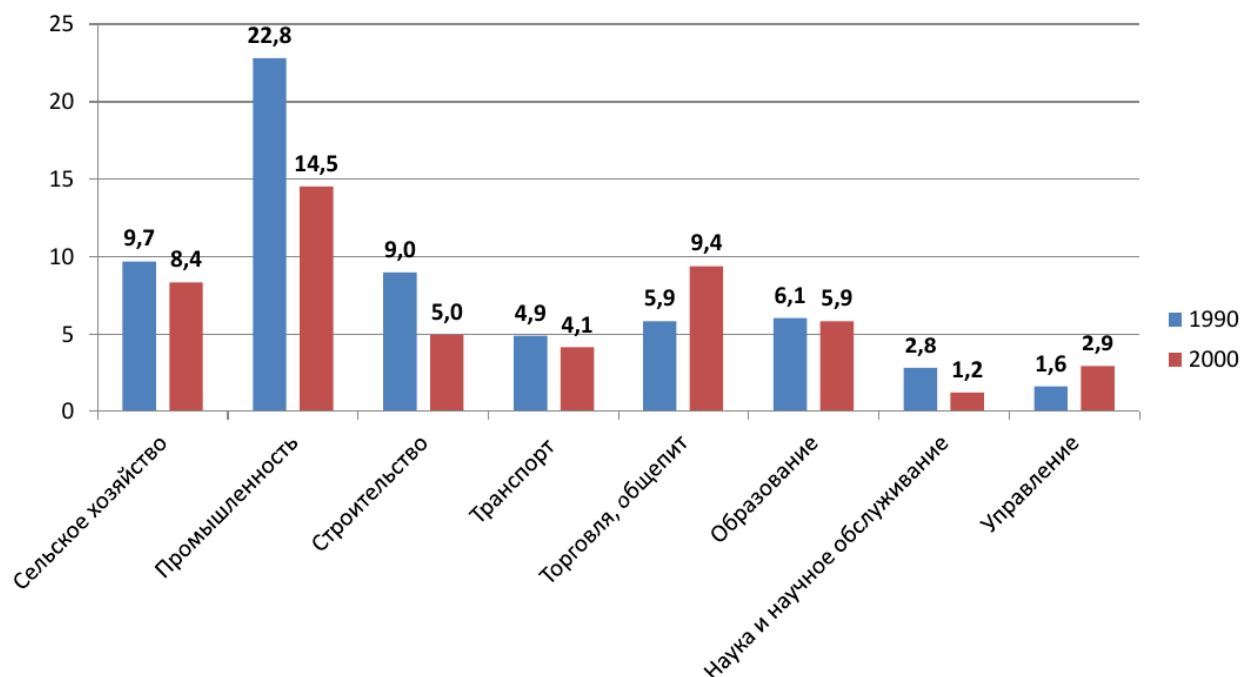

Таблица 1. Изменение занятости по отраслям за 1990-2000 годы

Отрасль	Изменение занятости, %
Сельское хозяйство	-14
Промышленность	-36
Строительство	-45
Транспорт	-16
Торговля, общественное питание	61
Наука и научное обслуживание	-57
Финансы, кредит, страхование	85
Управление	83

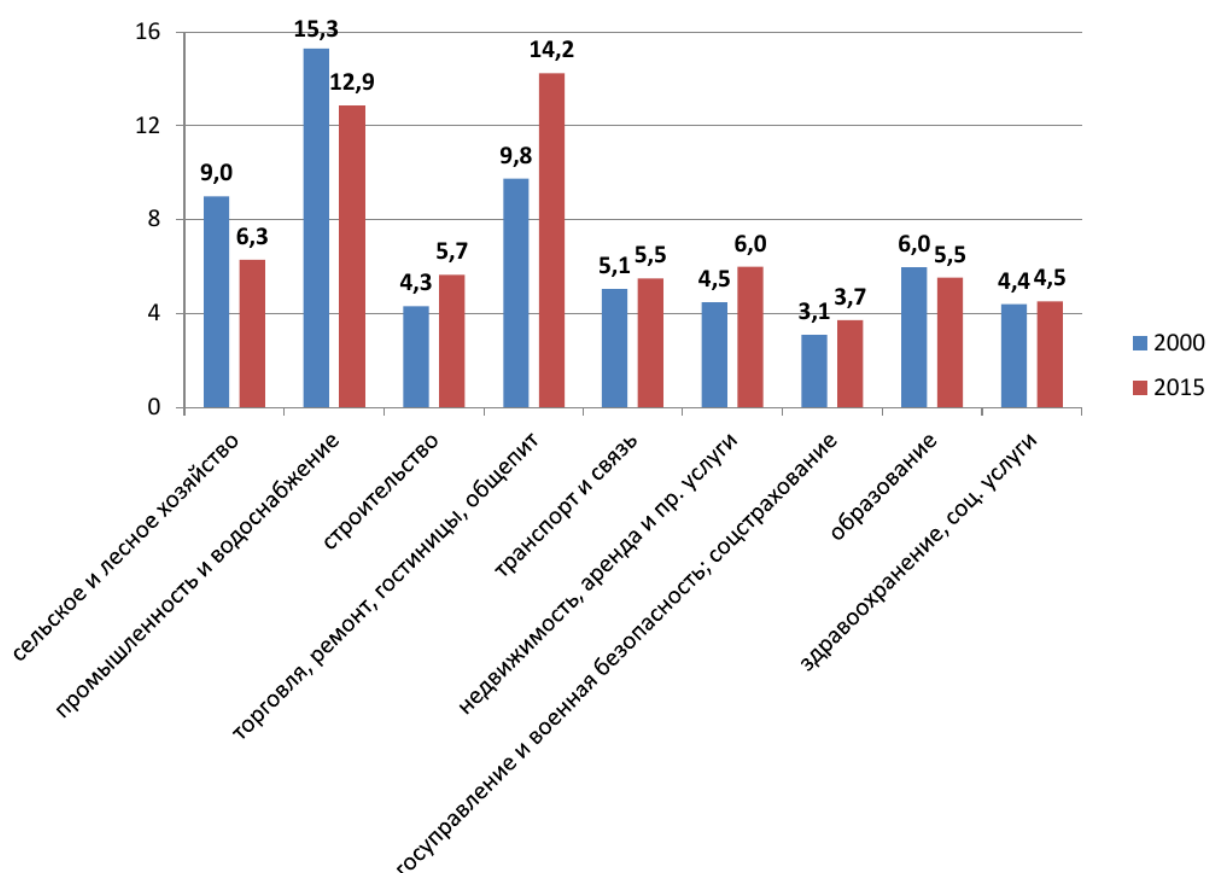
⁷ Российский статистический ежегодник. 2003. С. 137. Там же. 2017. С. 113.

⁸ За 1990-2000 годы занятость в машиностроении (включая электротехническую промышленность) сократилась на 4,2 млн (или более чем на 50%), за 2000-2016 – ещё на 2,1 млн (в производстве машин и оборудования – на 1,4 млн, в производстве транспортных средств и оборудования – на 470 тыс., в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования на 270 тыс.), за 2016-2022 – ещё примерно на 100 тыс. Рассчитано по: Промышленность России. 2000. С. 101. Там же. 2002. С. 117. Труд и занятость в России. 2007. С. 196. Там же. 2017. С. 120. Там же. 2023. С. 88.

⁹ На рисунках 1-2 и в таблицах 1-2 приводятся данные по самым крупным отраслям и по тем отраслям, где изменения занятости были наиболее значительными. Разбивка на периоды вынужденная, поскольку Росстат менял методику, сначала в 2006, а потом в 2016 году, так что однозначно сопоставимых данных за все постсоветские годы нет. Источники данных к рисункам 1-2 и таблицам 1-2: Российский статистический ежегодник. 2003. С. 137. Там же. 2016. С. 109-110.

Занятость в основных отраслях торговли и услуг за тот же период выросла более чем в 2 раза: в 2021 году в торговле, ремонте, гостиницах и общепите было занято 13-15 млн¹⁰ (в зависимости от методики подсчёта) против примерно 6 млн в 1990. Только за 2000-2015 годы численность занятых в финансовой деятельности выросла почти в 2 раза, операциях с недвижимостью и аренде – на 35% (суммарно в этих отраслях – более чем на 2 млн). За тот же период на 20% (600 тыс.) выросла численность занятых в государственном управлении, обеспечении военной безопасности¹¹ и социальном обеспечении (здесь видно смещение в рамках одной категории совершенно разных групп работников, что затрудняет более детальные подсчёты; но можно уверенно сказать, что большая часть этого роста пришлась на государственный аппарат – только за 2000-2013 годы численность работников государственных органов и органов местного самоуправления выросла на 385 тыс. или на треть¹²).

Рисунок 2. Занятость по видам экономической деятельности в 2000 и 2015 годах, млн человек

¹⁰ Российский статистический ежегодник 2022. С. 121. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 48.

¹¹ Только гражданского персонала: военнослужащие в среднегодовой численности занятых не учитываются, с их учётом в отрасли будет примерно на 1,3 млн занятых больше.

¹² Без учёта сотрудников спецслужб (ФСБ, ФСО, СВР и т.д.). Большая часть этого роста пришлась на органы исполнительной власти (около 240 тыс.), судебной власти и прокуратуры (115 тыс.) (Российский статистический ежегодник. 2015. С. 40. Труд и занятость в России. 2015. С. 123). В 2014 году методика Росстата изменилась, поэтому более поздние данные не сопоставимы. Встречаются значительно более высокие оценки численности бюрократии (причём основанные на заявлениях самих чиновников высшего уровня), чем по данным Росстата – порядка 2,4 млн. против 1,6 млн на рубеже 2000-х и 2010-х годов (см.: Российские бюрократы объявили себе войну. // <https://svpressa.ru/economy/article/27995/>). Впрочем, более поздние данные официальной статистики ближе к этим оценкам: например, в 2018 году – 2,16 млн (Труд и занятость в России. 2019. С. 68).

Таблица 2. Изменение занятости по видам экономической деятельности за 2000-2015 годы

Вид экономической деятельности	Изменение занятости, %
Сельское и лесное хозяйство	-30
Обрабатывающие производства	-20
Строительство	31
Торговля, ремонт автотранспорта	46
Гостиницы и рестораны	41
Финансовая деятельность	95
Операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг	34
Научные исследования и разработки	-28
Государственное управление и военная безопасность; социальное страхование	20
Прочие коммунальные, социальные и персональные услуги	11

Таблица 3. Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности в 2021 году¹³

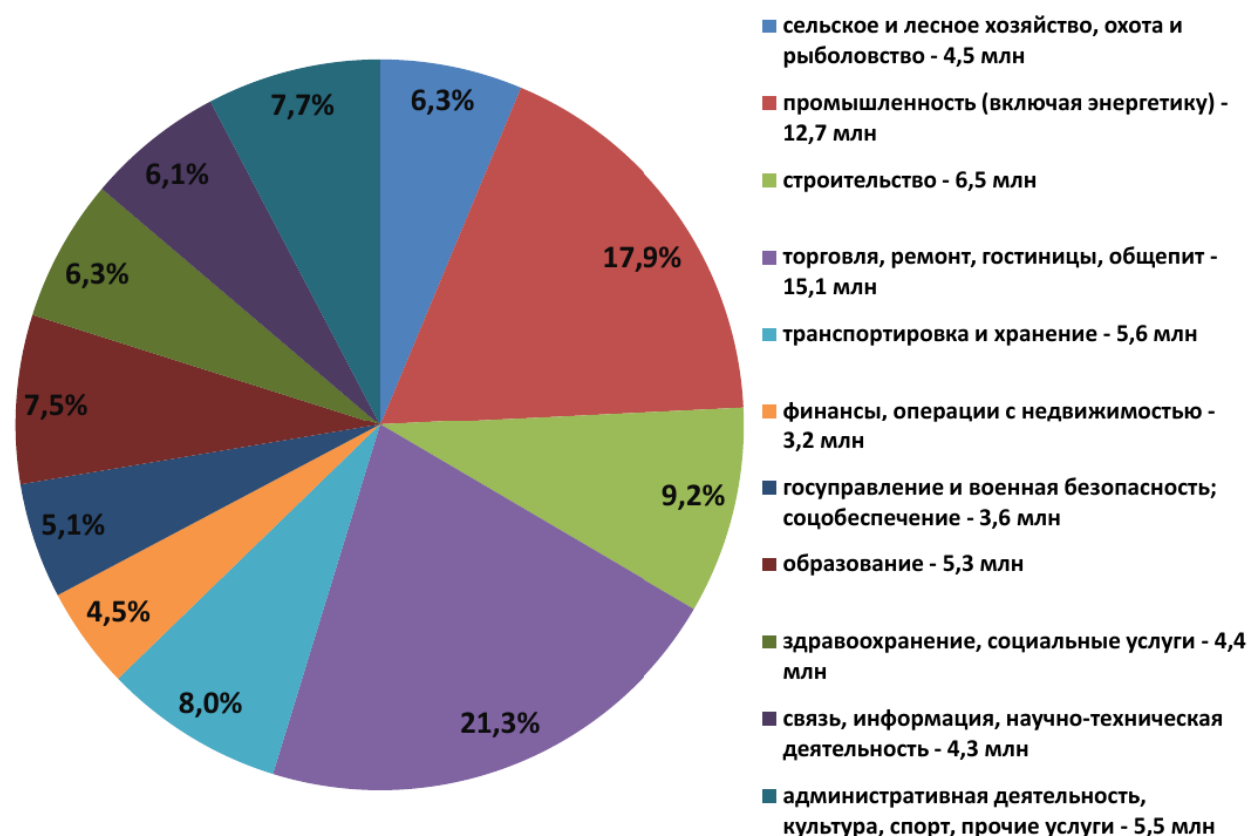
Вид экономической деятельности	млн	%
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	4,49	6,3
Добыча полезных ископаемых	1,16	1,6
Обрабатывающие производства	9,97	14,1
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	1,58	2,2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,71	1
Строительство	6,5	9,2
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов ¹⁴	13,2	18,7
Транспортировка и хранение	5,64	8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,82	2,6
Деятельность в области информации и связи	1,56	2,2
Деятельность финансовая и страховая	1,3	1,8
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1,9	2,7
Деятельность профессиональная, научная и техническая	2,73	3,9
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,03	2,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	3,64	5,1
Образование	5,32	7,5
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	4,45	6,3
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1,15	1,6
Предоставление прочих видов услуг	1,58	2,2

¹³ Российский статистический ежегодник. 2022. С. 121.

¹⁴ В статистических сборниках ремонт автотранспорта и мотоциклов как правило объединяется с торговлей. По торговле автомобилями и мотоциклами и их ремонту в разбивке от остальной торговли есть данные о занятых в сфере индивидуального предпринимательства, а также в корпоративном секторе, но только о среднесписочной численности работников предприятий. Согласно этим данным, в 2018 и 2020 годах в корпоративном секторе на эти виды деятельности приходилось около 8% работников отрасли (около 5% – в крупных и средних организациях и около 10,5% – в малых предприятиях) или около 450 тыс. человек (Торговля в России. 2019. С. 100; Торговля в России 2021. С. 113). Среди индивидуальных предпринимателей и их наёмных работников в торговле и ремонте автомобилей и мотоциклов в 2020 году были заняты около 10% от всех работающих в торговле – 230 тыс. из 2,3 млн. (Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. С. 19). Можно заключить, что даже с учётом внештатных работников предприятий на этот вид деятельности приходится не более 10% занятых в торговле.

Уже в первой половине 2010-х численность работающих в торговле и ремонте превысила занятость во всех отраслях промышленности (включая энергетику) вместе взятых, и теперь эта отрасль является ведущей по числу работников – в ней работает каждый пятый-шестой (16-19% занятых в зависимости от методики подсчёта). В абсолютных величинах занятость здесь выросла сильнее всего: за весь постсоветский период прирост составил не меньше 7-8 млн, т.е. более 2/3 от снижения занятости в промышленности. Ниже будет показано, как одно связано с другим и почему это имеет большое значение для понимания особенностей российского рынка труда.

Рисунок 3. Отраслевая структура занятости в 2021 году

Помимо торговли и промышленности к отраслям, занимающим наибольшее число работников, можно отнести строительство, транспортно-складскую отрасль, сферы образования и здравоохранения, сельское хозяйство, госслужбу. Отрасли, непосредственно занятые материальным производством (добывающая и обрабатывающая промышленность, энергетика, сельское хозяйство, строительство) охватывают около трети всех работников или чуть меньше 24 млн человек. Если добавить к ним занятых в транспортировке и хранении, можно считать, что в отраслях производства и материальной инфраструктуры работает около 41,5% занятых или более 29 млн человек.

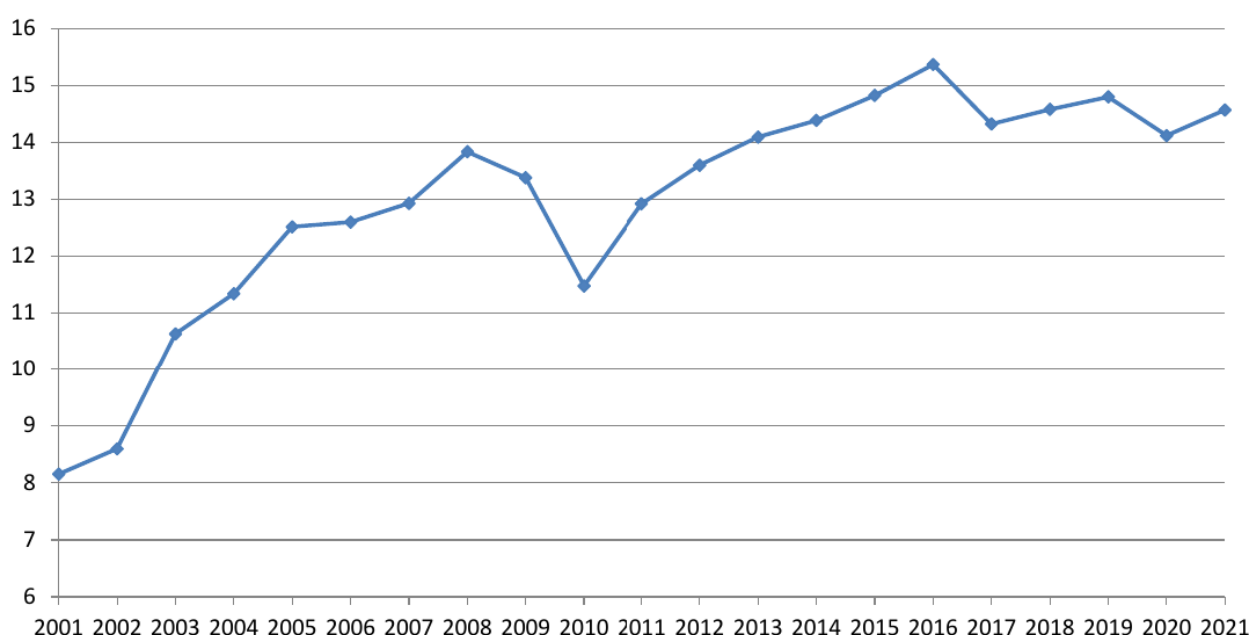
1.2. Снижение занятости в корпоративном секторе, рост неформальной занятости

В отраслях, где все последние десятилетия занятость росла (торговля, ремонт, общественное питание, бытовые и личные услуги) традиционно распространена неформальная и неустойчивая занятость. То есть работники, которые раньше были заняты в основном на крупных и средних предприятиях промышленности и сельского хозяйства, со временем перемещались не просто в сферу торговли и услуг, но в малый бизнес или в неформальный сектор, где зарплаты в целом ниже, а условия труда, как правило, хуже.

Среднесписочная численность работников предприятий и организаций (корпоративного сектора) за 1992-2021 годы сократилась на треть, с 67 до 43 млн (при том, что число занятых в экономике за это время практически не изменилось)¹⁵. Одновременно с этим росла занятость в неформальном секторе; только в 2001-2021 годы она увеличилась почти на 80% (с 8,2 до 14,6 млн)¹⁶.

Надо уточнить, что неформальный сектор частично включает в себя работающих официально, поскольку Росстат причисляет к занятым в нём всех, кто не работает на предприятиях, зарегистрированных как юридические лица¹⁷. Индивидуальные предприниматели и фермеры, имеющие регистрацию, а также их наёмные работники, трудоустроенные по договору, оказываются в неформальном секторе (тем не менее, такое разграничение имеет смысл, дальше будет показано, почему). С другой стороны, Росстат не относит к неформальному сектору неофициально занятых на предприятиях формального сектора (т.е. таких, которые зарегистрированы в качестве юридических лиц).

Рисунок 4. Занятость в неформальном секторе в 2001-2021 годах, млн человек

Неформальный сектор стремительно рос в 2000-х вместе с восстановлением экономики, пока в кризис 2008 года не произошёл сильный спад (одновременно с ростом безработицы), но сразу после его окончания рост продолжился, и в 2013 году занятых в нём было больше, чем в 2008. В середине 2010-х ситуация несколько изменилась: неформальная занятость заметно выросла в кризис, поглотив прежде формально занятых, а затем, после его окончания, произошёл «откат», и часть работников вернулась в формальный сектор. Таким образом, неформальную занятость можно считать резервуаром рабочей силы для формального сектора и, в определённой степени, составляющей резервной рабочей армии (подробнее об этом – далее). В последние годы по официальным данным неформальный сектор занимает около 20% всех работающих, и это не считая занятых без оформления в формальном секторе. По оценкам исследователей численность неформально занятых составляет от 17 до 25 млн или от четверти до более чем трети всей

¹⁵ Труд и занятость в России. 2011. С. 30. Там же. 2023. С. 15.

¹⁶ Экономическая активность населения России. 2008. С. 91. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 89.

¹⁷ К неформальному сектору российская статистика относит индивидуальных предпринимателей (ИП); физических лиц, работающих индивидуально, но не зарегистрированных, как предприниматели; работающих по найму у ИП и физлиц; занятых в домашних хозяйствах, находящихся в личной собственности или собственности родственников.

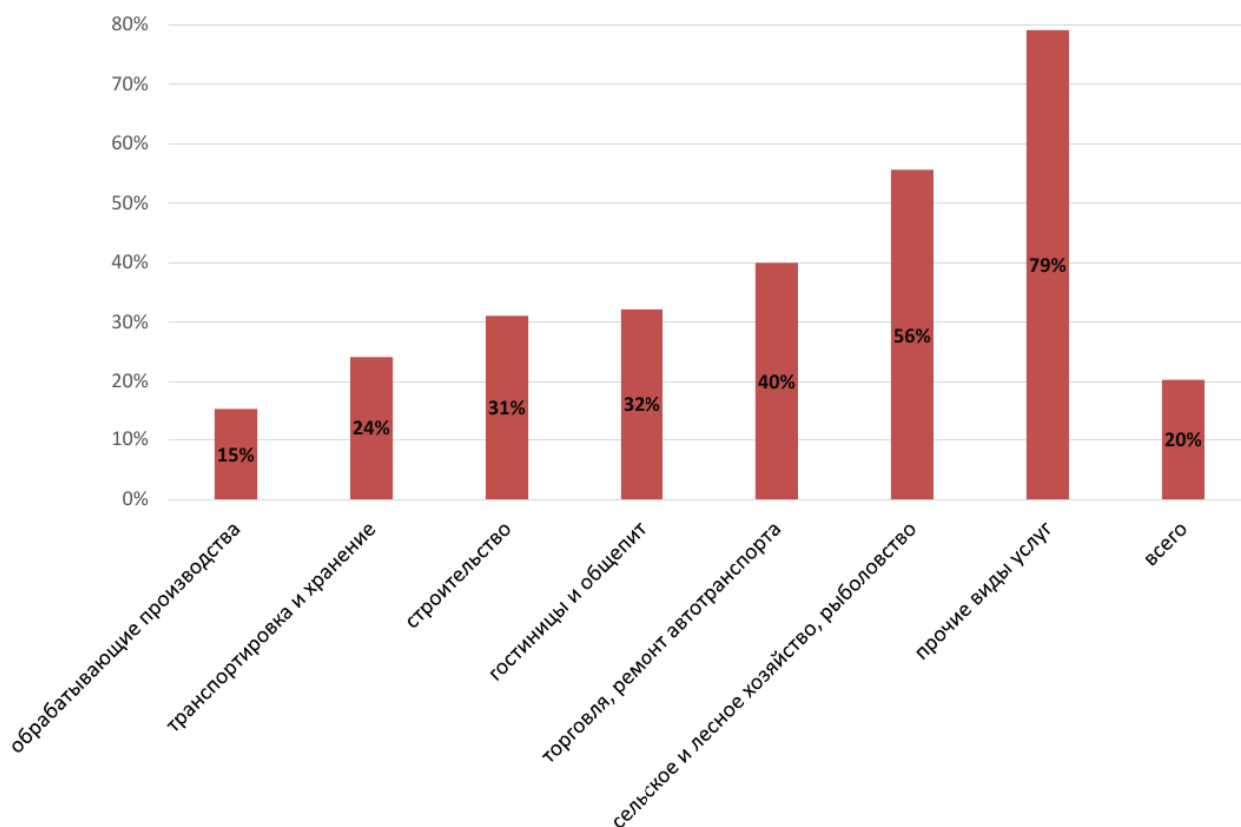

рабочей силы (этим понятием объединяют всех занятых и безработных)¹⁸. Так, по данным Международной организации труда (МОТ) в 2016 году уровень неформальной занятости составлял 36%, из них 24,5% в неформальном секторе и 11,5% в формальном секторе¹⁹.

Неформальный сектор в основном сконцентрирован в производственных отраслях (кроме промышленности), торговле, а также сфере бытовых и личных услуг. Его удельный вес наиболее велик в следующих отраслях:

- личные и бытовые услуги (салоны красоты, бани, химчистки, ремонт бытовых вещей и приборов, ритуальные услуги и т.п.) – 79% всех занятых;
- сельское хозяйство – 56% (здесь большую роль играет то, что к неформальному сектору Росстатом относятся фермеры, а также занятые в товарных ЛПХ);
- торговля; ремонт – 40%;
- работа гостиниц и общепита – 32%;
- строительство – 31%;
- транспорт – 24%²⁰.

Рисунок 5. Отрасли с наибольшей долей занятых в неформальном секторе в 2021 году, %

Наибольшее число работающих в неформальном секторе заняты в торговле и ремонте (4,5 млн, на эту отрасль приходится каждый третий занятый в нём и каждый третий его

¹⁸ См., например: Н. Зубаревич. Трансформация рынка труда российских моногородов. // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 4. А. Павлов, С. Селеев. Феноменологическое описание современной промысловой деятельности // Universum: Общественные науки : электрон. научн. журн. 2015. № 3. Россия 2025: от кадров к талантам. С. 29 // https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf. «До 2022 года бывали случаи, можно сказать, картельного сговора между работодателями». // <https://www.kommersant.ru/doc/6478427>.

¹⁹ Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition). Geneva, 2018. P. 89. Стоит учитывать, что 2016 год был кризисным, и по официальным данным неформальная занятость тогда была наибольшей как минимум с начала века. Иными словами, данные МОТ могут быть несколько завышенными относительно «нормального» состояния рынка труда.

²⁰ Данные за 2021 год. Рассчитано по: Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 48, 95.

наёмный работник), сельском хозяйстве (2,3 млн), обрабатывающей промышленности (1,55 млн), строительстве (1,5 млн), транспортировке и хранении (1,5 млн)²¹.

Рисунок 6. Отраслевая структура занятости в неформальном секторе в 2021 году

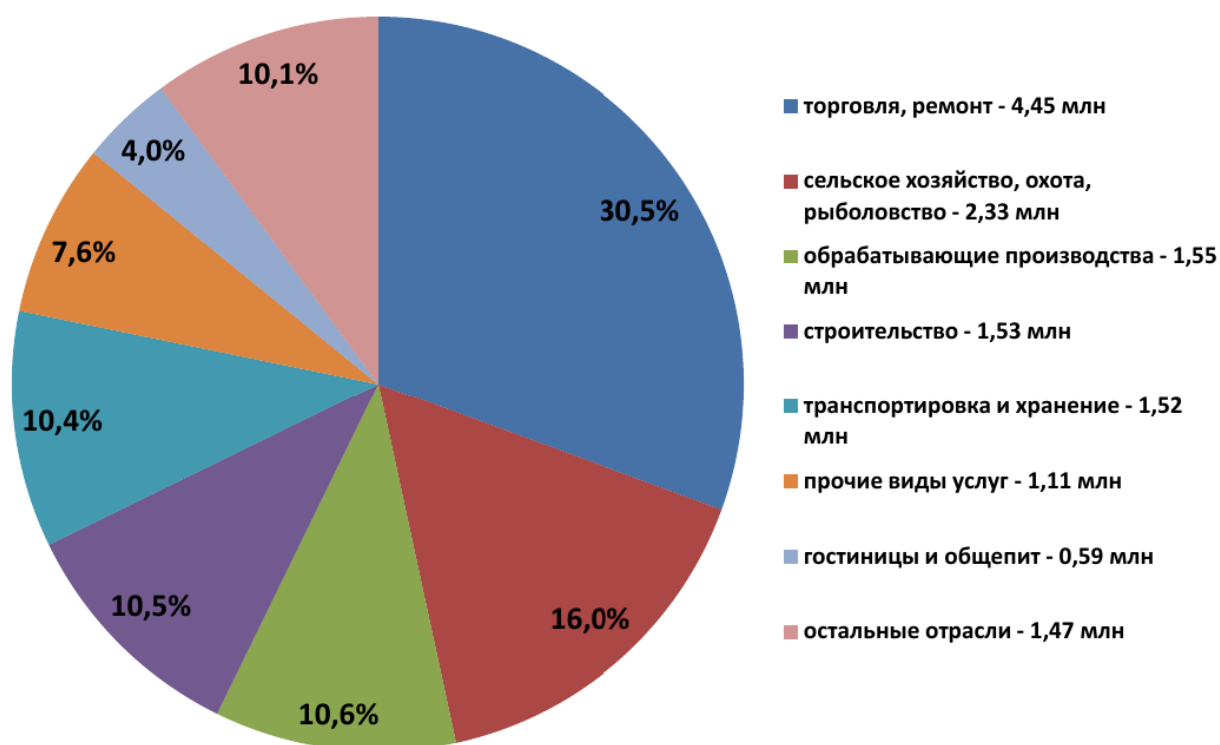
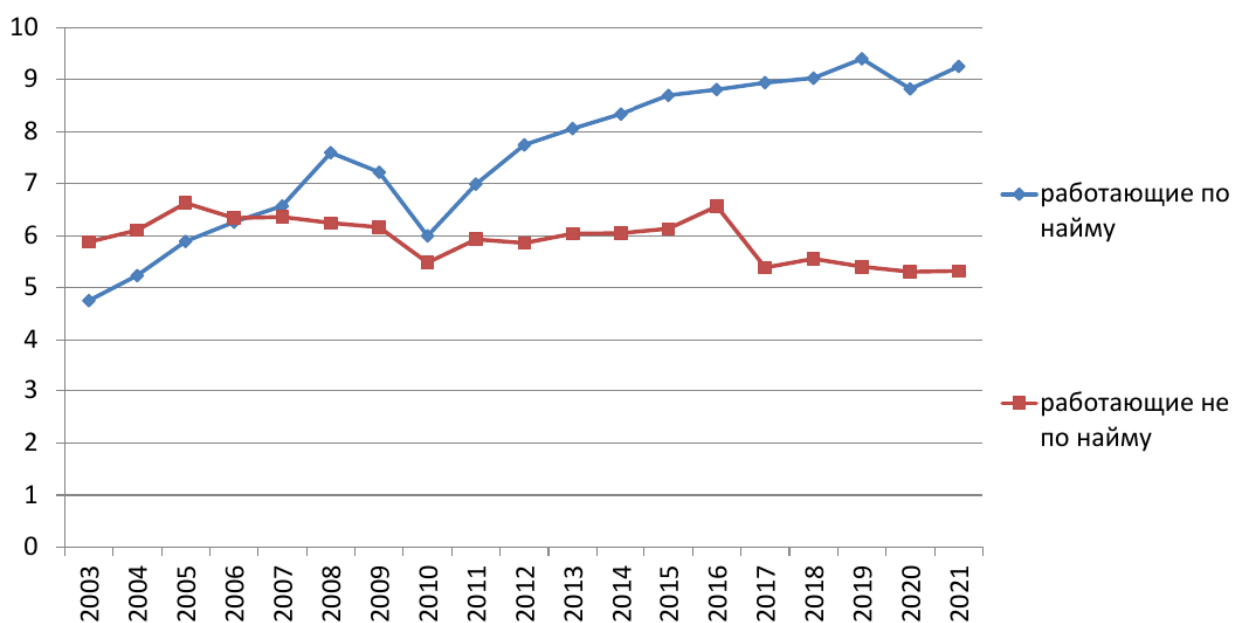

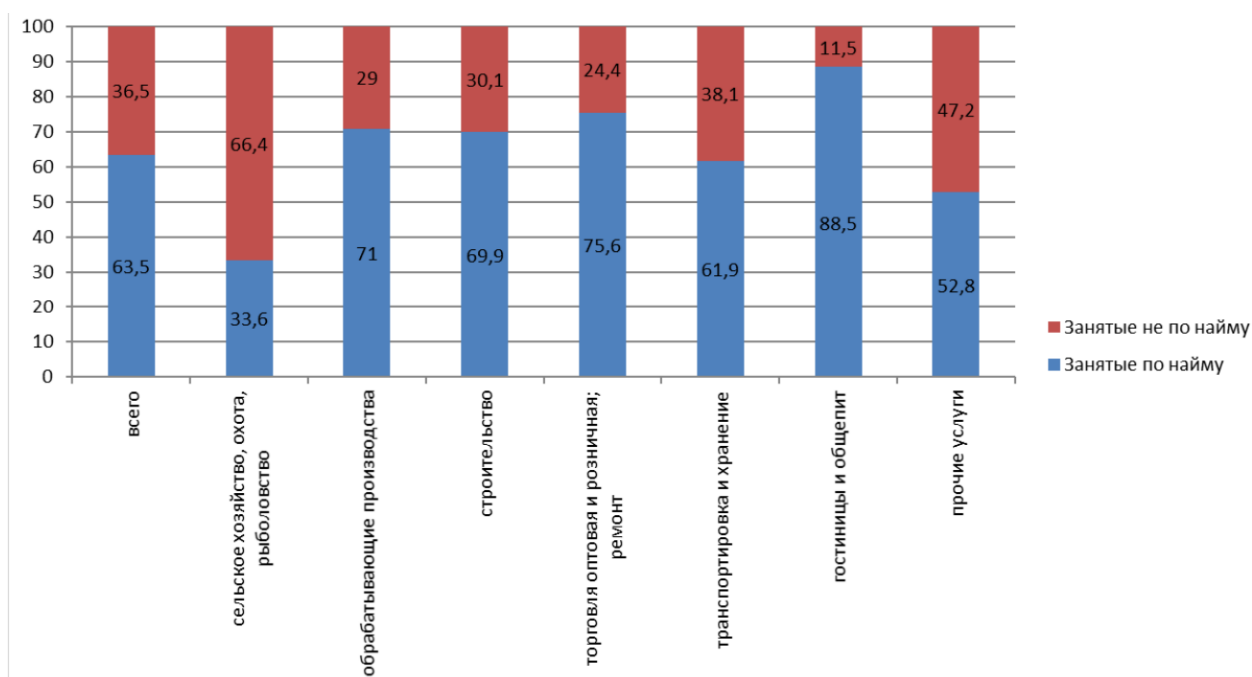
Рисунок 7. Занятость в неформальном секторе по статусу в 2003-2021 годах, млн человек

²¹ Там же. С. 95.

Основной вклад в рост численности занятых в неформальном секторе внесли наёмные работники – их доля выросла с чуть более чем 40% в 2003 году до почти 2/3 в 2021. Если в начале 2000-х в неформальном секторе преобладали самостоятельные работники, например, фермеры или «челноки», то теперь его основа – наёмные работники у ИП и физических лиц. За 2003-2021 годы, их число выросло на 4,5 млн (почти в 2 раза) тогда как численность работающих не по найму за то же время снизилась на 600 тыс.²². Они составляют абсолютное большинство работающих в неформальном секторе практически во всех отраслях: только в сельском хозяйстве и образовании доля занятых в неформальном секторе не по найму выше, чем наёмных работников. На транспорте наёмные работники составляют 62%, в строительстве, обрабатывающей промышленности, и торговле – 70, 71, и 76% соответственно, в гостиницах и общепите – 88%²³.

Рисунок 8. Занятость в отраслях с наибольшей численностью работающих в неформальном секторе по статусу в 2021 году, %

Рост численности неформально занятых по найму означает, что трудовые отношения целом движутся в сторону нерегулируемой и неустойчивой занятости. То есть наёмные работники ранее трудоустроенные на предприятиях и в организациях, становятся наёмными работниками в неформальном секторе. Как отмечают исследователи, «труд по найму ... перемещается в ту область, где не работают (или работают не полностью) статьи Трудового кодекса, защищающие права работников»²⁴.

Но это не единственный путь распространения такого рода занятости. Работники не только переходят из корпоративного сектора в неформальный, часть из них остаётся на предприятиях и в организациях, но работает уже без оформления. Только за 2000-е годы доля неофициально занятых в корпоративном секторе удвоилась и составила более трети от числа неформально занятых, имевших постоянную работу (или около 6% от общего числа работников)²⁵.

²² Экономическая активность населения России. 2010. С. 106. Там же. 2014. С. 102. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 102.

²³ Там же. С. 105.

²⁴ В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. М., 2014. С. 122.

²⁵ Там же. С. 399-401.

Как по данным официальной статистики, так и по результатам независимых социологических мониторингов наёмные работники в неформальном секторе и неофициально занятые по найму в основном занимаются простой исполнительской работой²⁶ с преобладанием физического труда, зачастую – низкой и средней квалификации²⁷.

Из оставшихся 5,3 млн занятых в неформальном секторе 800 тыс. – работодатели (ИП, фермеры и физлица без всякого оформления, имеющие наёмных работников) и 4,3 млн – самозанятые (включая ИП без наёмных работников)²⁸. Основные виды деятельности работающих не по найму – сельское хозяйство (1,55 млн человек), торговля и ремонт (1,1 млн), транспортировка (600 тыс.), бытовые и личные услуги, строительство, обрабатывающая промышленность (около 500 тыс. в каждой из отраслей)²⁹.

1.3. Рост занятости в малом бизнесе; отраслевая структура

С 2005 до конца 2010-х среднесписочная численность работников крупных и средних предприятий и организаций снизилась на 6 млн (с 38 до 32 млн)³⁰, за те же годы среднесписочная численность занятых на малых предприятиях увеличилась на 2,7 млн. С конца 90-х до конца 2010-х численность работающих на малых предприятиях выросла больше чем в полтора раза: с 7,4 млн в 1998 году до 11,8 млн в 2018 (из них 1,1 млн – внешние совместители и трудоустроенные по договорам гражданско-правового характера (ГПХ))³¹.

91% всех малых предприятий – так называемые микропредприятия, в каждом из которых в среднем занято по 2 работника (всего на микропредприятиях работает 5,5 млн человек)³². Если не учитывать их, на одно малое предприятие в среднем приходится 26 работников. Основные отрасли малого бизнеса, на которые приходится больше половины занятых – торговля и ремонт, обрабатывающая промышленность и строительство (3,05, 1,65 и 1,45 млн занятых соответственно)³³.

---

²⁶ Подробнее о понятии исполнительского труда см.: Б. Максимов. Статьи и очерки о положении, действиях российских рабочих и профсоюзов в турбулентное время. СПб, 2016. С. 17-18.

²⁷ По данным мониторинга 2009 года 51% всех неформальных наёмных работников составляли рабочие (20,5% – низкой квалификации, 16,5% – высокой квалификации, 14% – средней квалификации), ещё 29,5% – работники торговли. Неформально занятыми по найму были 38% работников торговли, 26% рабочих низкой квалификации, 21,5% рабочих высокой квалификации и 16% рабочих средней квалификации против 6% руководителей, 3% специалистов высшей квалификации, 10-11% специалистов средней квалификации и служащих. Неформально занятым по найму был каждый третий работник с основным общим образованием и каждый четвёртый с неполным средним образованием, полным средним образованием и начальным профессиональным образованием (ПТУ) против 15% работников со средним специальным образованием и 9% работников с высшим образованием (В тени регулирования. С. 174-175, 178-179). Схожие результаты даёт анализ официальной статистики. Так, в конце 2000-х и в начале 2010-х неформально занятыми по найму были каждый четвёртый-пятый работник сферы торговли, обслуживания и ЖКХ, 13-15% неквалифицированных рабочих, 11-13% квалифицированных рабочих, 9-11% операторов, аппаратчиков, машинистов против 2-5% руководителей, специалистов средней и высшей квалификации и служащих (там же, с. 146-147). По данным мониторинга 2011 года в корпоративном секторе (т.е. на предприятиях и в организациях) неформально занятыми были 13% неквалифицированных и 11,5% квалифицированных рабочих, 11,5% работников сферы обслуживания, ЖКХ, торговли против 1-4% руководителей, специалистов высшей и средней квалификации, а также служащих (Е. Варшавская. Российские и иностранные работники: особенности неформального найма. // Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России. Самара, 2013. С. 130).

²⁸ Ещё 200 тыс. – помогающие на семейных предприятиях. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 103.

²⁹ Там же. С. 105.

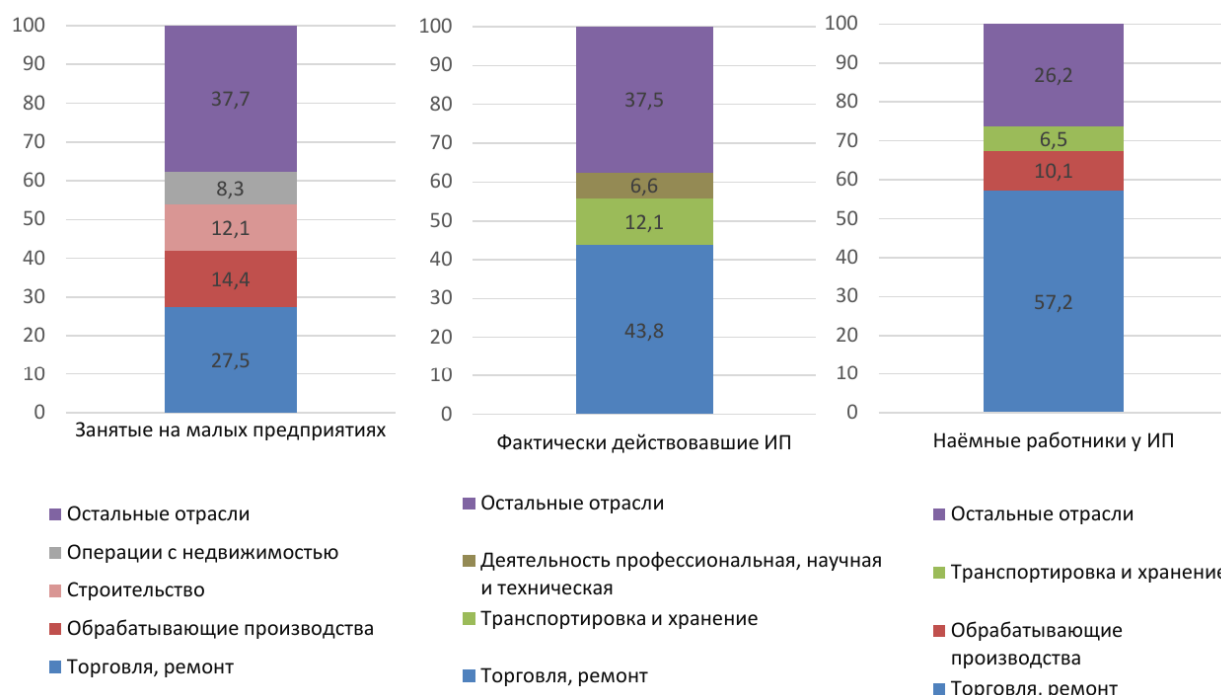
³⁰ Труд и занятость в России. 2015. С. 120. Там же. 2021. С. 81.

³¹ Малое предпринимательство в России. 2003. С. 9. Там же. 2019. С. 12, 22.

³² Данные за 2018 год. Там же. С. 12.

³³ Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. С. 23-24.

Рисунок 9. Занятость в малом бизнесе по отраслям в 2018 году, %

В 2021 году было 2,8 млн фактически действующих ИП и 3,15 млн наёмных работников у ИП. Большая часть индивидуальных предпринимателей работает самостоятельно и не нанимает рабочую силу – например, в 2020 году всего 500 тыс. из них имели работников³⁴. Примечательно, что численность действующих ИП и в особенности их наёмных работников сильно колеблется в зависимости от состояния экономики (напомним, все они относятся статистикой к неформальному сектору). Так, в 2019 году фактически действовавших ИП было 2,7 млн, а в 2020 – 2,2, наёмных работников у ИП – 2,85 и 2 млн соответственно; при этом почти всё сокращение наёмных работников в 2019-2020 годах пришлось на отрасль торговли и ремонта (в разделе 2 мы рассмотрим эти вопросы более подробно)³⁵. Среди ИП и их работников в торговле заняты 37-44% и 46-57% от их общего числа соответственно, т.е. эта отрасль занимает больше всего предпринимателей, и они же нанимают большинство работников³⁶.

1.4. Изменение концентрации работников на одном предприятии в отраслях реального сектора

Особый интерес представляет динамика занятости на рабочих местах разного типа (крупные и средние организации, малые предприятия, неформальный сектор) в основных отраслях реального сектора: обрабатывающей промышленности, добыче полезных

³⁴ Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства за 2020 год. Часть 2. «Индивидуальные предприниматели». // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IP_itogi_2020.rar

³⁵ Там же. Численность фактически действующих индивидуальных предпринимателей с 2017 г. // <https://fedstat.ru/indicator/58487>. Численность наёмных работников, занятых в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица с 2017 г. // <https://fedstat.ru/indicator/58490>.

³⁶ Данные за 2018-2022 годы. Рассчитано по: Малое предпринимательство в России. 2019. С. 78. Численность фактически действующих индивидуальных предпринимателей с 2017 г. // <https://fedstat.ru/indicator/58487>. Численность наёмных работников, занятых в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица с 2017 г. // <https://fedstat.ru/indicator/58490>.

ископаемых, сельском хозяйстве, строительстве, торговле и транспорте³⁷. Её анализ позволит судить о том, двигались ли все эти отрасли в том же направлении, что и экономика страны в целом или среди них есть исключения³⁸.

1. Число занятых на малых предприятиях обрабатывающей промышленности с 2005 по 2019 годы слегка выросло (с 1,6 до 1,66 млн)³⁹. При этом занятость на всех типах промышленных предприятий за те же годы снизилась почти на треть (примерно на 2,7 млн)⁴⁰. Иначе говоря, всё снижение занятости в промышленности пришлось на крупные и средние предприятия⁴¹. При этом занятость в неформальном секторе за эти годы выросла больше чем на треть (или на 600 тыс.)⁴². В 2019 году каждый шестой работник промышленности был занят на малых предприятиях и почти каждый шестой – в неформальном секторе (т.е. суммарно на них приходилась почти треть всей занятости).

Таким образом, произошло большое сокращение занятости на крупных и средних предприятиях, небольшой рост на малых и значительный рост в неформальном секторе. Можно заключить, что причина не только в формальном дроблении бизнеса в целях налоговой оптимизации или заёмном труде (когда работа ведётся через аутсорсинговые/аутстаффинговые компании), но и в реальном распылении производства: оформление цехов и подразделений одного предприятия как самостоятельных фирм малого бизнеса вполне возможно, но их же оформление под видом ИП маловероятно.

---

³⁷ По всем отраслям, рассматриваемым ниже, кроме сельского хозяйства взяты самые ранние годы, за которые есть сопоставимые данные. В сельском хозяйстве целесообразно изучать период с начала 2010-х, поскольку примерно в это время отрасль стала всё больше приобретать экспортную ориентацию – таким образом можно более чётко проследить, как это повлияло на структуру занятости в ней.

³⁸ В некоторых отраслях наблюдается значительное расхождение между числом занятых (имеющих основную работу) в отрасли и в её корпоративном секторе и среднегодовой (среднесписочной) численностью работников в них. Особенно велика эта разница там, где велик удельный вес неформальной и неустойчивой занятости – сельском хозяйстве, строительстве, торговле, транспорте. Она обусловлена следующими факторами. Первый – наличие внештатных работников (внешних совместителей, работающих по договорам ГПХ и устроенных неофициально), не учитывающихся в среднесписочной численности. Второй – форма учёта работающих неполное рабочее время: они включаются пропорционально отработанному времени (т.е. несколько работников с неполной занятостью могут быть приравнены к одному работнику по среднесписочной численности). Также в среднесписочную численность не включаются отдельные категории работников, находящихся в отпусках. Исходя из этого в некоторых из этих отраслей мы не приводим абсолютных значений, в других же делаем уточнение, о какой методике подсчёта идёт речь. Подробнее о методике Росстата см., например: Труд и занятость в России. 2017. С. 111, 143.

³⁹ Промышленность России. 2008. С. 94. Промышленное производство в России. 2021. С. 73.

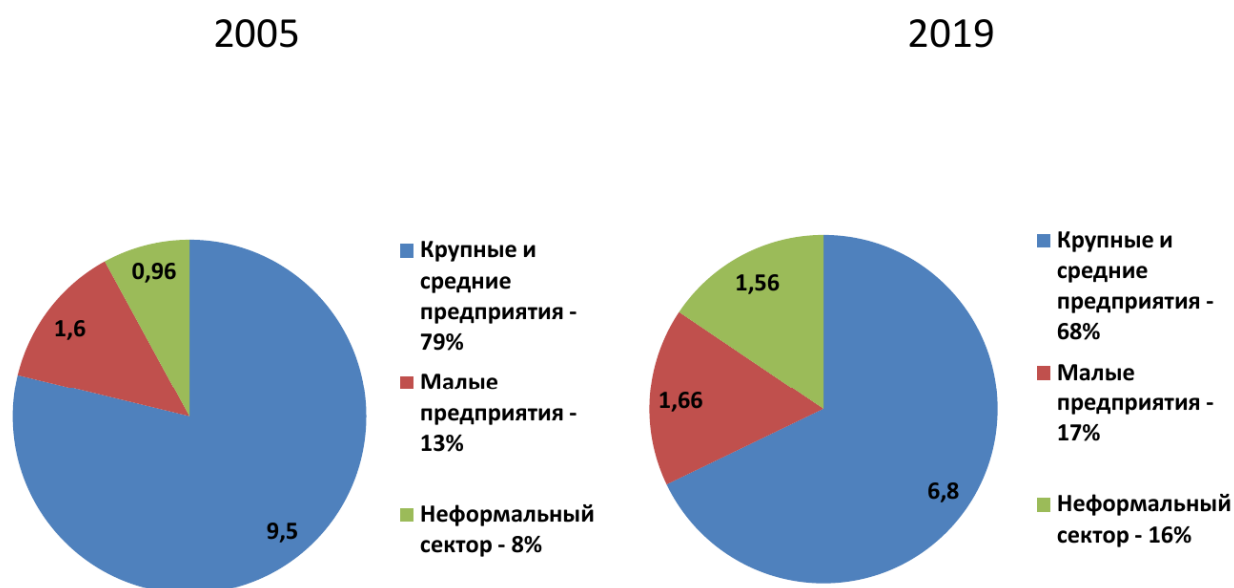
Примечательно, что оно сильно колебалось в зависимости от экономической конъюнктуры – резкий рост до кризиса 2008, потом сильный спад, затем медленный рост

⁴⁰ Занятость по полному кругу организаций составляла 9,5 млн в 2005 году (среднегодовая), 7,3 млн в 2014 (среднегодовая, столько же по среднесписочной) и 6,8 в 2019 (среднесписочная). При этом основную работу на предприятиях отрасли в 2019 году имели 8,8 млн человек. Труд и занятость в России. 2007. С. 195. Там же. 2015. С. 118. Там же. 2021. С. 80. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2020. С. 63.

⁴¹ В 2005 году на них было занято 7,6 млн, в 2019 – 5,1 млн (по среднесписочной численности) (Труд и занятость в России. 2015. С. 120. Там же. 2021. С. 81). Разница между среднесписочной численностью и численностью занятых, приведённой на рис. 10 обусловлена, как было указано выше, наличием внештатных работников, а также работников с неполной занятостью. Основная часть первых приходится на крупные и средние предприятия – так, в 2017-2018 годах разница между численностью занятых на малых предприятиях отрасли и среднесписочной численностью их работников составляла всего лишь около 100 тыс. (Малое предпринимательство в России. 2019. С. 18, 22). Данные о численности вторых собираются только по крупным и средним предприятиям, и если судить по ним, большинство таких работников также заняты там (подробнее об этом см. в разделе 2).

⁴² С 961 тыс. до 1,56 млн. Экономическая активность населения России. 2014. С. 97. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 95.

Рисунок 10. Занятость в обрабатывающей промышленности по типу рабочего места в 2005 и 2019 годах, млн человек

2. В добыче полезных ископаемых концентрация не снизилась – в 2021 году на малых предприятиях было занято лишь на 25 тыс. человек больше, чем в 2005, тогда как общая занятость в отрасли за это время выросла чуть сильнее. На малых предприятиях работает лишь около 6% работников отрасли, в неформальном секторе – около 3%⁴³.

3. За последнее десятилетие концентрация занятости в сельском хозяйстве по одним показателям слегка снизилась, по другим – слегка выросла. В 2021 году доля штатных работников организаций (по среднесписочной численности) в общей занятости была несколько ниже, чем в 2010 и составляла чуть меньше 1/3⁴⁴. При этом доля имеющих основную работу в организациях почти не изменилась, оставаясь чуть больше 50%⁴⁵. В 2021 году на средние и крупные организации приходилось чуть больше занятых в корпоративном секторе, чем в 2010 – 67% против 64%⁴⁶. В то же время в отрасли произошли важные изменения. Более 4/5 общего сокращения занятости за десятилетие пришлось на неформальный сектор (1 из 1,2 млн)⁴⁷, при этом сильно снизилось число занятых в собственных товарных хозяйствах, а число наёмных работников в неформальном секторе, напротив, слегка выросло. То есть в отрасли остаётся всё меньше работающих в собственных домохозяйствах⁴⁸ и всё больше тех, кто работает по найму (на предприятиях, у фермеров и индивидуальных предпринимателей).

⁴³ Промышленность России. 2008. С. 94. Промышленное производство в России. 2021. С. 73. Труд и занятость в России. 2015. С. 116. Там же. 2021. С. 79. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 95. Однако стоит учитывать, что в отрасли широко распространена неустойчивая занятость (подробнее о ней будет сказано ниже), в частности, работа вахтовым методом, при которой, как правило, заключаются временные контракты, а также трудоустройство через подрядчиков и субподрядчиков.

⁴⁴ 31% против 39% (Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 66. Труд и занятость в России. 2023. С. 88). От среднегодовой занятости – 29% против 35% соответственно (Там же. С. 87-88).

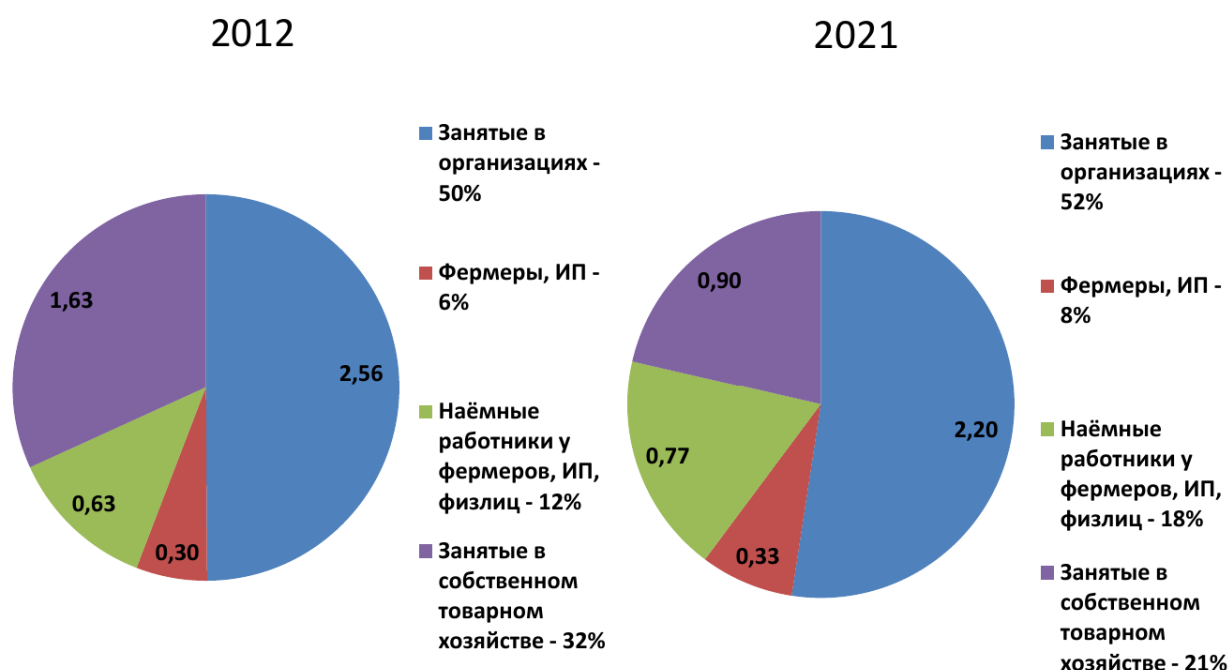
⁴⁵ 54% занятых в 2010 году и 52,5% в 2021 (Труд и занятость в России. 2011. С. 86. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 66).

⁴⁶ 1,36 из 2,13 млн в 2010 году и 0,88 из 1,31 млн в 2021 году (Труд и занятость в России. 2023. С. 88-89).

⁴⁷ Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 48, 95.

⁴⁸ Эта тенденция прослеживается с середины 2000-х: в 2003 их было 1,8 млн, в 2006 – 2,25 млн., затем численность постепенно снижалась. См.: Экономическая активность населения России. 2012. С. 64.

Рисунок 11. Занятость в сельском хозяйстве по статусу в 2012 и 2021 годах, млн человек⁴⁹

4. В строительстве за 2005-2019 годы сократилось число работающих в организациях (в крупных и средних почти на 30%, в малых чуть меньше, чем на 10%), тогда как занятость в неформальном секторе выросла более чем в полтора раза. Таким образом, весь рост занятости здесь пришёлся на неформальный сектор. В настоящее время в организациях малого бизнеса и в неформальном секторе занято больше 2/3 работников отрасли⁵⁰.

5. В торговле и ремонте значительно выросла занятость в организациях, особенно в крупных и средних – на 50%, тогда как в неформальном секторе – лишь на 7%⁵¹. В последнем в 2019 году по сравнению с серединой 2000-х стало больше работающих по найму у ИП и физлиц, снизилась численность работающих самостоятельно⁵². Таким образом, концентрация занятости происходит здесь двумя путями. Во-первых, за счёт увеличения доли занятых в корпоративном секторе. Во-вторых, внутри неформального сектора – самостоятельные торговцы становятся наёмными работниками, но не в фирмах, а у других торговцев (ИП и физлиц без регистрации). Тем не менее, в отрасли только 18% работников (2,5 млн) числились в штате крупных и средних организаций, остальные работали в малом бизнесе (3 млн), неформальном секторе (4,6 млн)⁵³ или как внештатные.

⁴⁹ Для сравнения взят 2012 год, поскольку в статистике за 2010 год фермеры и индивидуальные предприниматели не отделялись от занятых в собственных домохозяйствах, данные за 2011 год отсутствуют.

⁵⁰ Труд и занятость в России. 2015. С. 121. Там же. 2021. С. 79-80, 82. Малое предпринимательство в России. 2007. С. 27. Там же. 2022. С. 24. Экономическая активность населения России. 2014. С. 97. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 95. Без учёта нелегальных зарубежных мигрантов и работающих без оформления мигрантов из стран ЕАЭС (последним разрешительные документы не требуются).

⁵¹ Труд и занятость в России. 2015. С. 119, 121. Там же. 2021. С. 81-82. Экономическая активность населения России. 2014. С. 97. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 95.

⁵² Экономическая активность населения России. 2008. С. 106. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2020. С. 103.

⁵³ Труд и занятость в России. 2021. С. 81-82. Малое предпринимательство в России. 2022. С. 24. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 95.

6. Численность занятых на транспорте за 2010-2021 выросла, но занятость в организациях осталась практически на прежнем уровне⁵⁴. Весь прирост занятости пришёлся на неформальный сектор, число работников в котором выросло на треть (более чем на 500 тыс.)⁵⁵. В 2021 году работники организаций составляли более половины занятых в отрасли⁵⁶, при этом больше 80% работников организаций были заняты в крупном и среднем бизнесе.

Таким образом, в трёх отраслях реального сектора видно снижение концентрации, значительный рост занятости в неформальном секторе и на малых предприятиях. В двух – сохранение концентрации на прежнем уровне, отсутствие роста (или даже снижение – в сельском хозяйстве) занятости в неформальном секторе и малом бизнесе. Ещё в одной (при этом, что немаловажно, непроизводственной) отрасли виден рост концентрации, но в своеобразной форме – не только за счёт роста занятости в среднем и крупном бизнесе, но и за счёт роста числа работающих по найму в неформальном секторе при снижении числа самостоятельных работников.

При этом, наряду со снижением концентрации занятости, в некоторых отраслях может происходить и поляризация, т.е. увеличение численности занятых в части фирм на фоне её сокращения в остальных. Как правило, это увеличение происходит в корпорациях и холдингах, расширяющихся за счёт получения контроля над прежде независимыми предприятиями, тогда как в рамках отдельных предприятий численность работников обычно снижается (по сравнению с советским периодом откуда родом большинство российских предприятий реального сектора – подробнее об этом будет сказано ниже). То есть концентрация занятости в таких компаниях в большей степени формально-юридическая, чем реальная: больше работников оказываются под началом одного капитала и одного центра управления, но не в рамках одной производственной единицы (это же может относиться и к торговле; но всё же вопрос поляризации занятости в экономике в целом и в конкретных отраслях требует отдельного исследования).

1.5. Неустойчивая занятость

Наряду с неформальной занятостью значительно выросла неустойчивая, которую затруднительно оценить количественно напрямую, поскольку она с одной стороны не выделяется официальной статистикой, а с другой – разными способами маскируется бизнесом.

Исследователи определяют её так:

«Под неустойчивыми понимаются все формы занятости как в формальной, так и в неформальной экономике, которые не дают работникам (или лишают их) основных социальных гарантий – от получения стабильной заработной платы и защиты от необоснованных увольнений до гарантий социальной поддержки и социального обеспечения»⁵⁷.

К неустойчивой занятости обычно относят следующие виды найма:

---

⁵⁴ 3,32 млн в 2010 и 3,27 млн в 2021 (Труд и занятость в России. 2023. С. 89). Всего в отрасли «транспортировка и хранение» среднегодовая занятость выросла чуть больше, чем на 500 тыс. за 2010-2021 – с 5,1 млн до 5,6 млн (Там же. С. 87).

⁵⁵ С 900 тыс. до 1,5 млн. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 95.

⁵⁶ По указанным выше причинам данные сильно расходятся: от 58% (среднесписочная численность работников организаций от среднегодовой занятости в отрасли) до 77% (имевших основную работу в организациях от общего числа занятых в отрасли). См.: Труд и занятость в России. 2023. С. 87, 89. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 66.

⁵⁷ П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Заёмный труд: последствия для работников. М., 2012. С. 12.

«передача части функций организации на подряд другим компаниям (аутсорсинг) на территории организации или вне её; найм работников через агентства занятости (аутстаффинг); приём на основании краткосрочных договоров; оформление договоров с работниками как с индивидуальными предпринимателями и консультантами; установление длительных испытательных сроков, необоснованных периодов обучения для учеников; работа по вызову»⁵⁸.

Особенность неустойчивой занятости состоит в том, что между работником и нанимателем может быть формально заключён трудовой договор (чаще всего срочный контракт или договор подряда). Однако он либо не служит целям регулирования трудовых отношений, описания прав и обязанностей сторон, играя роль ширмы (т.е. не содержит никакой конкретики, а все отношения регулируются устными договорённостями), либо работник не имеет никакой возможности влиять на его содержание (вплоть до того, что не получает его на руки) и, соответственно, на уровень оплаты и условия своего труда⁵⁹.

Важнейшей чертой большей части неустойчивых трудовых отношений является нацеленность на уничтожение всякой субъектности работника, т.е. возможности отстаивать свои трудовые права и защищать свои интересы. Как правило, это происходит из-за уязвимого положения самих работников (внутренние или зарубежные мигранты, жители моногородов, принадлежащие к социально незащищённым слоям населения и т.д.)⁶⁰. Не менее важно, что при неустойчивой занятости работодатель присваивает себе функцию регулирования трудовых отношений, которая принадлежит государству: например, решает, будут ли предоставлены работнику социальные гарантии, какие виды поощрений и наказаний допустимо применять к нему и т.д.

Один из наиболее распространённых видов неустойчивой занятости – заёмный труд, при котором в качестве нанимателя и непосредственного работодателя выступают разные лица и организации. Использование заёмного труда, в частности, позволяет платить разным категориям работников меньше за одну и ту же работу (т.е. дискриминировать работников, что прямо запрещено законом), принуждать к переработкам и не оплачивать их, не соблюдать технику безопасности и принуждать работать в условиях её нарушения, отправлять работников в простой без оплаты и т.д. Защита трудовых прав при такой форме найма крайне затруднена, поскольку, во-первых, ответственность и обязанности работодателя оказываются «расщеплены» между двумя фирмами, каждая из которых может отказаться признавать их за собой, а во-вторых, любая попытка отстоять свои интересы может быть пресечена моментальным прекращением трудовых отношений⁶¹. Зачастую работников выводит за штат само предприятие, где они работают. В таком случае на них – формально трудоустроенных в стороннюю фирму – перестают распространяться льготы и выплаты, обусловленные условиями труда и/или прописанные в коллективном договоре. В 2016 году заёмный труд был формально запрещён, однако предусмотренные исключения фактически сводили этот запрет на нет⁶². С тех пор в законодательство было внесено несколько послаблений, а в 2024 году в Госдуму были внесены поправки, официально разрешающие заёмный труд при посредничестве государственных центров занятости⁶³.

---

⁵⁸ Там же. С. 12-13.

⁵⁹ Подробнее см.: П. Бизюков. Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости. М., 2013. С. 60-76.

⁶⁰ Там же. С. 76, 116–117. П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Указ. соч. С. 164. Например, к уязвимым категориям, занятым на временных работах в торговле и услугах исследователи относят молодых матерей, выпускников учебных заведений, работников предпенсионного и пенсионного возрастов. См.: Трудовая (по)ломка. // https://vk.com/video-28944118_456239300?t=54m45s

⁶¹ П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Указ. соч. С. 30-31, 37-38, 47-64.

⁶² Что такое заёмный труд и почему его запретили? // <https://aif.ru/dontknows/eternal/1163702>

⁶³ Труд не занимать. // <https://www.kommersant.ru/doc/6693692>

Неустойчивая занятость (заёмный труд, временные контракты и т.д.) – важный фактор дифференциации и конкуренции работников в рамках одной фирмы или отрасли. Находящиеся в худших условиях соглашаются на высокий уровень эксплуатации в надежде на переход в более привилегированную группу (зачисление в штат, перевод на бессрочный договор), а работники с устойчивой занятостью оказываются под давлением их конкуренции и постоянной угрозой ухудшения своего положения (вывода за штат, или перевода на срочный контракт), что также облегчает повышение уровня их эксплуатации.

В 2000-2019 годы среднесписочная численность работников корпоративного сектора снизилась на 7 млн (с 51 до 44), но численность имеющих основную работу в нём за те же годы практически не изменилась (колеблясь вокруг отметки в 58 млн). Одна из причин – увеличение доли работающих не в штате (в том числе внешних совместителей и работающих по договору ГПХ) и без оформления⁶⁴. По данным Росстата в корпоративном секторе в конце 2010-х было 2,5 млн совместителей и работавших по договорам ГПХ, а на малых предприятиях таким образом было трудоустроено 9% работников⁶⁵. Заёмные работники только частично попадают в это число, поскольку работают не только по договорам ГПХ, но и по временным контрактам; также сюда не входят работающие без оформления.

По данным исследования ИС РАН в 2016 году 14% россиян работали по срочным контрактам, ещё 10% – на основании устной договорённости⁶⁶. И тех и других в разы больше, чем показывает Росстат: по его данным в 2010-х по временным контрактам работали 3-4% или 2-2,5 млн, без оформления – около 4% или 2,5 млн. По оценкам Минтруда в 2023 году теневого занятостью (т.е. без всякого оформления и регистрации) было охвачено около 9,6 млн человек или более 13% занятых⁶⁷. Иначе говоря, неустойчивая занятость в той или иной мере затрагивает не меньше четверти работающих (как в формальном, так и в неформальном секторе) или более 18 млн человек.

В последние годы активно растёт численность ещё одной категории работников с неустойчивой занятостью. Это так называемые «платформенно занятые», т.е. формально независимые работники, которые якобы используют сайты или цифровые сервисы – «платформы» для поиска заказчиков и связи с ними. На деле, разумеется, подавляющее большинство из них – наёмные работники этих платформ (сервисы такси, курьерские службы, интернет-магазины и т.д.), при этом не оформленные по трудовому договору и практически не защищённые трудовым законодательством. Данные о численности этой группы начали публиковаться в сборниках Росстата только в 2023 году: согласно ним в 2022 году их было около 3,5 млн⁶⁸. При этом часть из них (возможно, большинство), очевидно, причисляется статистикой к неформальному сектору, поскольку формально имеет статус ИП.

Неустойчивая занятость, так же как неформальная занятость по найму преобладает в строительстве, торговле, бытовых услугах: так, исследование проведённое в 2018 году выявило, что без официального оформления в строительстве трудоустроены 29,3%

---

⁶⁴ Также (как было отмечено в примечаниях к разделу 1.4) играет роль форма учёта находящихся в неоплачиваемых отпусках и работающих неполное рабочее время.

⁶⁵ В крупных и средних организациях в 2019 году было 500 тыс. внешних совместителей и 900 тыс. работавших по договорам ГПХ. В малых предприятиях в 2018 году было 700 тыс. внешних совместителей и 400 тыс. работавших по договорам ГПХ (Социально-экономическое положение России. 2019 год. С. 226. Малое предпринимательство в России. 2019. С. 12).

⁶⁶ В. Петухов. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности». // Социологические исследования. 2016. №11. По данным МОТ за 2017 год по временным контрактам было устроено 10% работников. Нестандартная занятость берет своё. // <https://www.kommersant.ru/doc/3441040>

⁶⁷ С чёрного дохода: Минтруд оценил число занятых в тени россиян в 9,6 млн. // <https://iz.ru/1709349/milana-gadzhieva-mariia-stroiteleva/s-chernogo-dokhoda-mintrud-otcenil-chislo-zaniatykh-v-teni-rossiian-v-96-mln>

⁶⁸ Труд и занятость в России. 2023. С. 59.

работников, в торговле, бытовом обслуживании, ЖКХ – 22%, на транспорте – 17,5%⁶⁹ (и это без учёта неустойчиво занятых, работающих официально)⁷⁰. Но её доля также велика в некоторых отраслях промышленности и транспорта – там, где широко применяется заёмный труд или работа вахтовым методом (при которой зачастую заключаются временные контракты)⁷¹.

1.6. Выводы раздела 1

На протяжении всего постсоветского периода изменение структуры занятости имело несколько аспектов, но, по сути, шло в одном направлении. Во-первых, это был переход из отраслей материального производства в непроизводственные – торговлю и услуги. Во-вторых, переход с крупных и средних предприятий в малый бизнес и неформальную занятость, т.е. снижение концентрации работников в рамках одной хозяйствующей единицы.

В результате структура занятости приобрела новые характерные особенности. Помимо тех, о которых было сказано выше, можно выделить ещё несколько:

1. В последние годы в неформальном секторе (самостоятельные работники, ИП, фермеры и физлица, а также их наёмные работники) работало около 14,5 млн, в малых предприятиях – ещё около 11 млн. Суммарно это составляет более трети от всех занятых (около 71 млн) и ненамного меньше, чем работников средних и крупных организаций по среднесписочной численности (25,5 млн против 32 млн).
2. Очень большая часть работников неформального сектора (40-50%) и малого бизнеса (30-40%) занята в торговле, бытовых и личных услугах, т.е. в непроизводственных отраслях с преобладанием низкопроизводительного труда (в данном случае речь идёт о производительности в мейнстримовом её понимании – как отношении валовой добавленной стоимости (ВДС) к численности работников; её низкий уровень обусловлен распылённостью хозяйствующих единиц, низкой концентрацией капитала (как следствие – низким уровнем механизации, т.е. высокой трудоёмкостью) и отчасти неформальным характером деятельности)⁷².
3. В этих секторах очень низкая концентрация наёмных работников: в среднем 26 в одном малом предприятии; 2 в одном микропредприятии; 11 у одного ИП, фермера или физлица без юридического оформления (т.е. в неформальном секторе).
4. Произошло сокращение занятости в высокотехнологичных отраслях – науке и части обрабатывающей промышленности (в первую очередь в машиностроении и смежных отраслях) и преимущественный рост занятости в низкотехнологичных и низкопроизводительных отраслях и секторах (неформальный сектор, мелкая торговля, бытовые и личные услуги). Для наглядности приведём данные за прошлое десятилетие. С 2010 по 2021 годы снижение занятости в обрабатывающей промышленности составило 550 тыс., в энергетике – 100 тыс., в профессиональной, научной и технической деятельности – 200 тыс., в образовании – 550 тыс. За этот же период единственная отрасль, которую можно считать высокотехнологичной и в которой занятость заметно выросла – деятельность в области информации и связи – прибавила лишь 220 тыс. работников. В то же время занятость в торговле выросла почти на 700 тыс., в гостиницах и

---

⁶⁹ Прекариат: становление нового класса (коллективная монография). М., 2020. С. 99, 13-14.

⁷⁰ «работников, не сталкивающихся с признаками прекарности, больше в сфере ... образования, науки, здравоохранения (45,9%) и меньше в строительстве (17,1%) и торговле (21,4%)». А. Кученкова. Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2021. № 1.

⁷¹ В первую очередь это относится к добывающим отраслям, а также строительству и транспортному обеспечению промышленных и инфраструктурных объектов в ресурсодобывающих регионах.

⁷² «Неформальная экономика в целом отличается низкой капиталоемкостью, отсталыми технологиями ... ограниченным доступом к кредитам и рынкам сбыта и вследствие этого – недостаточной производительностью». И. Воскобойников, В. Гимпельсон. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике. // Вопросы экономики. №11. 2015

общепите – на 320 тыс.⁷³. В последние десятилетия очень популярны теории «постиндустриального общества», «информационной экономики» и т.п. Говоря о структуре занятости, характерной для них, апологеты этих теорий, как правило, указывают на сокращение численности работников традиционных отраслей обрабатывающей промышленности и росте занятости (в первую очередь – высококвалифицированной) в «новых» высокотехнологичных отраслях – например, телекоммуникациях, информационных технологиях, цифровых финансовых услугах («финтех») и т.п. Даже абстрагируясь от несоответствия этих концепций реальности (которое становится очевидным, если рассматривать мировой капитализм как единую систему⁷⁴), можно отметить, что изменения в российской экономике не имеют отношения к тем действительно происходившим процессам, которые легли в их основу⁷⁵. Некоторые исследователи характеризуют такую модель как «постиндустриальную без индустрии» в противоположность странам капиталистического центра, где, несмотря на относительно невысокую занятость в аграрном и промышленном секторе, капиталовооружённость и производительность труда в них очень велики, что позволяет поддерживать самостоятельное развитие как промышленности, так и экономики в целом⁷⁶ (подробнее об этом аспекте российской экономики будет сказано в следующих разделах).

5. В последние годы численность работников неформального сектора в непромышленных отраслях с преобладанием физического труда уже сопоставима с численностью занятых на промышленных предприятиях. Так, в 2021 году в неформальном секторе в строительстве, торговле, транспорте, гостиницах, общепите, бытовых и личных услугах работало около 9,2 млн (из них наёмных работников около 6,5 млн) против 8,8 млн, имевших основную работу на предприятиях обрабатывающей промышленности⁷⁷. Учитывая, что в обрабатывающих производствах к неформальному сектору принадлежит около 1,5 млн человек – а есть ещё заёмные работники, трудоустроенные по временным контрактам и т.д. – можно заключить, что работников предприятий всех отраслей промышленности (добывающей, обрабатывающей и энергетики) со стандартной

---

⁷³ Россия в цифрах. 2021. С. 49. Российский статистический ежегодник 2022. С. 121.

⁷⁴ «мы сегодня имеем дело не с *подлинным* преодолением индустриального способа производства, а всего лишь с *выносом* индустрии из “первого мира” в “третий” (выносом, сопровождаемым пропагандистской шумихой о “постиндустриализме”))». А. Тарасов. Разрушить капитализм изнутри. // https://scepsis.net/library/id_3149.html. «Все сказки о “постиндустриальном” обществе – бред, основанный на паразитическом характере, который принял сегодня “первый мир”. Если следовать этой логике, то богатые кварталы капиталистических городов *всегда* были “постиндустриальным обществом”». Он же. Мировая революция-2. // https://scepsis.net/library/id_2986.html. См. также: Он же. Назад, к неграмотной России? // https://scepsis.net/library/id_113.html; Н. Северный. Четверть века «реформе образования»: краткая история и предварительные итоги. // <https://saint-juste.narod.ru/Chetvert.html>

⁷⁵ «резкое сокращение занятости в традиционных для России как индустриальной страны отраслях не повлекло за собой сколько-нибудь сопоставимого по масштабам роста занятости в высокотехнологичных сегментах третичного и в четвертичном секторах экономики. Хотя занятость в сферах управления, финансовой деятельности и услуг, предполагающих достаточно высокую квалификацию (операции с недвижимостью, юридические услуги и т. п.) и выросла за эти годы в разы, однако в совокупности этот рост составил менее половины от потерянных в других отраслях рабочих мест. Основной же прирост рабочих мест пришёлся на сферу торговли и бытового обслуживания» Н. Тихонова, А. Каравай. Влияние экономического кризиса 2014-2016 годов на занятость россиян. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 2. 2017. «Допустим, в некоторой отрасли А благодаря определенным технологическим и организационным улучшениям производительность выросла, но в других отраслях изменений не произошло. Если спрос на продукцию А при этом не меняется, то часть рабочей силы высвободится. Если высвободившийся труд перераспределится в отрасли с более низкой производительностью, например из обрабатывающей промышленности в розничную торговлю, то уровень агрегированной производительности труда может не измениться или даже снизиться ... Высвобождающаяся из прогрессирующей промышленности рабочая сила перетекает в стагнирующие отрасли услуг, в результате увеличивается их доля и, как следствие, замедляется рост агрегированной производительности». И. Воскобойников, В. Гимпельсон. Указ. соч. О более низкой производительности труда в отраслях торговли и услуг см.: Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Научный доклад. М., 2024. С. 143-146.

⁷⁶ Е. Балацкий, Н. Екимова. Модель российской экономики: постиндустриальное общество без индустриального сектора // «Мир новой экономики», 2021. Т. 15, №2. «сложившееся положение дел чревато построением постиндустриального общества без развитой индустрии по образцу отсталых стран третьего мира». Там же.

⁷⁷ Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 63, 95, 105.

занятостью⁷⁸ сейчас едва ли больше, чем неформально и неустойчиво занятых, работающих в отраслях с преобладанием физического труда.

***

В российской структуре занятости и её изменениях заметно сходство с другими зависимыми экономиками, подвергнувшимися деиндустриализации вследствие неолиберальных преобразований: большое снижение числа работающих в материальном производстве, рост в непроизводственных отраслях и одновременно значительный рост неформальной и неустойчивой занятости. Наиболее близка в этом отношении Латинская Америка, особенно самые развитые страны (Аргентина, Чили, Бразилия), поскольку у них в своё время был большой индустриальный сектор и значительная доля занятых в промышленности. В ходе неолиберальных «реформ» проводившихся с 1970-х по 2000-е, этот сектор сильно сократился, и большое количество работников переместились в непроизводственные отрасли и неформальную занятость.

Приведём наиболее яркие примеры. В Аргентине в 1975 году (до наступления неолиберализма) в промышленности было занято почти 25%⁷⁹. С 1991 по 2019 годы доля занятых в обрабатывающей промышленности среди работающих в городах снизилась с 24 до 11,5%⁸⁰. В 1970 году неформальные работники составляли около 22% экономически активного населения (т.е. их доля среди трудоспособного населения была ещё меньше)⁸¹. К началу 2000-х уже свыше 40% трудоспособного населения работали неофициально на микропредприятиях или на малых предприятиях в торговле и сфере услуг, а в городах на неформальных работников приходилось около 60% занятых; в середине 2010-х неформальная занятость составляла около 47%⁸².

В Чили в начале 1970-х в промышленности в целом было занято чуть меньше 25% всех работников⁸³. Доля занятых в обрабатывающих производствах снизилась с 17% в 1975 и 1989 до 14% в 2000 и 10% в 2019⁸⁴. В 1970 году неформальные работники (как в формальном, так и в неформальном секторе) составляли около 26% экономически

---

⁷⁸ Основную работу на предприятиях добывающей промышленности в 2021-2022 годах имели 1,6 млн человек, но среднегодовая численность занятых на них составляла 1,2 млн, а среднесписочная – лишь чуть больше 1 млн, что говорит о значительной доле работников с неустойчивой занятостью. В энергетике при 1,8 млн имеющих основную работу на предприятиях среднегодовая численность составляла 1,6, среднесписочная – 1,4 млн. Таким образом основную работу в трёх отраслях промышленности имели 12,1 млн, но среднесписочная численность занятых там составляла лишь чуть больше 9 млн (Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 63. Труд и занятость в России. 2023. С. 88-89).

⁷⁹ Р. Рохас. Приливы и отливы в движении латиноамериканских левых. // https://sceptsis.net/library/id_3876.html

⁸⁰ Здесь, как и в России, основное сокращение занятости в материальном производстве происходило в 90-х. Рассчитано по: Employment by sex and economic activity (thousands) – Annual. // https://rshiny.ilo.org/dataexplorer35/?lang=en&id=EMP_TEMP_SEX_ECO_NB_A. Аргентинская статистика занятости собирается только по городскому населению.

⁸¹ A. Portes. Latin American Class Structures: Their Composition and Change During the Last Decades // Latin American Research Review. Vol. 20, №3. 1985.

⁸² Р. Рохас. Указ. соч. Women and men in the informal economy. P. 87.

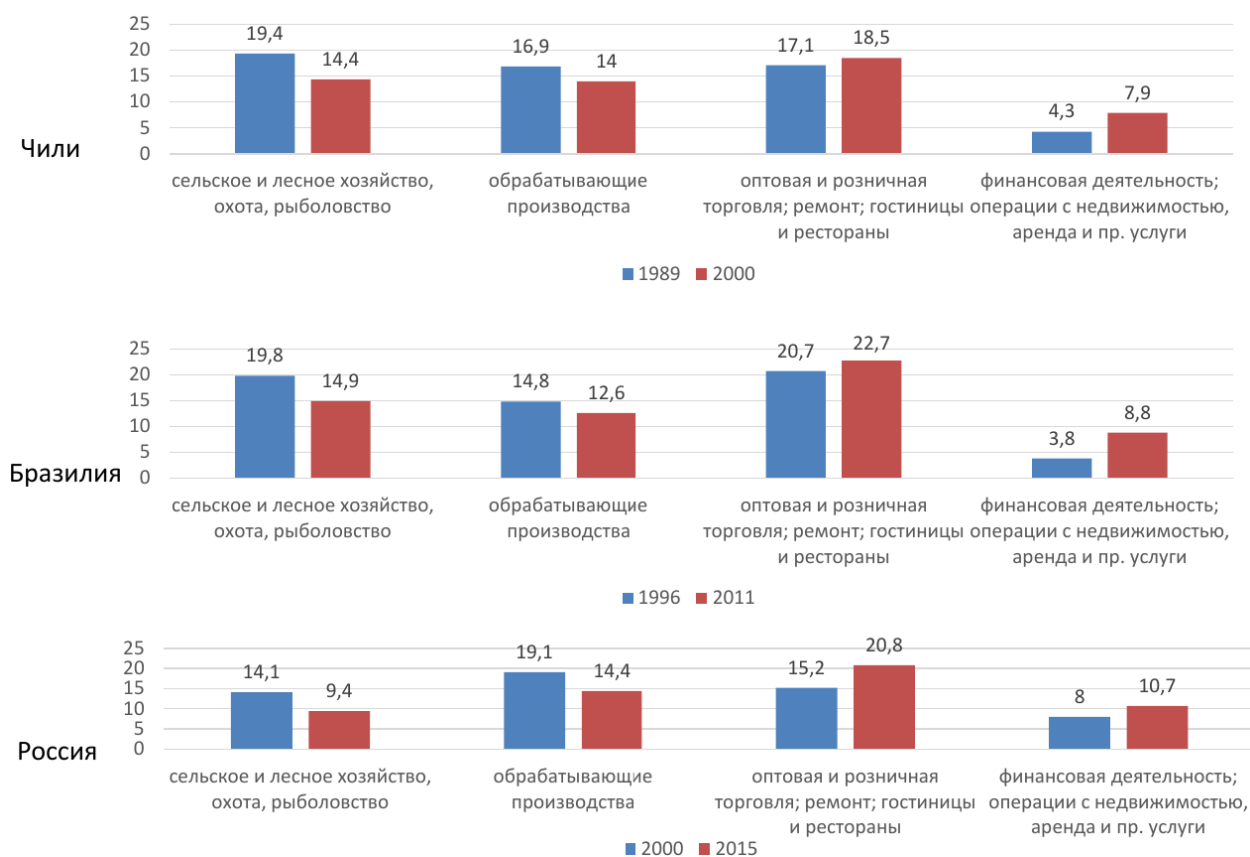
⁸³ Р. Рохас. Указ. соч.

⁸⁴ Рассчитано по: Employment by sex and economic activity (thousands) – Annual. // https://rshiny.ilo.org/dataexplorer35/?lang=en&id=EMP_TEMP_SEX_ECO_NB_A. В первую волну неолиберальных преобразований во время диктатуры Пиночета в основном снижалась доля занятых в социальных услугах (т.е. бюджетном секторе), добывающей промышленности и сельском хозяйстве. Занятость в обрабатывающей промышленности практически восстановилась к концу 80-х после первоначального спада.

активного населения, в 2000 – до 35%⁸⁵, в 2010-х неформальная занятость составляла уже около 40% общей занятости⁸⁶.

При этом надо учитывать, что в отличие от России трудоспособное население в Латинской Америке увеличивается, т.е. в абсолютном выражении рост неформальной занятости очень велик.

Рисунок 12. Изменение отраслевой структуры занятости в Чили, Бразилии и России за сопоставимые временные промежутки, %⁸⁷

В России сложившаяся структура занятости и изменения в ней в последние десятилетия имеют большое сходство, например, с Чили или Бразилией⁸⁸. Разница лишь в том, что в этих странах снижение доли занятых в промышленности происходит из-за роста населения, в абсолютном выражении занятость стагнирует (Чили) или умеренно растёт (Бразилия). В России же оно происходит из-за сжатия промышленности и абсолютного сокращения занятости в ней. В то же время в Бразилии и Чили произошёл очень большой абсолютный рост занятости в торговле, гостиницах и общепите (в 1,5-2 раза), так же, как и в России (около полутора раз за схожий промежуток времени).

Можно сказать, что уровень промышленной занятости в России сейчас соответствует показателям Чили начала 2000-х и Бразилии конца 90-х (или второй половины 2000-х). В этих странах снижение доли занятых в промышленности продолжилось и в 2010-х (см.

⁸⁵ A. Portes. Op. Cit. A. Portes, K. Hoffman. Latin American Class Structures: Their Composition and Change during the Neoliberal Era. // Latin American Research Review. Vol. 38. №1. 2003.

⁸⁶ Women and men in the informal economy. P. 87.

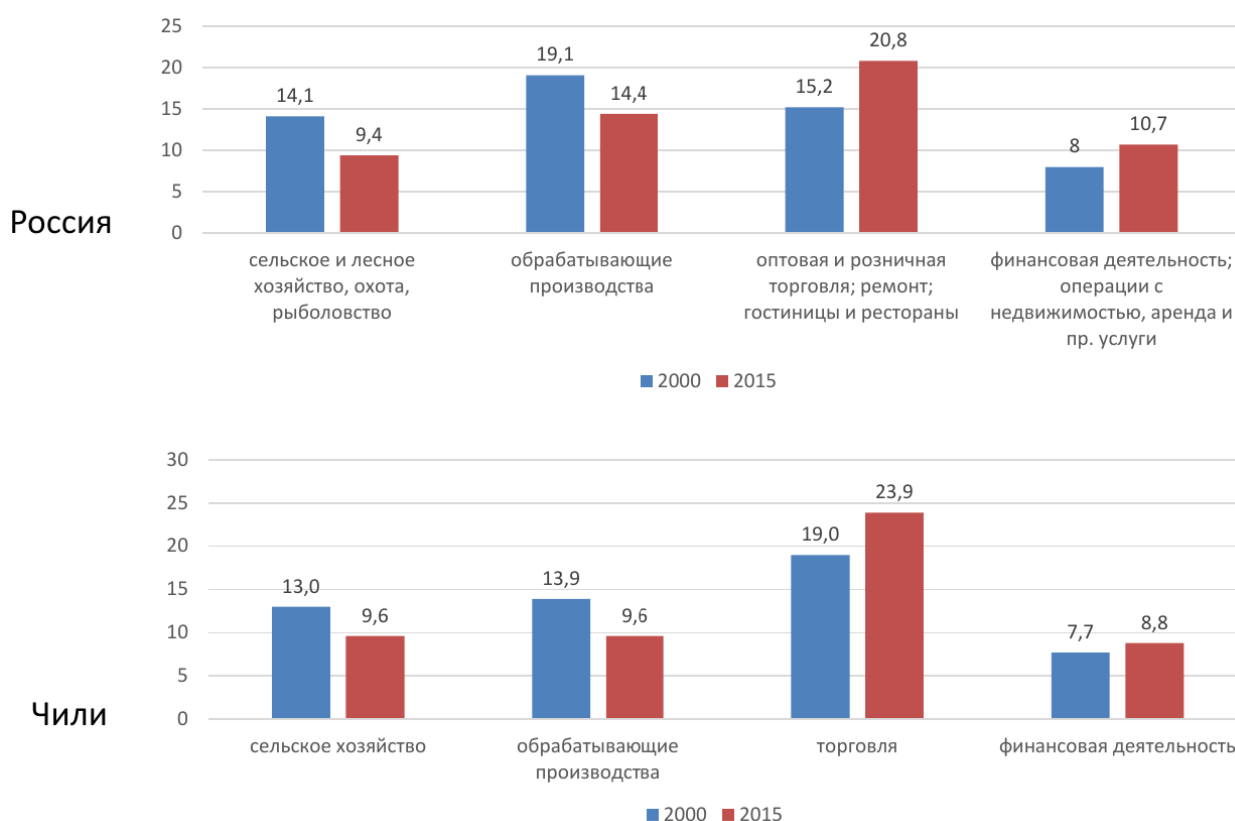
⁸⁷ Рассчитано по: Employment by sex and economic activity (thousands) – Annual. // https://rshiny.ilo.org/dataexplorer35/?lang=en&id=EMP_TEMP_SEX_ECO_NB_A.

⁸⁸ В Бразилии в 1997 году работники неформального сектора в городах составляли 44% против 37,5% в 1979 (A. Portes, K. Hoffman. Op. cit.). При этом доля городского населения выросла с 68% в 1980 до 80% в 1998. В середине 2010-х общий уровень неформальной занятости составлял 46% (Women and men in the informal economy. P. 87).

пример Чили на рис. 13), что говорит о возможном продолжении такой же тенденции и в России. Пока что ситуация отличается от латиноамериканских стран тем, что сохраняется значительная занятость в формальном секторе, в частности на промышленных предприятиях, но с годами она снижается всё больше.

Рисунок 13. Занятость в основных отраслях экономики в Чили и России в 2000 и 2015 годах, %⁸⁹

2. Резервная рабочая армия, её особенности и влияние на рынок труда

Как известно, капиталистическая экономика не может нормально функционировать без резервной рабочей армии (РРА). Стоит отметить, что трактовка этого понятия, как обозначающего исключительно безработных представляет собой очень большое упрощение и потому неверна. На деле к РРА относятся как не имеющие работы вообще, так и работники с неполной занятостью, а также занятые на нерегулярной основе (иначе говоря – частично безработные)⁹⁰. Основной критерий, позволяющий отнести имеющего работу к РРА – невозможность поддерживать нормальный жизненный уровень на

⁸⁹ Distribution of the employed population by economic activity sector, sex and area (Percentage of total employed population). // <https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/dashboard.html?theme=1&lang=en>

⁹⁰ Рассматривая резервную рабочую (промышленную) армию (также – «относительное перенаселение», «избыточные рабочие») Маркс выделял несколько форм, в которых она может существовать: текучая, скрытая, застойная (см.: К. Маркс. Капитал. Т. 1. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 655-658). При внимательном прочтении становится понятно, что под эти категории, помимо явно безработных в разной степени попадают охваченные скрытой безработицей, неустойчивой и нерегулярной занятостью.

получаемый заработок⁹¹ или воспроизводить свою рабочую силу (подробнее об этом см. в разделе 3.1)⁹².

Её величина и состав характеризуют не только состояние экономики, то есть подъём или спад, но и её специфические особенности. Например, в дореволюционной России к резервной рабочей армии относили крестьян, неспособных прокормиться со своего надела и нанимавшихся на сельскохозяйственные работы, лесозаготовки и другие «промыслы», в том числе уходивших в отход в более развитые губернии, а также «домашних» (т.е. надомных) рабочих⁹³, что было следствием разложения натурального и мелкотоварного хозяйства под действием развивающихся капиталистических отношений.

2.1. Составляющие резервной рабочей армии

В российской экономике РРА состоит из трёх основных частей. Первая и главная составляющая прямо проистекает из происходивших в ней процессов, в первую очередь деиндустриализации. Это рабочие промышленных, сельскохозяйственных и некоторых других предприятий, которые либо остались без работы из-за их разорения и закрытия, либо сами ушли из-за простоев, резкого падения зарплат и их многомесячных задержек. Эти люди в большинстве своём искали любой способ заработка, который мог бы обеспечить их и их семьи. Множество из них попадали на неквалифицированные рабочие места, в том числе в неформальном секторе или с неустойчивой занятостью, заметная часть оказывалась среди периодически или хронически безработных.

В 90-х большинство безработных были рабочими (например, в 1998 году – 54% от их общего числа), уровень безработицы среди них был выше, чем среди любой другой профессиональной группы⁹⁴. Большой уровень безработицы был характерен для них и позже⁹⁵. Особенно высоким был уровень безработицы среди неквалифицированных рабочих – на протяжении 2000-х он практически не опускался ниже 10%⁹⁶. Поскольку весь постсоветский период в первую очередь снижалась занятость в промышленности, можно предположить, что среди промышленных рабочих безработица была ещё выше.

После 2000 года рост занятости в экономике практически полностью происходил за счёт неформального сектора. Это значит, что большинство людей, оставшихся без работы и образовавших резервную рабочую армию в 90-х, в период восстановительного роста находили рабочие места, но уже в неформальном секторе и/или с неустойчивой

---

⁹¹ Там же, с. 657.

⁹² Классическое описание РРА для современной ему ситуации дал Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии». В частности, он упоминает типичные занятия оказавшихся в РРА того времени: «эти люди нищенствуют и воруют, подметают улицы, собирают лошадиный навоз, перевозят кладь на ручных тележках и на ослух, торгуют с лотков и поддерживают своё жалкое существование всякими мелкими, случайными работами ... Большинство ... прибегает к мелкой торговле в разнос. В особенности в субботу вечером, когда всё рабочее население высыпает на улицу, видно, какое множество людей занимается этим промыслом. Бесчисленное количество мужчин, женщин и детей наперебой предлагает шнурки для ботинок, подтяжки, тесёмки, апельсины, печенье, всевозможные мелочи ... Предметом торговли этих людей являются также спички и тому подобные вещи: сургуч, патентованные составы для разжигания огня и прочее» (Ф. Энгельс Положение рабочего класса в Англии. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 2 С. 320-321). Как будет видно ниже, некоторые из них (в первую очередь торговля) присущи и входящим в состав РРА в России.

⁹³ См., например: В. Ленин. Развитие капитализма в России. // ПСС. Т. 3. С. 143-144, 228-229, 446-447, 528-529, 546.

⁹⁴ Б. Максимов. Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов. СПб., 2004. С. 32-34.

⁹⁵ Так, в 2000-х рабочие (промышленности, строительства, транспорта, связи, геологии; операторы и аппаратчики промышленного оборудования; неквалифицированные рабочие) составляли 40-45% всех безработных, что несколько превышало их удельный вес в общей занятости (Экономическая активность населения России. 2002. С. 174. Труд и занятость в России. 2003. С. 138. Там же. 2005. С. 144. Там же. 2007. С. 141. Там же. 2009. С. 132.)

⁹⁶ Экономическая активность населения России. 2002. С. 174. Труд и занятость в России. 2003. С. 138. Там же. 2005. С. 144. Там же. 2007. С. 141. Там же. 2009. С. 132.

занятостью. На отрезке 2001-2019 хорошо заметна тенденция: рост общей занятости, неформальной занятости и неформальной занятости по найму на примерно одну и ту же величину; 95% прироста общей занятости за эти годы пришлось на наёмный труд в неформальном секторе⁹⁷.

Таблица 4. Изменение занятости в экономике в целом и в неформальном секторе, млн человек

	1992	2001	2019	Прирост за 2001-2019 годы
Занятые в экономике	71,2	65,1	71,9	6,8
Занятые в неформальном секторе	-*	8,2	14,8	6,6
Наёмные работники в неформальном секторе	-*	2,9	9,4	6,5

* данные отсутствуют

Почему неформально занятые в большей или меньшей степени являются составляющей РРА⁹⁸? К неформальному сектору относится множество работников с неустойчивой занятостью: работающие без оформления; занятые на сезонных работах в сельском хозяйстве или строительстве; разного рода самозанятые, зависящие от заказчиков или поставщиков, например, в строительстве и отделке, торговле, бытовых и личных услугах и т.д. (как было показано выше, их более 3 млн человек). Занятость в неформальном секторе во многом совпадает с неустойчивой – наёмные работники чаще бывают ограничены в трудовых правах, в частности менее защищены от увольнения. Как отмечают исследователи:

«Занятость вне корпоративного сектора либо не регулируется вообще, либо регулируется с помощью сильно упрощённых процедур и правил, снижающих уровень социальной защищённости таких работников ... В 2000-е годы рост занятости на российском рынке труда происходил не просто за счёт неформальной занятости, но за счёт наименее устойчивых её форм ... Труд по найму ... перемещается в ту область, где не работают (или работают не полностью) статьи Трудового кодекса, защищающие права работников»⁹⁹.

По результатам анализа данных социально-экономических мониторингов было установлено, что «неформально занятые ... имеют более высокие шансы попадания в безработицу по сравнению с формально занятыми», а безработные и экономически неактивные (не участвующие в рынке труда) чаще попадают в неформальный сектор¹⁰⁰. То есть неформально занятых увольняют чаще, а прежде безработные чаще получают работу именно в неформальном секторе.

⁹⁷ Труд и занятость в России. 2011. С. 30-31. Там же. 2021. С. 14. Экономическая активность населения России. 2008. С. 105. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 102. Ещё часть осталась в формальном (корпоративном) секторе, покинув среднесписочную численность, т.е. оказавшись вне штата – в основном в неустойчивой занятости.

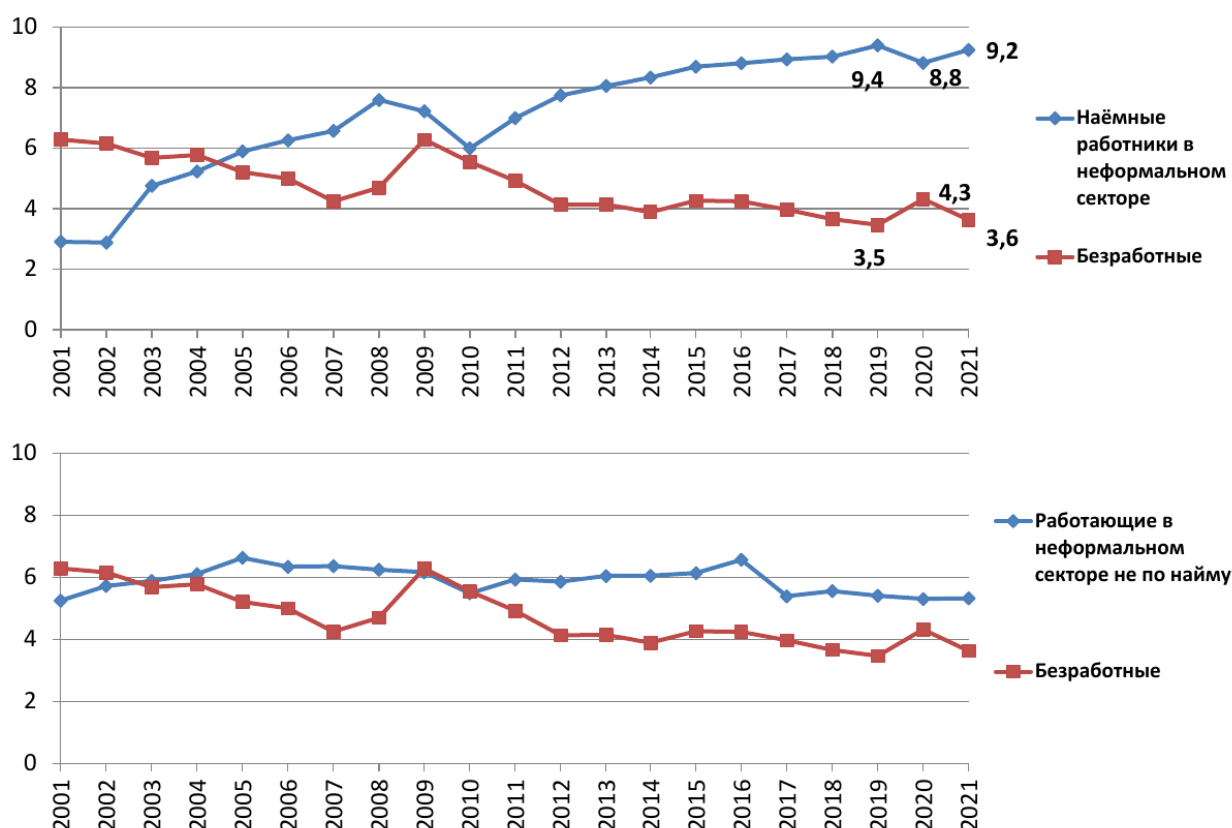
⁹⁸ Этот факт косвенно признаётся некоторыми исследователями рынка труда. См., например: А. Зудина. Макротренды на рынке труда и новый молодой пролетариат. // Социодиггер. Т. 3 №10-11. 2022.

⁹⁹ В тени регулирования. С. 119, 308, 122.

¹⁰⁰ В. Гимпельсон, А. Шарунина. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал ВШЭ. 2015. Т. 19. № 3.

За последние десятилетия сокращение занятости в неформальном секторе неоднократно совпадало с ростом безработицы, например, в кризисы 2009-2010 и 2020 годов, причём в 2020 сокращение неформальной занятости и рост безработицы были почти одинаковыми, это косвенно свидетельствует о том, что неформально занятые и переходили в разряд безработных¹⁰¹. И в 2009-2010, и в 2020 году в формальном секторе вводились меры по недопущению массовых сокращений, тогда как в неформальном секторе их или не было вообще, или они действовали лишь в незначительной мере.

Рисунок 14. Численность безработных, наёмных работников в неформальном секторе и занятых в нём не по найму в 2001-2021 годах, млн человек¹⁰²

¹⁰¹ Например, в начале кризиса 2020 года основное сокращение занятости пришлось на неформальный сектор: 700 тыс. из 800 тыс. прироста безработицы за 2019-2020 годы или 800 тыс. из 1 млн за I-II кварталы 2020 года (см: Итоги выборочного обследования рабочей силы за 2020 и 2021 годы. Табл. 2.20, 2.29, 4.1, 7.1. // <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>). Среди отраслей с наибольшим спадом занятости в пандемию были те, где доля неформального сектора наиболее велика: торговля и ремонт, гостиницы и общепит, строительство. Также в их числе была обрабатывающая промышленность, что показывает уязвимое положение значительной части её работников (Группа Всемирного банка. Доклад об экономике России. С. 46-48. // <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/efe805b2-e408-552c-afe0-12bcc1ceabf0/content>). «В начале кризиса большинство потерь рабочих мест пришлось на неформальный сектор». Там же.

¹⁰² Экономическая активность населения России. 2008. С. 105, 121. Там же. 2014. С. 112. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022. С. 102, 115. Кроме всплесков безработицы и спадов неформальной занятости в 2009-2010 и 2020 годах можно увидеть рост неформальной занятости, параллельный сокращению безработицы в 2017-2019 годах. Также можно заметить, что сумма неформально занятых и безработных одинакова на протяжении нескольких последних лет – 18,2-18,4 млн в 2013-2014 и 2017-2021 годах, при том, что занятость в корпоративном секторе в это время практически не менялась.

Рисунок 15. Совокупная численность безработных и занятых в неформальном секторе в 2001-2021 годах, млн человек

Кроме того, занятые в неформальном секторе как правило зарабатывают меньше, чем в формальном (подробнее об этом см. раздел 3). Зачастую их заработка не хватает для обеспечения себя и своих семей, что приводит к необходимости искать дополнительный источник дохода¹⁰³.

Вторая составляющая РРА – трудовые мигранты. Россия – один из мировых лидеров по числу работающих мигрантов из других стран. В первой половине 2010-х легальные и нелегальные зарубежные мигранты составляли около 9% работающего населения страны (более 6 млн человек)¹⁰⁴. В начале 2020 года иностранных работников, по разным оценкам было уже 9-12 млн (в частности по данным ООН – около 11 млн) или 12-16% всех работающих, а после начала пандемии в стране оставалось 7-8 млн (10-11%)¹⁰⁵, и это при том, что с середины 2010-х российская экономика практически не растёт. Зарубежные трудовые мигранты ограничены в правах, занимаются в основном неквалифицированным физическим трудом, кроме того, они согласны на неформальную и непостоянную занятость без социальных гарантий и ограничений рабочего времени, предусмотренных трудовым законодательством¹⁰⁶. Так, по данным социологического обследования 2017 года 61% иностранных работников были заняты физическим трудом, 3/4 работали в малом и микробизнесе (40% – в организациях с числом работников до 10 человек, 36% – в организациях с числом занятых от 10 до 49 человек). Средняя продолжительность рабочей

¹⁰³ Здесь, особенно в случае занятости не по найму, можно увидеть сходство с крестьянами в царской России, которые не могли прокормиться со своих наделов и вынуждены были заниматься «промыслами» в том числе работать по найму

¹⁰⁴ В некоторых регионах их доля была ещё больше: в Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях только официально работающие иностранцы составляли 11% занятых, в Москве – 9%. (Ю. Флоринская и др. Миграция и рынок труда. М., 2015. С. 57, 75-76, 78-79, 81).

¹⁰⁵ А. Седлов, Е. Кубишин, И. Соболева. Рынок труда иностранной рабочей силы в России: влияние пандемии. // Россия и мир в XXI веке. 2021. №3.

¹⁰⁶ Там же. Ю. Флоринская и др. Указ. соч. С. 51-52, 73. В. Аникин, Н. Тихонова. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика. // Общество и экономика. 2016. №1. Наёмный работник в современной России. М., 2015. С. 275. По данным опроса 2011 года 57% иностранных работников работали на основании устной договорённости, причём даже среди легальных мигрантов таких было 47%. Е. Варшавская. Указ. соч. С. 127.

недели составляла около 59 часов, 2/3 работали более 48 часов в неделю, а медианная почасовая оплата труда была почти на 30% ниже, чем у россиян¹⁰⁷. Исследователи трудовых отношений отмечают, что привлечение мигрантов в определённые организации или сферы деятельности (зачастую с замещением ими работников из числа местных жителей) ведёт к понижению заработной платы, увеличению продолжительности рабочего времени и ухудшению условий труда¹⁰⁸. В отдельных отраслях иностранные работники как бы задают уровень оплаты и условия труда, их присутствие способствует занижению цены рабочей силы нанимателями¹⁰⁹. Более того, в большинстве случаев их найм – целенаправленная политика российского бизнеса, чему есть множество свидетельств из разных отраслей экономики и регионов (в одном только производственном секторе можно привести примеры из строительства¹¹⁰, промышленности¹¹¹ и сельского хозяйства¹¹²). Таким образом, за счёт привлечения зарубежных мигрантов численность резервной рабочей армии искусственно поддерживается на высоком уровне¹¹³. Из этих же соображений нередко нанимаются трудовые мигранты из депрессивных и трудоизбыточных российских регионов (отходники, вахтовики, маятниковые мигранты). Они зачастую работают без оформления или по временным контрактам и соглашаются на худшие условия и более низкую оплату

---

¹⁰⁷ Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. М., 2022. С. 171, 174, 10. При этом в торговле и транспортно-складской отрасли средняя продолжительность рабочей недели была ещё выше – 61,5-62,5 часа. Там же, с. 174.

¹⁰⁸ Трудовой приговор. // https://www.gazeta.ru/comments/2013/10/29_a_5728569.shtml.

¹⁰⁹ «Значительная часть рабочих мест, занятых сегодня мигрантами ... уже стали чисто “мигрантскими”, т.е. “зарезервированы” за ними на длительное время. Остальная часть рабочих мест “отвоёвывается” мигрантами в конкурентной борьбе с местным населением ... Во многих регионах труд мигрантов стал существенным фактором структурирования местных рынков труда и всей экономики. Использование мигрантов постепенно превращается в систему, т.е. имеет место не просто случайный найм работника, а воспроизводится определённый режим, “резервирующий” определённые рабочие места именно за мигрантами, а не за коренными жителями ... работа трудовых мигрантов способствует понижению заработной платы в определённых сферах занятости, так как в системе баланса спроса и предложения трудовые рынки начинают учитывать внешний фактор ... Работодатели создают искусственный дефицит кадров путём установления заниженных ставок». Наёмный работник в современной России. С. 275, 278-279. См. также: Трудовой приговор.

¹¹⁰ Рязанская область: «Мигранты из Средней Азии ... практически полностью вытеснили местных из строительства в Касимове. Работодателям ... выгоднее нанимать мигрантов, поскольку строительный бизнес носит сезонный характер, в то время как местных работников необходимо нанимать на постоянную основу и ежемесячно выплачивать им зарплату. Использование труда мигрантов в местном строительстве привело к снижению стоимости труда в этой сфере. Многие опрошенные отметили, что местное население, даже в случае наличия свободных рабочих мест в этом секторе, не пошло бы работать за такую низкую заработную плату». Ю. Плюснин и др. Отходники. М., 2013. С. 327-328. Схожий пример из Карелии см.: "Самое интересное будет, когда кончатся эти шесть зарплат у мужиков". // <https://www.kommersant.ru/doc/2381169>

¹¹¹ Тверская область: «на некоторые предприятия (называют, например, “Мегапласт”) привозят партии мигрантов, как говорят, из Средней Азии, поскольку они гораздо менее требовательны к зарплате и условиям труда. Таким образом, часть рабочих мест занимается искусственным образом». «на “Мегапласте” работают ... Узбеки всякие, дагестанцы... Наши получали 25–30. Теперь приехали эти, которые работают за 10». Ю. Плюснин и др. Указ. соч. С. 309, 230. Предприятия в других регионах: «мы считаем, что это происходит потому, что этими людьми проще управлять и уничтожить любую демократию на любом производстве, чтобы не трепыхались. Вот в прошлом году мы останавливались из-за того, что жара в цеху и все такое. Нам ответили, что мы вместо того, что бы кондиционеры поставить, наберём лучше узбеков». П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Указ. соч. С. 123. См. также там же. С. 140-141.

¹¹² Ставропольский край: «Повышенное напряжение возникает и в местах, где приглашают временных трудовых, часто теневых, мигрантов из соседних республик. ... они готовы работать на прополке, уборке винограда и фруктов за гораздо меньшую оплату, в чём заинтересованы руководители предприятий и фермеры. Тем самым они понижают расценки на труд и усиливают безработицу и недовольство местного населения». Т. Нефёдова. Сельское Ставрополье глазами московского географа. Ставрополь, 2012. С. 77. См. также: там же. с. 54.

¹¹³ «в составе работающих бедных в России очень высока доля низко- и среднеквалифицированной рабочей силы, в том числе рабочих, составляющих свыше половины всех работающих бедных ... Избыточное предложение низкоквалифицированной рабочей силы ... очень активно подпитывается в последние годы миграцией из ряда бывших советских республик ... Это избыточное предложение рабочей силы в и так чреватом повышенными рисками бедности сегменте рынка труда автоматически увеличивает относительное падение стоимости рабочей силы низкой и даже средней квалификации и способствует ... консервации бедности работников». В. Аникин, Н. Тихонова. Указ. соч.

труда, поскольку в местах их проживания она как правило ещё ниже, либо рабочих мест значительно меньше, чем работников¹¹⁴.

Третья составляющая проистекает из специфической особенности российского рынка труда, которая сложилась исторически, как сочетание позднесоветских и постсоветских практик. И в 90-х, и позже местные, региональные и федеральные власти были заинтересованы в сохранении социальной стабильности и предотвращении всплесков безработицы. Как следствие, предприятия под давлением властей и/или работников старались не проводить массовые сокращения, в том числе во избежание социального взрыва¹¹⁵. Другой мотив для бизнеса сохранять численность занятых – возможность иметь в своём распоряжении манёвренный резерв рабочей силы, с тем, чтобы использовать его в случае оживления производства. Тут можно увидеть своего рода наследие политики предприятий времён позднего СССР. На многих из них в тот период существовала избыточная занятость – работники, которых привлекали для выполнения вспомогательных работ или закрытия «авралов» (к тому же руководители были заинтересованы в раздувании штатов, поскольку фонд оплаты труда рассчитывался исходя из численности занятых, и можно было держать в штате прогульщиков и пьяниц, не платить им за дни прогулов, оставляя эти деньги для других нужд¹¹⁶). Кроме того, даже после приватизации, частично сохранились патерналистские установки руководства: на некоторых предприятиях оно старалось удержать ценных сотрудников в надежде на будущий экономический рост и возобновление прежних объёмов производства. В таком случае работа велась в сокращённую смену или в неполную рабочую неделю¹¹⁷.

В результате, в отличие от многих других стран, в России экономика адаптируется к кризисам в первую очередь не через массовое увольнение работников, а через уменьшение их доходов¹¹⁸. Поэтому в масштабах страны обычно нет такого высокого уровня безработицы, как во многих странах периферии, и в ходе кризисов, как правило, не происходит значительного её повышения. Но в то же время, такая адаптация приводит к другим негативным явлениям. Во-первых, её результатом становится то, что зарплаты, и без того низкие, в ходе кризисов снижаются ещё сильнее. Во-вторых, это создаёт препятствия для роста производительности труда – рабочая сила настолько дешева, что нет стимулов к механизации производства. В-третьих, в российской экономике широко распространена неполная занятость, особенно в отраслях материального производства – промышленности, сельском хозяйстве, строительстве. Так, по официальным данным за 2018-2019 годы на предприятиях обрабатывающей промышленности в неоплачиваемых отпусках и простое (их иногда объединяют понятием «скрытая безработица») находилось

---

¹¹⁴ Тема внутренней трудовой миграции требует отдельного обстоятельного изучения. В общих чертах она была рассмотрена в другой нашей работе. См.: А. Полянский. Кризис, рынок труда и трудовые отношения. // <https://vestnikburi.com/krizis-rynok-truda-i-trudovye-otnosheniya/>

¹¹⁵ См., например, о регулировании рынка труда в кризис 2008-2009 годов: «В острой фазе кризиса, чтобы избежать роста социальной напряжённости, власти искусственно сдерживали рост безработицы, переводя её в скрытые формы. Были введены политические ограничения на увольнения работников, занятых на немодернизированных и неконкурентоспособных предприятиях, которые стали убыточными в кризис. Например, в регионах Урала санкцию на увольнение давал прокурор, ставший “ведущим специалистом” по рынку труда». Н. Зубаревич. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010. С. 46. Одна из причин в том, что «остановка градообразующих предприятий ставит под удар функционирование систем жизнеобеспечения городов» (там же. С. 91-92). См. также: Р. Дзарасов, Д. Новоженев. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М., 2009. С. 158-159, примечание.

¹¹⁶ М. Лебский. Рабочий класс СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма. М., 2021. С. 111-112.

¹¹⁷ Г. Ханин. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годы. С. 357.

¹¹⁸ См., например: В. Гимпельсон, Р. Капелюшников. Российская модель рынка труда: испытание кризисом. // Журнал Новой экономической ассоциации. №2. 2015. А. Гребенюк. Проблемы повышения производительности труда и сокращения потребности в иностранной рабочей силе в РФ. // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 11. 2013. А. Зудина. Указ. соч.

19-20% работников, в строительных организациях – 16-17%¹¹⁹. Всего в 2019 году в крупных и средних организациях почти 12% от списочной численности занятых работали неполное рабочее время, оказывались в простое или бывали в неоплачиваемых отпусках (3,9 млн)¹²⁰.

В сельском хозяйстве в постсоветский период вновь стал играть большую роль фактор сезонности со всеми вытекающими последствиями: «большую часть года работники, хотя и числятся официально, получают мизерную зарплату или не получают её вовсе»¹²¹. По данным Росстата каждый четвёртый занятый в отрасли работает менее 31 часа в неделю¹²². Также сезонная занятость широко распространена в лесном хозяйстве, рыболовстве и некоторых других отраслях, связанных с добычей природных ресурсов¹²³.

В некоторых отраслях обрабатывающей промышленности существуют большие объёмы недозагруженных мощностей¹²⁴. Именно там отмечается наибольший уровень неполной занятости и скрытой безработицы. Самая большая доля работников с неполной занятостью, в простое и неоплачиваемых отпусках в 2019 году была в металлообработке, машиностроении, электротехнической промышленности – более четверти списочной численности работников этих отраслей. В последние годы к ним добавились автомобилестроение и прочее транспортное машиностроение (более четверти работников с неполной занятостью в середине 2023 года)¹²⁵.

Неоплачиваемый отпуск – по сути то же самое, что и безработица с поправкой на то, что он может быть непродолжительным, и после его окончания работник может вернуться на своё прежнее место. В 1998 году у работника, находившегося в неоплачиваемом отпуске, он в среднем длился почти 2 месяца, в 2000-2007 – чуть больше месяца, в 2009 – больше полутора месяцев¹²⁶ (в дальнейшем такая информация Росстатом публиковаться перестала).

Численность работников с неполным рабочим временем и в неоплачиваемых отпусках в конце 2010-х была в разы больше, чем в середине 2000-х. На рис. 16 видно, что во время экономического подъёма неполная занятость резко снизилась (что соответствует динамике резервной рабочей армии, которая отмечалась ещё в XIX веке¹²⁷), но как только экономика вошла в кризис и последовавшую за ним стагнацию, её масштабы резко возросли и превысили показатели 2000 года, когда восстановление после краха 90-х только начиналось. То есть при относительно стабильной безработице (колебалась в диапазоне 3,5-4,3 млн в 2012-2021 годах) произошёл резкий рост неполной занятости, что и показывает увеличение одной из основных составляющих резервной рабочей армии.

---

¹¹⁹ Труд и занятость в России. 2019. С. 78. Там же. 2021. С. 104-105. Встречаются и более высокие оценки: «при незначительной открытой безработице более четверти занятых в промышленности вовлечены в те или иные формы вынужденной неполной занятости». Реиндустриализация как новый консенсус. // Эксперт. № 43. 2019.

¹²⁰ Труд и занятость в России 2021. С. 104.

¹²¹ Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М., 2016. С. 96. Подробнее о сезонной занятости в сельском хозяйстве см.: Ж. Тощенко. Прекариат: от протокласса к новому классу. М., 2018. С. 119. См. также: В тени регулирования с. 122.

¹²² Рассчитано по: Труд и занятость в России. 2019. С. 38.

¹²³ Ж. Тощенко. Указ. соч. С. 119-121.

¹²⁴ В основном это производства средств производства и смежные отрасли, унаследованные от СССР, не находящие в современной российской экономике достаточного спроса и испытывающие конкуренцию импортной продукции. См., например: Российский статистический ежегодник. 2020. С. 376-377.

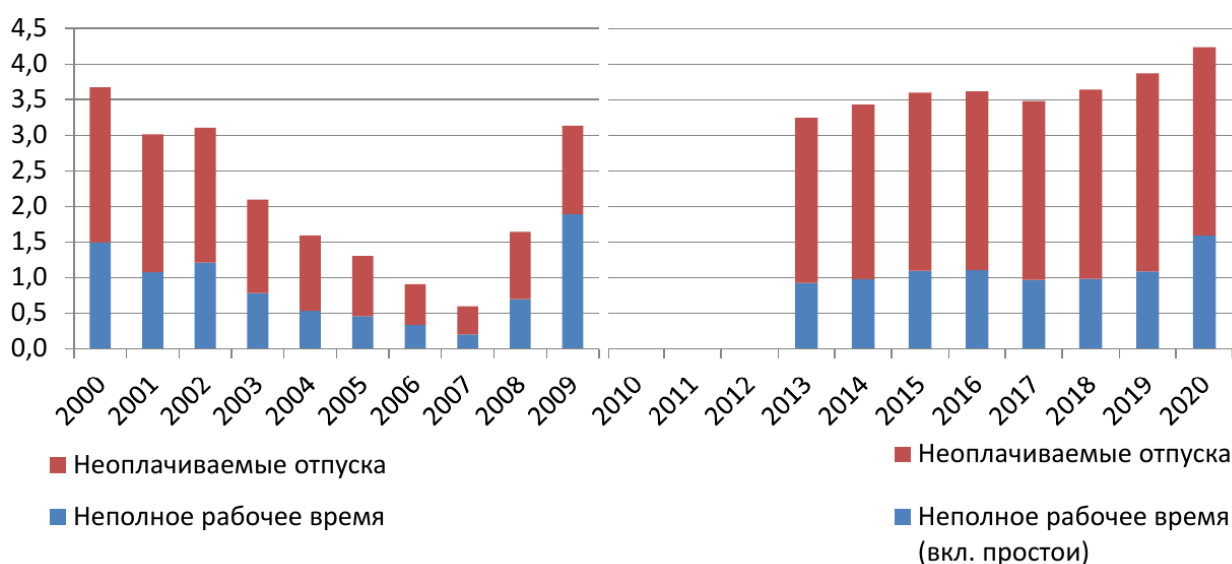
¹²⁵ Труд и занятость в России. 2021. С. 104. Социально-экономическое положение России. Январь-октябрь 2023 года. С. 221-222.

¹²⁶ В пересчёте на рабочие дни. См.: Труд и занятость в России. 2003. С. 277. Российский статистический ежегодник. 2010. С. 162.

¹²⁷ Ф. Энгельс. Указ. соч. С. 320. См. также: К. Маркс. Капитал. Т.1. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 651.

Оно произошло в том числе из-за искусственного поддержания занятости в кризисы. В 2009-2010 годах это была в первую очередь административная поддержка предприятий, ограничения на массовые сокращения, в результате которых и росло число работников с неполной занятостью, а также занятых на временных и общественных работах, финансируемых из бюджета¹²⁸. В 2020 году основным средством была выплата из бюджета 1 МРОТ на сотрудника в месяц при сохранении штата, в 2022 – то же самое, а также общественные работы¹²⁹.

Рисунок 16. Неполная занятость в 2000-2009 и 2013-2020 годах* (в среднем за год), млн человек¹³⁰

* после 2010 года Росстат изменил методику подсчёта неполной занятости, данные за оба периода нельзя сопоставить однозначно

Если обратиться к ситуации, складывающейся в последние два года, то в III квартале 2022 года неполная занятость охватывала более 4,6 млн человек (или 14% списочной численности крупных и средних организаций), из них в обрабатывающей промышленности – 1,3 млн (25%). В III квартале 2023 года, несмотря на широко обсуждающийся дефицит работников, положение практически не изменилось: неполная занятость в экономике сократилась лишь на 50 тыс., составив 4,6 млн (или 13,6%), в обрабатывающей промышленности – на 100 тыс. (составив 1,2 млн или 22%)¹³¹. Эти

¹²⁸ «К скрытой безработице обычно относят занятых неполное рабочее время и находящихся в административных отпусках (оплачиваемых и неоплачиваемых). Пик неполной занятости пришёлся на острую фазу кризиса (первый квартал 2009 г.), к лету 2010 г. её объёмы сократились почти в 3 раза – с 2,9 млн человек в январе–марте 2009 г. до 1,1 млн человек в июле 2010 г. по данным выборочных обследований Росстата... Фактически общественные работы стали еще одной формой скрытой безработицы, ими суммарно за 2009 г. было охвачено 1,8 млн человек при плане Роструда в 1 млн человек (вместе с временными работами – 2,4 млн человек)». Н. Зубаревич. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. С. 46. См. также: Там же, с. 47, 53, 55.

¹²⁹ Труд упаковали в пакет. // <https://www.kommersant.ru/doc/5260553>. См. также: Вызовут ли санкции и уход западных компаний безработицу в России. // <https://www.forbes.ru/biznes/458763-vyzovut-li-sankcii-i-uhod-zapadnyh-kompanij-bezraboticu-v-rossii>. О некоторых других мерах см.: А. Зудина. Указ. соч.

¹³⁰ Российский статистический ежегодник. 2010. С. 162. Там же. 2014. С. 123. Там же. 2015. С. 129. Там же. 2016. С. 127. Там же. 2017. С. 130. Там же. 2018. С. 132. Там же. 2019. С. 139. Там же. 2020. С. 139. Там же. 2021. С. 138.

¹³¹ Социально-экономическое положение России. Январь-октябрь 2022 года. С. 229. Социально-экономическое положение России. Январь-октябрь 2023 года. С. 220. В среднем за весь 2022 год неполная занятость охватывала около 4,3 млн человек (почти 13% списочной численности), из них в обрабатывающей промышленности – 1,2 млн или 23,5% работников крупных и средних предприятий (Российский статистический ежегодник 2023. С. 141-142). Данные за весь 2023 год на момент написания работы опубликованы не были.

уровни находятся между годовыми показателями за 1999 и 2000 годы. В нынешней ситуации это говорит о состоянии российской экономики не меньше, чем показатель прироста ВВП.

Дополнительные, но значимые причины сохранения высокого уровня занятости – низкий размер пособия по безработице и неэффективность служб занятости. Работники держатся за свои места и соглашаются на ухудшение условий труда, особенно в кризисы, понимая, что найти новую работу или прожить на пособие будет крайне сложно. В этом же ключе можно рассматривать «пенсионную реформу»: создание (точнее увеличение) ещё одной уязвимой категории – работников в предпенсионном возрасте, которые вынуждены держаться за свои рабочие места невзирая на условия труда, понимая, что им будет крайне тяжело найти новую работу с приемлемой оплатой (или, теряя работу, устраиваться на низкооплачиваемые вакансии).

Таким образом, размер резервной рабочей армии в России сохраняется на уровне, достаточно высоком, чтобы поддерживать конкуренцию между работниками и препятствовать росту оплаты труда. Но это происходит не за счёт большой безработицы, а благодаря распространению неформальной и неустойчивой занятости, наличию большого количества трудовых мигрантов и значительной неполной занятости в некоторых отраслях. Как следствие, низкая стоимость рабочей силы поддерживается за счёт конкуренции иммигрирующего труда и механизма понижения зарплат при сохранении занятости.

Изменилась ли эта ситуация за последнее время? Несмотря на широко обсуждающиеся дефицит кадров и рост предлагаемых зарплат – не так сильно, как может показаться. По данным Росстата реальный (с учётом инфляции) рост зарплат в среднем по всем занятым за 2023 год лишь компенсировал их падение за 2022 год. С конца 2021 по конец 2023 года зарплаты выросли только в двух крупных отраслях – обрабатывающей промышленности (куда входит ВПК) и госуправлении, включая обеспечение военной безопасности. Одновременно там же выросла занятость. При этом в таких крупных отраслях как торговля, строительство, транспорт и связь, сельское хозяйство реальные зарплаты за этот период практически не выросли или вовсе сократились (в строительстве и сельском хозяйстве также снизилась занятость)¹³².

Примечательно, что в ситуации острого кадрового дефицита в некоторых отраслях российский капитал стал пытаться поддержать численность РРА и низкую цену рабочей силы, активно привлекая работников, которых можно задействовать частично или полностью внеэкономическими методами – студентов (как правило, в государственных учреждениях и предприятиях) и заключённых. Тенденция предыдущих десятилетий выработала привычку к дешёвой и зависимой рабочей силе, избавиться от которой будет непросто¹³³.

Есть заметное сходство РРА в России и странах Латинской Америки: совпадают основные её составляющие. В случае менее развитых латиноамериканских стран это в основном мигранты из сельской местности и малых городов, в более развитых к ним добавляются мигранты из менее развитых стран (например, в Аргентине – из Боливии, в Мексике – из стран Центральной Америки). В обоих случаях основу РРА составляют бывшие

---

¹³² Резервы российского рынка труда. // <https://www.acra-ratings.ru/research/2764/>

¹³³ Из этих же соображений бизнес начал прибегать к заводу работников, не владеющих русским языком. См., например: Индия нам поможет. // <https://www.kommersant.ru/doc/6480459>

работники сельского хозяйства и промышленности¹³⁴, а теперь – неформально и неустойчиво заняты¹³⁵.

По всей Латинской Америке «с 1990 по 1998 годы из каждых 100 рабочих мест, созданных в городах, 30 приходилось на малый бизнес и ещё 29 на samozанятость»¹³⁶, то есть в основном на низкопроизводительную и неустойчивую занятость. В 2000-х росло число работников, устроенных по временным контрактам, и в 2011 году они составляли уже более четверти занятых¹³⁷. Это очень похоже на ситуацию в России, где после 2000 года 95% прироста занятости приходилось на наёмный труд в неформальном секторе, занятость в корпоративном секторе сокращалась, а внутри него происходил переток из крупных и средних предприятий в малые и из штата компаний во внештатные работники.

2.2. Две тенденции использования рабочей силы в экономике

С началом восстановительного роста после кризиса 1998 года стали явно заметны два способа, посредством которых российский бизнес стал наращивать производство, одновременно с этим сокращая (или оставляя неизменной) занятость, и две соответствующих тенденции использования рабочей силы. Первая – повышение производительности труда, вторая – повышение его интенсивности (напряжённости). Первая тенденция связана со значительным ростом органического строения капитала и замещения живого труда машинами (механизация, автоматизация), что позволяет повысить прибыль благодаря экономии переменного капитала, снижению цены производства продукции, как следствие – повышению конкурентоспособности и захвату большей доли рынка. Вторая, по сути противоположная первой, связана с повышением нормы прибыли путём замещения машин живым трудом (значительно подешевевшим в результате кризиса, массовой безработицы и образования резервной рабочей армии в 90-х), и/или усилением его эксплуатации, т.е. увеличением производства абсолютной прибавочной стоимости. Это замещение капитала трудом проявляется в продолжающемся использовании устаревших машин и оборудования, расширении штата ремонтников (или включении ремонта в обязанности работников производства)¹³⁸ для поддержания их

---

¹³⁴ Например, в Аргентине к началу кризиса, стартовавшего в 1999 году и приведшего впоследствии к дефолту и падению неолиберального правительства, безработными оказались около половины работников промышленности и строительства. Р. Рохас. Указ. соч.

¹³⁵ «В Бразилии ... низшие 20% населения страны фактически полностью исключены из создания национального дохода, и основная их часть проживает именно в городах. Естественно, что как особенности занятости, так и массовая безработица ведут к маргинализации мигрантов из сельской местности и формированию на их основе массового "городского дна"». В. Аникин, Н. Тихонова. Указ. соч. Другие исследования показали, что в латиноамериканских странах неформальная занятость крайне нестабильна: так, в Мексике «медианная продолжительность пребывания в ней примерно в три с половиной раза уступает медианной продолжительности пребывания в формальной занятости» (В тени регулирования. С. 293). Анализ рынка труда Аргентины, Бразилии и Мексики показал, что «продолжительность пребывания в одном и том же статусе максимальна для формальных наёмных и минимальна для неформальных наёмных работников», а «самозанятость во всех трёх странах является преимущественно добровольной, тогда как неформальная наёмная занятость – преимущественно вынужденной» (Там же. С. 295).

¹³⁶ A. Portes, K. Hoffman. Op. Cit.

¹³⁷ П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Указ. соч. С. 178

¹³⁸ Наиболее ярко это проявлялось в 90-х и 2000-х, см.: Р. Дзарасов, Д. Новожинов. Указ. соч. С. 434, 437. Д. Кувалин, А. Демочкина, А. Моисеева. Российские предприятия в начале 2003 г. // Проблемы прогнозирования. 2003. № 5. Но встречаются свидетельства широкой распространённости самостоятельного ремонта оборудования, относящиеся и к относительно недавнему времени, см., например: Производительность труда: культурный аспект. // Эксперт. 2017. № 22. А Корнев. Производственный потенциал России: необходимость ускоренного обновления и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2012. № 4. Он же. Потенциал обновления производственного аппарата реальной экономики // Проблемы прогнозирования. 2013. № 3.

работоспособности, замены автоматизированных операций ручными, и т.д.¹³⁹. Параллельно с этим повышается интенсивность и длительность труда и/или понижаются зарплаты, зачастую одновременно с массовым привлечением иностранных работников из бывших республик СССР и внутренних трудовых мигрантов из депрессивных регионов и сельской местности.

В российской экономике в целом преобладает именно вторая тенденция, по крайней мере, в отраслях, связанных с материальным производством: в большинстве отраслей промышленности, некоторых отраслях сельского хозяйства¹⁴⁰ и транспорта¹⁴¹, вероятно, также в строительстве¹⁴².

Это можно увидеть, соотнеся несколько закономерностей. Мы в основном анализировали их для промышленности, как отрасли, занимающей наибольшее число работников материального производства, поэтому в первую очередь будем говорить о ней. И по данным Росстата¹⁴³, и по альтернативным оценкам (в натуральных показателях)¹⁴⁴, после выхода из кризиса 90-х производительность здесь выросла (в 2000-х – довольно сильно, в 2010-х – гораздо скромнее). Но при этом практически ничего не свидетельствовало о том, что в масштабах всей отрасли она росла за счёт внедрения более современного оборудования и технологий, зато многое говорит о том, что всё это время повышалась интенсивность и напряжённость труда.

Российская экономика в целом является крайне трудоёмкой (т.е. низкопроизводительной) и при этом отличается высокой интенсивностью труда. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2019-2020 годы по производительности труда (ВВП в расчёте на час отработанного времени) Россия отставала не только от США и стран Западной Европы, но и, например, от Турции¹⁴⁵. По

---

¹³⁹ Множество примеров того, как автоматизированное оборудование изнашивается до предела в отсутствие замены и капитального ремонта, а затем, после выхода из строя, выполняемые им операции перекаладываются на работников см.: И. Лещинский. Время деиндустриализации. // https://scepsis.net/library/id_3121.html; Герои труда. // <https://sapojnik.livejournal.com/797726.html>; Обобщенная стенограмма (разговоры с рабочими). // <https://sapojnik.livejournal.com/799016.html>; И. Лещинский. Российская промышленность: окончательный диагноз. // https://scepsis.net/library/id_2969.html

¹⁴⁰ Например, в овощеводстве. См.: Т. Нефёдова. Сельское Ставрополье глазами московского географа. С. 33. Производители овощных консервов предупредили о нехватке рабочих-мигрантов. // <https://www.rbc.ru/business/25/04/2021/608294bc9a7947fea7c00e79>

¹⁴¹ В первую очередь на железнодорожном транспорте. См.: Г. Ханин, Д. Фомин. 20-летие экономических реформ в России: макроэкономические итоги. // Г. Ханин. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива. Избранные труды в двух томах. Новосибирск, 2015. Т. 1. С. 156-157. П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Указ. соч. С. 121.

¹⁴² Так, за 2013-2022 индекс производительности труда в отрасли снизился почти на 5%, при том, что объём выполняемых работ вырос. См.: О. Михеева. Ключевые результаты и перспективы развития строительного сектора: взгляд с макроуровня. // http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Mikheeva/m252024.pdf См. также: Работать не хочется. // <https://web.archive.org/web/20220621032030/https://expert.ru/2011/04/1/rabotat-ne-hochetsya/>

¹⁴³ Официальные данные доступны с 2003 года по следующим отраслям: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределения электроэнергии, газа и воды. См.: Индекс производительности труда по 2016 г. // <https://fedstat.ru/indicator/40552>. Индекс производительности труда. // <https://fedstat.ru/indicator/59141>

¹⁴⁴ По альтернативным оценкам за 1998-2012 годы производительность по промышленности в целом выросла более чем в 3 раза. При этом надо учитывать, что за предшествующий период она сократилась примерно в 2,5 раза по сравнению с концом 80-х. В результате с 1991 по 2012 годы производительность в промышленности выросла чуть меньше чем в 2 раза. См.: Г. Ханин. Промышленность РФ в 1987–2012 гг.: опыт экономического детектива. // Развитие территорий. 2015. № 1.

¹⁴⁵ Россия отставала всех стран ОЭСР кроме Мексики, Колумбии и Коста-Рики, уровень производительности примерно соответствовал Чили и слегка превышал уровень Болгарии; он был в 2 раза ниже, чем в среднем по ОЭСР (по номиналу). Productivity – GDP per hour worked. // [https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&df\[ds\]=DisseminateArchiveDMZ&df\[id\]=DF_DP_LIVE&df\[ag\]=OECD&df\[vs\]=&av=true&pd=2019%2C2020&dq=.GDPHRWKD..USD.A&to\[TIME_PERIOD\]=false&vw=tb](https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&df[ds]=DisseminateArchiveDMZ&df[id]=DF_DP_LIVE&df[ag]=OECD&df[vs]=&av=true&pd=2019%2C2020&dq=.GDPHRWKD..USD.A&to[TIME_PERIOD]=false&vw=tb). См. также: Productivity: output per hour worked, 2019. // <https://ourworldindata.org/grapher/labor-productivity-per-hour-pennworldtable?tab=table&time=latest>.

данным Международной организации труда (МОТ) на начало 2010-х по этому показателю Россию опережал и целый ряд бывших советских республик: Армения, Беларусь, Эстония, Латвия, Литва, Казахстан¹⁴⁶.

О низкой капиталовооружённости, как причине отставания России в производительности труда от других стран говорят как экономисты¹⁴⁷, так и специалисты в области автоматизации. Так, Россия значительно отстаёт по уровню роботизации промышленности. В 2019-2020 годах на 10 тыс. занятых в отрасли в Южной Корее приходилось 700-900 роботов, в Германии – более 400, в США – 200, в Китае – более 90, среднемировой показатель – 100-120, в России – 4-5, это примерно такой же уровень, как в Индии¹⁴⁸. В этой области Россия также отстаёт и от полупериферийных и периферийных восточноевропейских стран: в Словакии на 10 тыс. рабочих приходится 135 роботов, в Чехии – 101, в Венгрии – 57, в Польше – 32¹⁴⁹.

Одна из важнейших причин столь низкого уровня автоматизации – дешёвая рабочая сила и её постоянный приток (т.е. пополнение РРА в том числе за счёт зарубежных мигрантов), который приводит к отсутствию стимулов для замены труда капиталом: «в силу более высокой стоимости роботов и цены обслуживания механизмов при автоматизации человеческий труд является более дешёвым, поэтому работодатель не заинтересован в замене работников»¹⁵⁰.

---

¹⁴⁶ А. Гребенюк. Указ. соч. Чтобы не полагаться только на показатели производительности денежном исчислении (как в оценках выше), стоит привести примеры в натуральном выражении. Так, в 2017 году крупнейшие российские нефтегазовые корпорации добывали в 2-3 раза меньшие объёмы нефтяного эквивалента в сутки на одного работника, чем крупнейшие компании из Великобритании, США и даже Бразилии (Не мы такие – жизнь такая. // Эксперт. № 43. 2017. URL: <https://monocle.ru/expert/2017/43/ne-myi-takie---zhizn-takaya/>). В российской угольной промышленности в 2018-2019 годах добывалось в 3,5-4 раза меньше угля на одного занятого, чем в Австралии и США. (Перспективы развития угольной промышленности в России. С. 127. // <https://www.csr.ru/upload/iblock/fd6/fd69a69529035a5127eb498dfcc7d565.pdf>). В 2017 году на заводах итальянского производителя грузовиков IVECO производилось в 4 раза больше автомобилей одного на работника, чем на КАМАЗе (Не изменив менталитет персонала, невозможно повысить эффективность предприятий в России. // <https://monocle.ru/2018/11/3/ne-izmeniv-mentalitet-personala-nevozmozhno-povyisit-effektivnost-predpriyatij-v-rossii/>).

¹⁴⁷ «текущее почти трёхкратное отставание России по производительности труда от уровня наиболее развитых стран в среднем в пропорции 35:65 объясняется более низким уровнем капиталовооружённости и низкой совокупной факторной производительностью (параметр, характеризующий качество организации труда и технологический уровень производства – А.П.). При этом роль капиталовооружённости существенно выше (доходит до 70-100%) в объяснении разрыва с более близкими к России по производительности труда странами (Латвия, Венгрия, Чехия, Словакия и Словения)». Ю. Симачев и др. Производительность труда в несырьевых секторах российской экономики: факторы роста на уровне компаний. // Вопросы экономики. № 3. 2021. «основные потребности компаний для повышения производительности труда связаны не столько с организационными, сколько с технологическими инновациями, а также с вводом нового оборудования». Факторы роста производительности труда на предприятиях несырьевых секторов российской экономики. М., 2020. С. 10.

¹⁴⁸ Д. Белоусов. Сценарная прогнозная оценка к 2040 году по ключевым направлениям развития технологий (ключевые тезисы). // Горизонт 2040. М., 2023. С. 107. Дмитрий Капишников, KUKA: Рынок промышленной робототехники в России ожидает активный рост. // <https://www.tadviser.ru/a/503846>. На революционном пути. // <https://www.kommersant.ru/doc/4389929>.

¹⁴⁹ Enter the robots: automation fills gaps in east Europe's factories. // <https://www.reuters.com/article/us-easteurope-automation-insight/enter-the-robots-automation-fills-gaps-in-east-europes-factories-idUSKBN1FR1ZK>.

¹⁵⁰ Д. Малышев. Производительность труда на промышленных предприятиях Урала: факторы и направления роста. // Экономика труда. Т. 5. № 4. 2018. «Сохранение низких темпов роста производительности труда в значительной степени задаётся недостаточным ростом заработной платы, поскольку именно низкая цена рабочей силы является одним из факторов, стимулирующих накопление скрытой безработицы (неполной и неэффективной занятости). Напротив, рост оплаты труда стимулирует предприятия более эффективно организовывать рабочий процесс, повышать фондовооружённость рабочих мест и производительность труда. Согласно данным Росстата, за период с 2010 г. рост производительности труда существенно превосходил средние показатели в тех секторах экономики, в которых заработная плата росла достаточно высокими темпами». Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. С. 143

По официальным данным доля накопления основного капитала в ВВП¹⁵¹ после резкого спада в 1993-1999 годах вернулась к уровню середины 90-х только к 2007 году и с тех пор менялась незначительно, оставаясь ниже, чем в 1991-1992 годы¹⁵². Согласно альтернативным оценкам с начала 90-х до начала 2010-х она была ниже, чем по данным Росстата примерно в полтора раза¹⁵³, и этот уровень даже во время подъёма 2000-х был явно недостаточен для расширенного воспроизводства основного капитала, в лучшем случае он соответствовал простому воспроизводству¹⁵⁴. По данным Росстата (скорее всего, завышенным) уровень накопления основного капитала в сопоставимых ценах превысил показатели 1991 года только в 2022, причём в 2014-2015 он резко сократился по сравнению с уровнем 2013 года и превысил его только в 2019¹⁵⁵. Это значит, что в середине 2010-х темпы обновления и модернизации основного капитала также упали относительно и без того невысоких значений¹⁵⁶. Такой вывод подтверждается мнениями представителей предприятий, заявлявших о нехватке средств для этих целей. В опросах, проводившихся регулярно с 2000 года, более половины из них постоянно отмечали, что нынешний уровень инвестиций способен лишь поддерживать производство на существующем технологическом уровне, либо что он не обеспечивает даже сохранение существующего технологического уровня¹⁵⁷. На выходе из кризиса 2014-2016 годов результаты опроса показали, что «почти четверть респондентов в последние 2-3 года использовали сокращение инвестиций как способ снижения своих издержек. Это означает, что значительная часть российских предприятий сейчас вынужденно “проедает” ресурсы для собственного развития»¹⁵⁸.

Вследствие этого растёт износ основных фондов. Основной капитал устаревает, не осуществляется не только его модернизация, но даже обновление на текущем технологическом уровне. С 2010 по 2020 годы уровень износа основных фондов в большинстве отраслей, связанных с материальным производством (добывающая и обрабатывающая промышленность, строительство, транспорт) постоянно рос и в 2020 году он был выше, чем в 2010 и в 2004 (более ранние данные отсутствуют)¹⁵⁹. В 2020 году на предприятиях добывающих отраслей (кроме добычи металлических руд) износ основных фондов составлял более 50%, обрабатывающих отраслей (кроме химической и

---

¹⁵¹ Характеризует в том числе инвестиции в машины, оборудование, сооружения и т.п.

¹⁵² В 1991-1992 годы накопление основного капитала составляло 24-25% ВВП, в 1993-1995 и в 2007-2019 годы – 21-22%.

¹⁵³ Согласно вычислениям на основе данных Евростата доля накопления основного капитала в 2002-2011 годы колебалась между 10 и 14% ВВП, то есть была в полтора раза ниже, чем по данным Росстата (Г. Ханин, Д. Фомин. Об альтернативных оценках экономического развития бывших республик СССР, стран Восточной Европы и Китая // Вопросы статистики. №7. 2014). Г. Ханин проводил детальные подсчёты структуры использования ВВП в начале и середине 90-х, согласно им реальная доля накопления основного капитала неуклонно снижалась: с 23% в 1991 году до 9% в 1996 году, что приблизительно совпадает с оценками Евростата за тот же период (Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годы. С. 386-387). Схожую оценку даёт и С. Меньшиков (Анатомия российского капитализма. М., 2004. С. 292.).

¹⁵⁴ См., например: Г. Ханин, Д. Фомин. 20-летие реформ в России: макроэкономические итоги. // Г. Ханин. Экономика и общество России. Т. 1. С. 151-152.

¹⁵⁵ Рассчитано по: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991-2022 гг. // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pril-year_2023.rar. По некоторым оценкам, инвестиции в основной капитал не превысили уровень 2013 года и в 2019 году. См.: Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы. С. 219. Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы. С. 225-226.

¹⁵⁶ См.: Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз. М., 2022. С. 36-37

¹⁵⁷ Д. Кувалин, А. Моисеев, Ю. Зинченко. Российские предприятия в конце 2018 года. // Проблемы Прогнозирования. 2019. № 3.

¹⁵⁸ Д. Кувалин, А. Моисеев, П. Лавриненко. Российские предприятия в конце 2017 года: отсутствие значимых общеэкономических изменений и прогресс в машиностроении. // Проблемы прогнозирования. №3. 2018.

¹⁵⁹ В 2004-2020 уровень износа в добывающей промышленности вырос с 55 до 58%, в обрабатывающей – с 48 до 52%, в строительстве – с 40 до 52%. На транспорте с 2004 по 2016 износ вырос с 51 до 56%. Уровень износа основных фондов по экономике в целом вырос с 43 до 47%. Российский статистический ежегодник. 2006. С. 328. Там же. 2017. С. 280. Там же. 2021. С. 312.

фармацевтической) – более 40%¹⁶⁰. В том же году возраст машин и оборудования в среднем по обрабатывающим отраслям составлял по разным оценкам 10-12 лет¹⁶¹. Как отмечают исследователи, «основную часть (примерно две трети) всех производственных фондов сейчас составляют мощности, введенные в период с 2000-2015 гг., средний возраст которых приблизился к 15 годам»¹⁶² (если говорить точнее, это мощности, большая часть которых была введена в конце 2000-х и в начале 2010-х¹⁶³). Соответственно, сейчас их возраст в основном больше 7-8 лет – того предела, который, по мнению специалистов не должен превышать срок службы производственных фондов¹⁶⁴. Зачастую для экономии средств российские предприятия покупают оборудование, бывшее в употреблении: с начала 2000-х до конца 2010-х более 15% представителей предприятий, опрошенных сотрудниками ИНП РАН приобретали поддержанную технику российского производства; не менее распространена была закупка б/у зарубежных машин и оборудования: это практиковали 15-20% в 2003-2008 годах и 10-13% в 2010-2017¹⁶⁵. То есть многие предприятия изначально оснащаются и переоснащаются с использованием не самого современного или просто устаревшего и изношенного оборудования.

Износ основного капитала влечёт за собой рост трудовых нагрузок:

«Оборудование на большинстве заводов в России крайне изношено и оттого периодически выходит из строя; кроме того, ввиду той же изношенности и “морального устаревания” даже для с виду работающего станка требуется больше времени на выполнение необходимой трудовой операции, чем заложено в нормативе. В итоге по ходу выполнения работ периодически возникают простои. На большей части заводов, где я побывал, картину мне обрисовывали одну и ту же: вместо ритмичной работы цеха то стоят, пока где-то по цепочке устраняется поломка, то потом со страшной силой все начинают “навёрстывать” упущенное время... и часто не укладываются. В этих случаях как само собой разумеющееся подразумевается, что рабочий должен продолжить и завершить работу после окончания своей смены ... зачастую рабочие задерживаются уже после окончания своих смен на два-три, а то и на пять часов ... На значительной части предприятий подобные “авралы” и “форс-мажоры” являются не исключением, а вполне рутинным явлением – просто так выстроен сам трудовой процесс, что без постоянных авралов работа просто встанет»¹⁶⁶.

Другая причина повышения напряжённости труда – сокращение численности занятых в промышленности, о котором говорилось выше. Оно происходило не только из-за деиндустриализации и закрытия предприятий, но также было средством снижения

---

¹⁶⁰ Промышленное производство в России. 2021. С. 96-97.

¹⁶¹ Потенциальные возможности роста российской экономики. С. 38-39. От 10 лет начинается средний возраст машин и оборудования в российской промышленности. // <https://web.archive.org/web/20210916204543/https://iq.hse.ru/news/480903788.html>. «Цифра» растёт: как развивается автоматизация производств в России. // <https://plus.rbc.ru/news/5b5e4f937a8aa9225f10e22a>.

¹⁶² Потенциальные возможности роста российской экономики. С. 37.

¹⁶³ Там же. С. 36

¹⁶⁴ А. Корнев. Возможности ускоренного обновления активной части основного капитала отраслей промышленности. // Проблемы прогнозирования. № 5. 2009. Р. Дзарасов. Возможен ли национально ориентированный капитализм? // Экономика мегаполисов и регионов. №1. 2013.

¹⁶⁵ Д. Кувалин, А. Моисеев, П. Лавриненко. Российские предприятия в конце 2017 года. Д. Кувалин, Ю. Зинченко, П. Лавриненко. Российские предприятия в конце 2020 года. Российские предприятия осенью 2020 года: деятельность в условиях пандемии COVID-19 и взгляды на переход к наилучшим доступным технологиям (НДТ). // Проблемы прогнозирования. 2021. № 3.

¹⁶⁶ А. Рошин. Труд в российской провинции: ни прав, ни уважения, ни денег. // https://scepsis.net/library/id_3502.html. См. также: П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Указ. соч. С. 121-122

издержек на рабочую силу¹⁶⁷. В результате сокращения занятости на предприятиях выросли нагрузки на оставшихся работников, благодаря побуждению их к совмещению должностей, выполнению обязанностей сокращённых, повышению длительности и интенсивности труда (зачастую такого рода «оптимизация» происходила после включения предприятий по всей стране в состав больших холдингов и корпораций, топ-менеджмент которых, обычно находящийся в Москве, стремился снизить издержки и повысить «эффективность» в том числе такими способами, не вникая в ситуацию на местах¹⁶⁸). Формально это может выглядеть как повышение производительности, поскольку меньшее число работников теперь производит такое же или большее количество продукции:

«почти по всем “живым”, то есть что-то производящим или перевозящим предприятиям в РФ за последние годы прошли не одна, а несколько волн так называемых оптимизаций, говоря проще, сокращений персонала. Штаты сокращали массово, в итоге на множестве заводов, фабрик и комбинатов он нынче меньше не на проценты, а в разы – в три, четыре, пять и более раз. Принцип, очевидно ... избавились от “лишнего рта” – сократили издержки, следовательно, увеличили прибыль. Сокращение персонала надо было бы компенсировать какими-то иными мерами, заменяющими сокращённых работников, – автоматизацией или более эффективной организацией труда оставшихся... На деле же во многих случаях вся “компенсация” ограничилась лишь повышением нагрузки на рабочих: на них повесили функции убранных напарников, с копеечной оплатой за совмещение или вообще без оной. Причём на большом количестве производств персонала стало не хватать просто физически, из-за чего работники вынуждены чаще работать сверхурочно, выходить на две смены подряд, переходить на трёхсменный график при двенадцатичасовой смене и тому подобное»¹⁶⁹.

Рост трудовых нагрузок можно увидеть и из статистики. По данным ОЭСР в российской экономике количество отработанного времени в расчёте на одного работника выросло с 1933 часов в год в 1992 году до 1999 часов в 2007, а в 2009-2019 колебалось в диапазоне 1965-1985 часов¹⁷⁰. Ещё более показательна ситуация в промышленности. По данным Росстата в 2005 по 2015 численность занятых в обрабатывающих производствах снизилась примерно на 1,8 млн, но количество отработанного времени в расчёте на одного занятого увеличилось на 140 часов в год, т.е. почти на 3 часа в неделю (напомним, что при этом с конца 2000-х в отрасли росла неполная занятость). В добывающей промышленности за те же годы численность работников практически не изменилась, но каждый в среднем стал работать на 180 часов в год или на 3,5 часа в неделю больше¹⁷¹.

Из-за ориентации бизнеса на эксплуатацию живого труда вместо увеличения органического строения капитала в годы подъёма экономики становится очень острой проблема нехватки рабочей силы. Постоянные сокращения приводят к такой

---

¹⁶⁷ По данным опросов руководителей предприятий, проведённых сотрудниками ИНП РАН, в 1999-2017 годах к такому способу снижения издержек прибегали от 30 до 45% респондентов в разные годы, см.: Д. Кувалин, А. Моисеев, П. Лавриненко. Российские предприятия в конце 2017 года.

¹⁶⁸ Об этом см., например: П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Указ. соч. С. 93-96, 121-122, 66-68. А. Рошин. Указ. соч.

¹⁶⁹ Там же. Эту тенденцию отмечают и другие авторы, см.: П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Указ. соч. С. 121-122. Н. Тихонова. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян. // Социологические исследования № 12. 2015.

¹⁷⁰ Average annual hours actually worked per worker. // <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=ANHRS#>. Схожая динамика видна по данным социологических исследований: «Среднемесячная продолжительность рабочего времени, его динамика выглядит следующим образом. В 1992 г. фактическая трудовая нагрузка составила 153 часа в месяц; в 1993 г. – 159; 1994 – 160; 1995 – 167; 1996 – 168; 1998 – 165; 2000 – 171 час и выросла на 18 часов за восемь лет. Небольшой спад наблюдался в 1998 г., вероятно в связи с дефолтом». Ю. Денисова. Трудовые перегрузки как тенденция в рабочем процессе // Социологические исследования. 2004. № 5.

¹⁷¹ Труд и занятость в России. 2009. С. 185. Там же. 2017. С. 117.

неукомплектованности, что при необходимости увеличения объёмов производства перекрыть её с помощью переработок уже не получается. Так, в 2007-2008 годах в ходе различных опросов о нехватке работников заявляли от четверти до половины представителей промышленных предприятий, в 2012-2014 – 20-30%. Даже в конце 2010-х при росте экономике близком к нулю около 20% предприятий испытывали нехватку работников¹⁷². Таким образом, ставка на экстенсивное развитие и усиление эксплуатации живого труда в сочетании с выталкиванием рабочей силы из промышленности приводит к тому, что при экономическом подъёме эта модель заходит в тупик, не находя ресурсов для роста.

В то же время в отдельных отраслях было явно заметно преобладание первой тенденции, т.е. рост органического строения капитала и производительности труда. Это некоторые отрасли промышленности, в первую очередь автомобильная и пищевая. Они обе до недавнего времени имели общую характерную особенность. Это значительное присутствие или даже преобладание иностранных компаний, которые построили с нуля или приобрели и модернизировали множество предприятий, оснастив их автоматизированными линиями и промышленными роботами (так, в 2017-2018 годах почти 40% общего количества промышленных роботов в России закупалось для нужд автопрома¹⁷³). В свою очередь российские компании были вынуждены тоже модернизировать производства, чтобы выдержать конкуренцию (особенно заметно это было в пищевой промышленности). Также эти отрасли отличает гораздо лучшее состояние производственных мощностей (большая доля мощностей, введённых за последние годы и незначительная доля устаревшего оборудования возрастом более 20 лет)¹⁷⁴.

Тенденция к росту органического строения капитала преобладала и в некоторых отраслях сельского хозяйства (о чём свидетельствует в том числе снижение износа основных фондов с 46% в 2004 году до 38% в 2020). В первую очередь это производство зерновых и подсолнечника, как наименее трудоёмкое и наиболее прибыльное (из-за больших экспортных возможностей)¹⁷⁵, а также свиноводство и птицеводство, в которых можно добиться высокого уровня механизации¹⁷⁶. Кроме того эта тенденция здесь связана с такой же тенденцией в пищевой промышленности, благодаря агрохолдингам, которые выстраивали вертикально-интегрированные производства от сельскохозяйственного сырья до конечной продукции¹⁷⁷.

Хотя две рассмотренные тенденции использования рабочей силы по сути противоположны, они не исключают друг друга, могут сосуществовать и отчасти

---

¹⁷² Д. Кувалин, А. Моисеев. Российские предприятия в середине 2008 г.: особенности поведения в предкризисной ситуации. // Проблемы прогнозирования. 2009. № 2. С. Цухло. Российская промышленность в 2015-2016 гг. А был ли кризис? // Экономическое развитие России. Т. 24. № 4. 2017. См. также: https://www.iep.ru/files/news/tsukhlo_14.12.16.pdf. Д. Кувалин, Ю. Зинченко, П. Лавриненко. Российские предприятия весной 2019 года: небольшие улучшения на фоне многолетнего экономического застоя. // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6. Мониторинг экономической ситуации в России. № 17(100). 2019. // http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2019_17-100_November.pdf. Промышленность 4.0: готовы ли производственные компании. Обзор производственного сектора России – 2018. М., 2018. С. 40. // <https://web.archive.org/web/20220303035503/https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/manufacturing/russian/russian-manufacturing-market-review-2018-ru.pdf>.

¹⁷³ Промышленные роботы в России. // <https://www.tadviser.ru/a/496163>. Больше всего роботов в России покупает автопром. // <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/09/19/811579-bolshe-vsego-robot>

¹⁷⁴ Потенциальные возможности роста российской экономики. С. 38-39.

¹⁷⁵ С 2014 года валовый сбор зерна превышает средние показатели за 1986-1990 годы (а сборы семян подсолнечника превысили их в 3-5 раз), тогда как занятость в сельском хозяйстве за это время снизилась более чем на треть.

¹⁷⁶ См.: Между домом и ... домом. С. 94, 247, 274, 276. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 2. М., 2015. С. 76. Т. Нефёдова. Сельское Ставрополье глазами московского географа. С. 32.

¹⁷⁷ См.: Она же. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М., 2017. С. 93-95, 105, 112-113, 251-253.

сочетаться. Они противоположны в том плане, что первая представляет собой замещение труда капиталом (т.е. рост органического строения капитала), тогда как вторая в большинстве случаев представляет собой замещение капитала трудом (т.е. его снижение). Сочетаться же они могут в том плане, что даже на модернизирующихся производствах, где устанавливается современное автоматизированное оборудование, нагрузка на работников может расти. Это происходит из-за того же роста органического строения капитала, которое приводит к падению нормы прибыли в той или иной отрасли, а значит, может приводить и к падению объёма прибыли на модернизированных предприятиях¹⁷⁸. Владельцы и менеджмент компенсируют его повышением интенсивности и, как следствие, уровня эксплуатации: столько же рабочих должны производить больше прибавочной стоимости или меньшее количество должны производить столько же. Это же отмечают и исследователи: «Не лучше становится ситуация и тогда, когда поступает новая техника. Рабочие редко радуются этому. Они знают, что новая импортная техника стоит дорого, и, значит, с её появлением план резко увеличат – ведь деньги надо отбивать»¹⁷⁹. Есть множество примеров на предприятиях автомобильной и пищевой промышленности, а также некоторых других, новых или прошедших модернизацию¹⁸⁰.

Таким образом, стремление бизнеса повышать уровень напряжённости труда имеет своей целью нарастить норму прибыли (или предотвратить её снижение). Ниже будет показано, как это приводит с одной стороны к росту нормы эксплуатации работников (и, как следствие, повышенному износу рабочей силы), а с другой – к росту доли прибыли во всём производимом общественном продукте.

Изменилась ли эта ситуация с началом нынешнего кризиса? Уже в 2022 году можно было уверенно прогнозировать абсолютное доминирование второй тенденции в экономике страны в ближайшие годы из-за ухода иностранных производителей, ограничения доступа к самому передовому оборудованию и технологиям, увеличения или стабильно высокой численности резервной рабочей армии вследствие кризиса и стагнации¹⁸¹. За последнее время появились подтверждения такого прогноза. Так, по данным Росстата в 2022 году производительность труда снизилась на 3,6% по сравнению с 2021 годом¹⁸² (это самое сильное снижение с 2009 года, когда она сократилась на 4,1%). Кроме того, по данным опросов представителей предприятий за последние 2 года сильнее всего обострилась нехватка неквалифицированных рабочих (рост в 1,5 раза) и обслуживающего персонала (в 2 раза)¹⁸³, что также косвенно свидетельствует как о преобладании в предшествующие годы первой тенденции, так и о её усилении в настоящее время. Низкотехнологичная и неспособная к модернизации экономика при необходимости наращивать выпуск для выполнения госзаказа и импортозамещения вынуждена прибегать к экстенсивным (набору неквалифицированной рабочей силы), а не к интенсивным (повышению органического строения капитала) мерам.

---

¹⁷⁸ Подробнее см.: К. Маркс. Капитал. Т. 3. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. 1. С. 244-246, 251

¹⁷⁹ А. Рощин. Указ. соч. Подробнее о механизмах, лежащих в основе этого процесса см.: К. Маркс. Капитал. Т. 3. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. 1. С. 254-257.

¹⁸⁰ См., например: Работодатель давит профсоюз в Волжском. // https://vk.com/@eight_hours-volzskiy-profsoyuz. ЭФКО: о компании, условиях работы и трудоустройства. // <https://hrlider.ru/posts/efko/>. Toyota в России: о компании, условиях работы и трудоустройства. // <https://hrlider.ru/posts/toyota-v-rossii/>. Mercedes (Daimler): о компании, условиях работы, найма, тестах и собеседовании. // <https://hrlider.ru/posts/daimler-mercedes/>. Технониколь: о компании, условиях работы, отбора сотрудников и тестировании в 2020 году. // <https://hrlider.ru/posts/tehnnonikol/>.

¹⁸¹ Этот прогноз был сделан в нашей статье, написанной весной 2022 года. См.: А. Полянский. Кризис, рынок труда и трудовые отношения.

¹⁸² Российский статистический ежегодник. 2023. С. 123.

¹⁸³ Д. Кувалин и др. Российские предприятия в конце 2023 года: восстановительный рост на фоне санкций, обострение дефицита рабочей силы и удорожание кредита // Проблемы прогнозирования. 2024. № 3.

2.3. Снижение численности квалифицированных рабочих

Итак, капиталовооружённость и технологичность большинства отраслей реального сектора в последние десятилетия снижались или в лучшем случае не росли. Следствием этого, а также общей деиндустриализации стало сокращение численности квалифицированных рабочих, которое происходило в нескольких отраслях – в первую очередь в промышленности и сельском хозяйстве.

В промышленности в одних случаях причиной было разорение и закрытие высокотехнологичных производств, в других – их покупка иностранными компаниями и превращение предприятий полного цикла в сборочные производства, где нужны в основном рабочие на конвейере и не требуется большого количества квалифицированных кадров (впрочем, российские собственники нередко поступали так же, превращая свои заводы в «отвёрточные» производства из китайских комплектующих). Примечательно, что наиболее типичный для «нормального» развития капитализма случай – замещение квалифицированных рабочих путём автоматизации (когда, например, квалифицированный токарь замещается автоматическим токарным станком, управлять которым может оператор с гораздо меньшей квалификацией) встречается куда реже. Свидетельства того, что промышленники автоматизировали производства, чтобы снизить зависимость от квалифицированных рабочих, хотя и встречаются, но их крайне мало¹⁸⁴.

По данным Росстата с 2000 по 2015 численность квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и связи снизилась на 11%, тогда как общая занятость в этих отраслях, взятых вместе, сократилась менее чем на 3%. Численность операторов, аппаратчиков и машинистов промышленных установок и оборудования, а также сборщиков за эти же годы снизилась на 9%¹⁸⁵. К сожалению, нет возможности сопоставить сокращение числа квалифицированных рабочих и общей занятости в конкретной отрасли, т.к. Росстат объединяет вместе работников одного уровня квалификации из разных отраслей. Но в ходе исследования, основанного на статистических данных за 2000-2012 годы, было установлено, что при общем снижении занятости в обрабатывающей промышленности численность группы с самым низким уровнем оплаты труда и образования (т.е. неквалифицированных работников) и самой высокооплачиваемой и высокообразованной группы (т.е. в основном менеджеров) практически не изменилась. Иначе говоря, в основном отрасль теряла рабочих среднего и высокого уровня квалификации¹⁸⁶. По оценкам сотрудников центра трудовых исследований ВШЭ падение численности квалифицированных рабочих в целом по экономике за 2000-2020 годы составило 10%, тогда как в обрабатывающей промышленности – почти 30%¹⁸⁷ (при общем сокращении занятости в ней примерно на 20% по данным Росстата).

В сельском хозяйстве по данным официальной статистики с 2000 по 2015 годы численность квалифицированных работников снизилась на 40%, тогда как общая

---

¹⁸⁴ Е. Митягина. Ресурсность рабочих на предприятии электроэнергетической промышленности. // Современные исследования социальных проблем. № 9. 2013. Интервью TAdviser: Юрий Шульженко, мебельная компания «Столбург» – о мотивах и эффектах роботизации производства. // <https://www.tadviser.ru/a/611986>

¹⁸⁵ Российский статистический ежегодник. 2016. С. 112.

¹⁸⁶ В. Гимпельсон, Р. Капелюшников. Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы. // Вопросы экономики. № 7. 2015

¹⁸⁷ И цех, и грех. Дефицит рабочих в России – катастрофа или экономический миф? // https://aif.ru/money/business/i_cek_i_greh_deficit_rabochih_v_rossii_katastrofa_ili_ekonomicheskij_mif.

занятость в отрасли за этот же период – лишь на 30%¹⁸⁸. Здесь, как и в промышленности, сокращение происходило с одной стороны из-за разорения и закрытия предприятий, с другой – из-за механизации более успешных из них, благодаря которой им теперь требуется небольшое количество квалифицированных специалистов и неквалифицированные рабочие¹⁸⁹.

Существует ещё одна причина снижения численности квалифицированных работников в указанных отраслях – их отток из-за низких зарплат и неудовлетворительных условий труда. Об этом свидетельствует хроническая нехватка таких кадров, регулярно отмечаемая работодателями. Так, по результатам опросов представителей предприятий, которые проводят сотрудники ИНП РАН, все годы, начиная с 2001, 80% и более опрошенных испытывают дефицит квалифицированных рабочих¹⁹⁰. О постоянной нехватке квалифицированных кадров в промышленности говорят и другие авторы, занимавшиеся опросами руководства предприятий¹⁹¹.

Есть основания полагать, что такие работники покидают эти предприятия и отрасли, поскольку не хотят мириться с высоким уровнем эксплуатации, несмотря на относительно высокие зарплаты (подробнее о том и другом ниже) и уходят в другие виды деятельности, непромышленные или вообще непроизводственные – где уровень эксплуатации ниже, либо где нагрузки сопоставимы или выше, но выше и уровень оплаты труда (например, в строительстве)¹⁹².

Таким образом, можно отметить ещё одну важную особенность рынка труда: сельское хозяйство, промышленность (за исключением отдельных подотраслей, как правило, ориентированных на экспорт) и некоторые другие отрасли, связанные с материальным производством, по большей части не в состоянии удержать квалифицированную рабочую силу, которая перетекает туда, где выше уровень оплаты труда и/или ниже уровень эксплуатации.

В результате вымывания квалифицированных кадров, часть производственных отраслей пришли к ситуации, которую некоторые исследователи характеризуют как «экономический нонсенс». Так, согласно подсчётам на основе данных Росстата, доля работников с высшим образованием в обрабатывающей промышленности в 2019 году была ниже, чем в добывающей (27% против 30%), почти в 2 раза ниже, чем в сфере

---

¹⁸⁸ Российский статистический ежегодник. 2016. С. 109, 112. В сельскохозяйственных организациях только за 2000-2009 годы численность всех рабочих сократилась на 63%, примерно так же сократилась численность квалифицированных рабочих: например, механизаторов и операторов машинного доения – на 61-62% или на 450 и 200 тыс. соответственно (Наёмный работник в современной России. С. 204). Это больше, чем общее сокращение занятости в сельскохозяйственных организациях за тот же период – около 57% (Труд и занятость в России. 2011. С. 192). То есть рабочие, в том числе квалифицированные переходили из организаций к фермерам, становились самозанятыми или уходили в другие отрасли.

¹⁸⁹ «для растениеводства, помимо специалистов, необходимы квалифицированные механизаторы и чернорабочие с минимальной зарплатой, в качестве которых часто используют мигрантов из-за рубежа». Между домом и ... домом. С. 274.

¹⁹⁰ Д. Кувалин, А. Моисеев, П. Лавриненко. Российские предприятия в середине 2011 г.: адаптация к посткризисным условиям. // Проблемы прогнозирования. 2012. № 3. Д. Кувалин, Ю. Зинченко, П. Лавриненко. Российские предприятия в конце 2019 г.: работа в условиях экономической стагнации и взгляды на корпоративную социальную ответственность. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3.

¹⁹¹ Например, сотрудники ИЭП. См.: Российская экономика в 2011 году: тенденции и перспективы. М., 2012. С. 216. См. также: И цех, и грех. Дефицит рабочих в России – катастрофа или экономический миф?

¹⁹² «Вместо неквалифицированного труда молодёжь предпочитает идти “в торговлю”. Что касается рабочих мест квалифицированного труда, то молодёжь идёт на них достаточно охотно, но относительно чаще выбирает не те, где можно получать высокие зарплаты лишь после многих лет приобретения опыта и профессиональных знаний (например, ВПК или тяжёлая промышленность), а те, которые характеризуются более высокими заработками сразу, даже в ущерб социальной защищённости (например, строительство)». Н. Тихонова. Особенности здоровья и возрастная структура российских рабочих – традиции против изменений. // Журнал исследований социальной политики. № 16. 2018. По данным сотрудников Центра трудовых исследований ВШЭ за 2000-2020 годы численность квалифицированных рабочих в строительстве выросла почти на 50%. См.: И цех, и грех. Дефицит рабочих в России – катастрофа или экономический миф?

искусства, развлечения и отдыха (46%) и лишь немногим выше, чем в торговле и ремонте (25,5%). В сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве высшее образование имели лишь 13% работников или около 540 тыс., хотя по данным статистики высшее образование по этим специальностям за 1992-2020 годы получили порядка 900 тыс. человек¹⁹³. Можно заметить, что эти цифры подтверждают сказанное в начале предыдущего раздела – квалифицированные кадры из промышленности и сельского хозяйства перетекают в другие отрасли, в частности, торговлю, нередко с потерей квалификации¹⁹⁴.

3. Трудовые отношения и условия труда

3.1. Оплата труда. Сверхэксплуатация

Показатель, ярче всего характеризующий трудовые отношения и условия труда – его оплата. В России в отраслях, занимающих большинство населения, преобладают низкооплачиваемые рабочие места. Этот факт затушёвывается показателем средней зарплаты, которым обычно оперируют официальная статистика и государственные органы. Гораздо более красноречивы в этом отношении данные о медианной заработной плате (т.е. той, больше или меньше которой получает половина всех работников) или о распределении работников по уровням заработной платы. Касательно последнего Росстат приводит детальные данные только о работниках крупных и средних организаций. Весной 2021 года начисленную (т.е. до вычета налогов) заработную плату ниже прожиточного минимума для трудоспособного населения (ПМ) получали чуть меньше 3% работников, от 1 до 2 ПМ – 20%, от 2 до 3 ПМ – 25%¹⁹⁵. Таким образом, до начала текущего кризиса заработок практически каждого четвёртого работника крупных и средних организаций обрекал его на бедность или откровенную нищету. Ещё четверть работников находились выше уровня бедности, но их материальное положение можно считать небогатополучным¹⁹⁶.

Разумеется, официальный уровень бедности, который долгое время был приравнен к уровню прожиточного минимума (в 2021 году для трудоспособного населения он составлял 12,7 тыс. руб.), на деле не является таковым.

Здесь нужно напомнить о том, что представляет собой стоимость рабочей силы. Это денежный эквивалент, необходимый для обеспечения её воспроизводства. Воспроизводство рабочей силы, в свою очередь – это потребление суммы товаров и услуг («жизненных средств»), необходимое работнику а) для полноценного восстановления собственных сил, истраченных в ходе производства, б) для воспроизводства рабочей силы вообще, т.е. рождения, содержания и воспитания детей; в) для получения образования и квалификации, необходимых для производительного труда¹⁹⁷. Стоит уточнить, что объём потребностей работников, связанных с воспроизводством их рабочей силы формируется

---

¹⁹³ Е. Балацкий., Н. Екимова. Указ. соч. См. также: Российский статистический ежегодник. 2020. С. 127.

¹⁹⁴ «происходит не просто недооценка труда специалистов, но и их депрофессионализация, когда учёные, инженеры, учителя уходят из своей профессии ради более высоких заработков даже при потере своей квалификации. В результате в числе работников торговли, охраны, среди водителей автомобилей, т.е там, где достаточно общего среднего образования, около 40% имеют высшее образование». Ж. Тощенко. Указ. соч. С. 263.

¹⁹⁵ Труд и занятость в России. 2021. С. 168.

¹⁹⁶ Стоит уточнить, что здесь не учтены теневые выплаты, но также не учтён вычет НДФЛ из зарплат. В первом приближении их можно приравнивать друг к другу.

¹⁹⁷ К. Маркс. Капитал. Т. 1. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 181-184. См. также: Он же. Заработная плата, цена и прибыль // Там же. Т. 16. С. 132-133.

исторически (см. известное замечание Маркса об «историческом и моральном элементе»¹⁹⁸), в том числе в ходе классовой борьбы¹⁹⁹.

Как же соотносятся российский прожиточный минимум и уровень воспроизводства рабочей силы²⁰⁰? До 2021 года в его состав входила стоимость определённой корзины продовольственных и непродовольственных товаров, услуг и обязательных платежей²⁰¹ (с 2021 года прожиточный минимум устанавливается на уровне 44% медианного дохода населения за предыдущий год, также с этого времени уровень бедности официально отвязан от величины ПМ). Разработка этого показателя велась ещё в СССР (хотя практического применения тогда он не нашёл), что предопределило его неадекватность реалиям капитализма – например в него не входят расходы ни на аренду, ни тем более на покупку жилья, не учтено большинство услуг, ставших платными²⁰². Более того, в 1992 году подход к определению прожиточного минимума был пересмотрен, и минимальная потребительская корзина стала в 2 раза дешевле по сравнению с советским периодом²⁰³.

Исследователи неоднократно показывали, что прожиточный минимум на деле соответствует только уровню физического выживания и не обеспечивает даже простого

---

¹⁹⁸ Он же. Капитал. Т. 1. // Там же. Т. 23 С. 182. См. также: Он же. Заработная плата, цена и прибыль // Там же. Т. 16. С. 150-152.

¹⁹⁹ «Изменение [численности] резервной промышленной армии и фаза, в которой находится классовая борьба в любой момент времени являются определяющими факторами расширения или сокращения потребностей, удовлетворяемых заработной платой... В долгосрочной перспективе стоимость рабочей силы как товара ... может расти или снижаться, в зависимости от того, удастся ли пролетариату в ходе ожесточённой классовой борьбы включить новые потребности в жизненные стандарты, признанные нормальными, или же у буржуазии получается исключить из них потребности, ранее рассматриваемые как нормальные». E. Mandel. Late Capitalism. London, 1975. P. 155, 158. Положение, соответствующее второй из указанных ситуаций сложилось в ходе кризиса 90-х: значительной части работников пришлось отказаться от потребления многих товаров и услуг, которые прежде входили в стоимость их рабочей силы. В результате основанная на новом, снизившемся уровне личного потребления более низкая стоимость рабочей силы позволяет работодателям экономить на переменном капитале в масштабах всей экономики и тем самым удерживать норму прибавочной стоимости (соответственно, и норму прибыли) на высоком уровне.

²⁰⁰ Для экономии места мы оставляем за скобками разницу между простым и расширенным воспроизводством рабочей силы. Подробнее об этом см.: О. Меньшикова. Бедность трудоспособного населения: причины и следствия. // Охрана и экономика труда. №2. 2018.

²⁰¹ Продуктовый набор, входивший в состав этой корзины очень скромнен. Так, в пересчёте на один день в нем содержалось: мяса – 160 гр., рыбы – 50 гр., молока – 330 гр., сыра – 10 гр., творога – 40 гр., растительного масла – 30 гр., сливочного масла – 10 гр., фруктов – 160 гр. Но две категории продуктов представлены в нем в значительном объёме: мука и хлеб (около 400 гр.), а также картофель (280 гр.). Если сравнить этот набор с рекомендованным Минздравом, заметен значительный перекося в сторону муки и хлеба. Их в 2 с лишним раза больше, чем рекомендовано, тогда как риса и других круп меньше примерно в 2,5 раза, фруктов – на 40%, сыра – на 35%, овощей, мяса и яиц – на 20%, рыбы – на 15%. В стоимостном выражении на продукты питания приходилось 50% ПМ, на непродовольственные товары и услуги – по 25%. См.: Правила исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации. // <https://rg.ru/2013/02/06/minimum-dok.html>; Приказ Минздрава России от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания». // https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/032/267/original/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7_%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B7%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%BE%D1%82_19.08.2016_%E2%84%96_614.pdf?1472214560

²⁰² А. Шевяков. Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики: монография. М., 2010. С. 6.

²⁰³ Л. Овчарова, Д. Попова. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления. // Мир России. 2013. № 3

воспроизводства рабочей силы²⁰⁴. Последнее возможно лишь при зарплате выше 2 ПМ²⁰⁵, который и соответствует реальному уровню бедности. Большинство специалистов считают, что для поддержания приемлемого уровня жизни или «потребления по социально приемлемым стандартам» (т.е. по сути для расширенного воспроизводства рабочей силы), необходим заработок выше 3 ПМ²⁰⁶. Как видно из приведённых цифр, такой заработок имели лишь чуть больше половины работников средних и крупных организаций.

У работающих по найму в малом бизнесе уровень зарплат как правило значительно ниже. По данным Пенсионного фонда, который собирает сведения по всем работникам, взносы за которых уплачиваются в фонд (включая работников малых предприятий и нанятых индивидуальными предпринимателями), в 2021 году медианная зарплата составляла 35,4 тыс. или 2,8 ПМ трудоспособного населения против 40,2 тыс. или 3,15 ПМ для работников крупных и средних организаций²⁰⁷. То есть порядка половины всех наёмных работников страны находятся в неблагоприятном материальном положении и зарабатывают в лучшем случае немногим больше, чем нужно для простого воспроизводства рабочей силы.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Хотя ситуация, в которой заработная плата, то есть цена, по которой покупается рабочая сила ниже, чем её стоимость (т.е. стоимость её воспроизводства) не изучалась в классической марксистской политэкономии специально, тем не менее, отмечалось, что в реальности такое нередко случается²⁰⁸. Она стала предметом анализа исследователей уже в XX веке, когда они начали изучать как зависимое положение той или иной страны в системе мирового капитализма влияет на

---

²⁰⁴ «за 2014 год минимальный бюджет для трудоспособного жителя ... составил 8,7 тыс. руб. в месяц, включая минимальные затраты на питание в 3,9 тыс. руб. ... Однако если выжить, питаясь на 130 руб. в день, ещё можно исхитриться, то хватит ли оставшихся 3,8 тыс. руб. ... на все остальное (оплату коммунальных расходов, связь, транспорт, одежду, бытовую технику и другое) – вопрос скорее риторический». Исследование РБК: самые богатые и самые бедные города России. //

<https://www.rbc.ru/society/13/04/2015/552a6a419a79471fcb568dc8>. «прожиточный минимум по своему содержанию гарантирует лишь биологическое выживание. Преодолев этот рубеж, человек ... преодолевает лишь состояние голода, нищеты, но ... он испытывает нужду ещё во многих других вещах и услугах, которые могли бы позволить ему вести нормальную жизнь. Он переходит в состояние, которое именуется исследователями как бедность». Б. Тукумцев, В. Бочаров. Низкий уровень жизни как социальное препятствие на пути модернизации промышленного производства. // Петербургская социология сегодня. Выпуск 10. СПб, 2018. См. также: О. Меньшикова. Уровень благосостояния трудоспособного населения как концентрированное выражение качества трудовой жизни. // Мир новой экономики. Т. 14. № 3. 2020.

²⁰⁵ Там же. С этим косвенно соглашаются представители органов власти и официальной статистики, по крайней мере, в отдельных регионах: «Реальному порогу бедности соответствует цифра минимального потребительского бюджета, который “представляет собой стоимость сбалансированного набора продуктов питания, товаров длительного пользования, налогов, услуг, необходимых для поддержания активного физического состояния человека и воспроизводства рабочей силы”. В Татарстане он в 2015 году на 73% превышал региональный прожиточный минимум. В Новосибирской области на 2017 год минимальный бюджет составлял 21,3-21,7 тыс. руб. в месяц против 10,7 тыс. руб. усреднённого прожиточного минимума. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что официальный минимум занижает необходимые нужды людей примерно вдвое». С. Ларионов. Россия: территория неравенства. Часть 1. //

<https://rabkor.ru/columns/analysis/2019/04/09/territory-of-inequality-1/>. См. также: Закон РТ от 8 июня 1994 г. N 2152-XII "О минимальном потребительском бюджете в Республике Татарстан". Статья 1. Понятие минимального потребительского бюджета и его состав. //

<https://base.garant.ru/8115410/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#friends>. Качество социально-трудовой сферы Новосибирской области в 2019 году. С. 5. //

https://mtsr.nso.ru/sites/mtsr.nso.ru/wodby_files/files/page_7065/pril_12m_2019.pdf

²⁰⁶ Это соотношение установлено в результате расчётов, проведённых сотрудниками Всероссийского Центра уровня жизни (входит в состав Института социально-экономических проблем народонаселения РАН). См., например: Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2019 год. М., 2020. С. 39-40. //

http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2019_monitoring_dohodov_i_urovnya_zhizni.pdf. Перейти в средний класс. // <https://rg.ru/2017/02/15/ekspert-rossiiane-dolzhen-poluchat-ne-menee-60-tysiach-rublej-v-mesiac.html>. Об этом же говорят и другие авторы, см., например: А. Шемяков. Указ. соч. С. 6.

²⁰⁷ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023. С. 98, 106.

²⁰⁸ Более того, что «этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы» (К. Маркс. Капитал. Т. 1. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 324. См. также: Он же. Капитал. Т. 3. // Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 258).

положение работников в этой стране²⁰⁹. Тогда в оборот и был введён термин сверхэксплуатация²¹⁰ – такой уровень эксплуатации, когда полученная работником заработная плата не может обеспечить воспроизводство его рабочей силы²¹¹.

Именно это характерно для большого числа работников в России (по самым осторожным оценкам – от 1/4 до 1/3 всех работающих по найму)²¹². Конкретизируем этот тезис для российских условий: это значит, что работник либо получает меньше 2 ПМ, работая стандартную 40-часовую неделю, либо его труд настолько интенсивен, совершается в настолько вредных и тяжёлых условиях, что износ рабочей силы не покрывается зарплатой, даже если она значительно выше 2 ПМ²¹³.

Первый случай проще для анализа – примеры отраслей, где медианная зарплата составляет около 2 ПМ, можно увидеть на рис. 17: это значит, что примерно половина их работников получают за стандартное рабочее время недостаточно для воспроизводства рабочей силы. Чтобы восполнить недостающее, они либо соглашаются на повышенную эксплуатацию – переработки, вторую работу, разовые подработки и т.д., либо выживают с помощью неоплачиваемого труда по выращиванию продукции для собственного потребления в подсобных хозяйствах (ЛПХ). О первом способе – увеличении длительности рабочего времени – будет сказано чуть дальше. Рассмотрение второго способа поддержания рабочей силы выходит за рамки этой работы, отметим только, что

---

²⁰⁹ «Если ... производственные отношения той или иной страны лишь в небольшой степени капиталистические, и экспортируемые товары производятся в докапиталистических или полукапиталистических условиях, то тенденция к их продаже по цене ниже их «национальной» стоимости (т.е. цены производства – *А.П.*) будет значительно сильнее, поскольку "зарплата", которая входит в стоимость товара может упасть значительно ниже стоимости рабочей силы, если производители – полупролетарии, у которых есть свои средства производства, или крестьяне, которые могут поддерживать своё существование подсобным хозяйством и чьё потребление ограничивается физиологическим минимумом». Е. Mandel. *Op. cit.* Р. 73-74. «Сверхэксплуатируемый пролетариат стран вне ОЭСР, чтобы свести концы с концами, опирается на неоплачиваемый "домашний" (преимущественно женский) труд в сельских районах, поскольку его нищенская зарплата не может покрыть расходы на воспроизводство его рабочей силы». «Вынуждая пролетариат частично существовать за счёт стоимости, создаваемой мелким производством (и наоборот), капиталисты могут приобретать рабочую силу ниже её стоимости и тем самым накапливать дополнительную прибавочную стоимость. Неоплачиваемое домашнее производство ... наряду с продажей товаров сельским и городским некапиталистическим натуральным хозяйством ниже их стоимости дополняет заработную плату пролетариата, меньшую, чем прожиточный минимум. Последний вынужден соглашаться на многочасовую работу в ужасных условиях за крайне низкую заработную плату». З. Коуп. Указ. соч. С. 318, 333. // <https://lenincrew.com/divided-world-2/>. См. также: Д. Смит. Эксплуатация и сверхэксплуатация в теории империализма. // <https://spichka.media/john-smith-exploitation-and-super-exploitation/>

²¹⁰ Одним из первых авторов, увязавших понятие сверхэксплуатации с покупкой рабочей силы по цене, меньшей, чем её стоимость был бразильский экономист и социолог Руй Марини. См.: Р. М. Марини. Диалектика зависимости. // <https://kyrgsoc.org/dialektika-zavisimosti/>. См. также Д. Смит. Указ. соч.

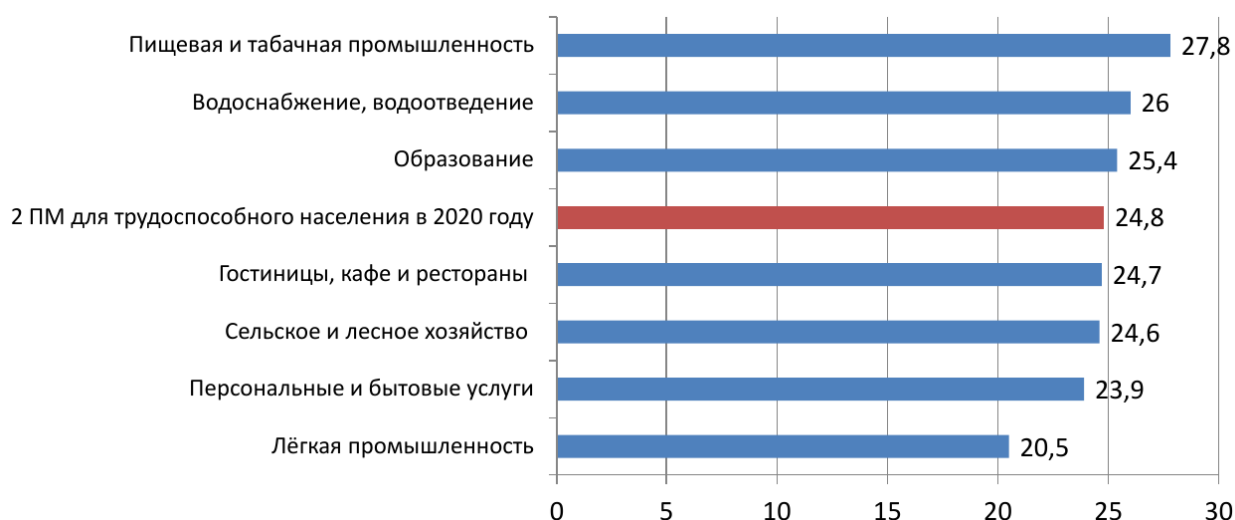
²¹¹ Таким образом, хотя Маркс не использовал понятие сверхэксплуатации, сам критерий явления, которое так называли – оплата рабочей ниже её стоимости – ввёл он.

²¹² От 16 до 22 млн из 67 млн работавших по найму в 2019 году. См.: Р. Павлов, Д. Баринков. Сверхэксплуатация труда в России. // Зависимое развитие и сверхэксплуатация труда. СПб., 2023. С. 69-71. URL: https://vk.com/doc25803882_654954531?hash=9ASqO0nGbXzc1oVTYu1rspdhVrAu2H8DIzuRmvWNYVo; https://vk.com/wall-51528687_155712.

²¹³ Такая ситуация была описана ещё Марксом: «капиталист может платить более высокую заработную плату и тем не менее хуже оплачивать стоимость труда. Это имеет место в том случае, когда повышение заработной платы не соответствует увеличению выжимаемого из рабочего количества труда и ускоряющемуся вследствие этого разрушению рабочей силы... При повышении интенсивности труда человек может быть вынужден затрачивать в 1 час столько жизненной силы, сколько он раньше тратил в 2 часа. В производствах, подпавших под фабричное законодательство, это уже до известной степени осуществлено путём ускорения работы машин и увеличения количества рабочих машин, обслуживаемых одним человеком. Если повышение интенсивности труда, или массы труда, расходуемой в 1 час, находится в надлежащем соответствии с сокращением продолжительности рабочего дня, то рабочий всё-таки выиграет от этого сокращения. Если же эта граница нарушена, он теряет в одной форме то, что выигрывает в другой, и 10 часов труда могут оказаться столь же разрушительными, как раньше 12 часов». К. Маркс. Заработная плата, цена и прибыль. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 16. С. 147-148.

по данным Росстата в 2019 году 55% фактически отработанного рабочего времени в сельском хозяйстве пришлось на производство продукции для собственного использования, а по данным исследования ИС РАН, проведённого осенью 2020 года к ЛПХ как средству для улучшения материального положения прибегали около четверти рабочих и рядовых работников торговли и услуг²¹⁴. Другие распространённые способы поддержания уровня жизни при недостаточном заработке: различные социальные выплаты (пенсии, пособия и т.д.)²¹⁵ в том числе получаемые родственниками; постепенная продажа имущества (например, дачных участков и домов, гаражей и т.п.), кредиты от банков и микрофинансовых организаций (как следствие – постоянный рост кредитной нагрузки практически без возможности её погашения). В некоторых регионах также значимую роль играют доходы от незаконной деятельности (например, контрабанды, браконьерства, «чёрных» лесозаготовок, другой нелегальной добычи природных ресурсов и т.п.).

Рисунок 17. Медианная заработная плата работников крупных и средних организаций в самых низкооплачиваемых отраслях и двойная величина ПМ в 2020 году, тыс. руб. в месяц²¹⁶

²¹⁴ Труд и занятость в России. 2021. С. 76. Н. Тихонова. Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества. // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2.

²¹⁵ Так, по данным Переписи населения, в 2010 году около 10% населения в трудоспособном возрасте (более 8,5 млн) имели в числе источников дохода пенсии (кроме пенсии по инвалидности), пособия (кроме пособия по безработице) или другой вид государственного обеспечения (Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 5. Источники средств к существованию. Табл. 1. //

https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol5/pub-05-01.xlsx). В их число не входят получатели льгот и субсидий, например, на услуги ЖКХ. В одной только Москве в 2021 году последних было 4 млн (Бирюков назвал число получающих льготы и субсидии на оплату ЖКУ москвичей. // <https://iz.ru/1239443/2021-10-22/biriukov-nazval-chislo-poluchaiushchikh-lgoty-i-subsidii-na-oplatu-zhku-moskvichei>).

²¹⁶ Рейтинг отраслей по заработным платам в 2020 году. // <https://ria.ru/20200803/1575199913.html>

Рисунок 18. Доля работников крупных и средних организаций, чья медианная заработная плата ниже 2 ПМ трудоспособного населения* в апреле 2019 года по отраслям**, %²¹⁷

* ПМ для трудоспособного населения во II квартале 2019 года составлял 12130 руб.

** Указаны отрасли с долей таких работников более 15%

Стоит уточнить, что в отраслях с большой долей занятых в малом бизнесе и неформальном секторе, в которых вместе с этим самая низкая зафиксированная Росстатом оплата труда (сельское хозяйство, лёгкая промышленность, бытовые услуги и т.д.), данные могут быть не вполне достоверны из-за высокой доли неофициальной занятости и теневых выплат. Тем не менее, на большинстве рабочих мест там оплата труда действительно крайне низкая, особенно для рядовых работников. К тому же, такой уровень официальной зарплаты показывает их уязвимость и зависимость от нанимателей, которые могут лишить их выплат «в конверте» по своему усмотрению.

Выявить сверхэксплуатацию второго типа несколько сложнее, потому что оценить эмпирически, компенсирует ли более высокая зарплата повышенный износ рабочей силы затруднительно. Но в первом приближении можно определить её через условия труда, прямо влияющие на состояние здоровья и продолжительность жизни работников. Приведём несколько реальных примеров.

В металлургии, находящейся в относительно благополучном положении из-за её экспортной ориентации более высокие зарплаты не компенсируют повышенный износ рабочей силы. Так, на заводах Русала, монопольного производителя российского алюминия:

«Литейщикам, которые и являются основным производственным персоналом ... приходится работать в чудовищных условиях: жара до 70 градусов, тяжёлая физическая работа с ломом в руках вблизи раскалённых печей и литья. Смены в литейных цехах, которые при СССР на подобных предприятиях были по 6 часов, сейчас составляют 12 часов с 2 перерывами по 40 минут на приём пищи. И такие смены в 10-12 часов установлены для большинства рабочих специальностей при графике работы 2х2. В СССР литейщики считались цветом нации и героями страны, им полагались очень высокие зарплаты по условиям СССР, бесплатное

²¹⁷ Труд и занятость в России. 2019. С. 126.

жилье, отпуск 40 дней и бесплатное лечение и отдых в лучших санаториях. В ... условиях “эффективного менеджмента” в Русал зарплаты литейщиков составляют около 50 тыс. рублей в месяц на 2020 год, помощь с покупкой жилья стала весьма редким явлением, хоть и существует, отпуск сокращён до 30 дней, бесплатные путёвки отменены»²¹⁸.

СМИ регулярно сообщают о судебных исках работников к компании из-за серьёзного ущерба для здоровья – вплоть до утраты трудоспособности²¹⁹.

На Выксунском металлургическом заводе, принадлежащем одному из крупнейших компаний чёрной металлургии, Объединённой металлургической компании:

«Смены длятся по 12 часов, в течение которых сотрудникам плавильного цеха и значительной части другого персонала требуется работать в жаркой среде тяжёлым физическим трудом. Среди пожилых работников комбината распространены инсульты и инфаркты (так в оригинале – *А.П.*), а среди населения Выксы отмечается повышенная заболеваемость онкологическими заболеваниями»²²⁰.

То же самое можно сказать про многие химические производства, где преобладают вредные и тяжёлые условия труда²²¹.

Ещё одна группа работников, подверженных сверхэксплуатации – вахтовые рабочие. Относительно высокая зарплата как правило не покрывает износ их рабочей силы, который в данном случае складывается как из тяжёлых условий труда, так и из других факторов – экстремальных природно-климатических условий, тесноты и скученности в местах проживания, нервно-психологических перегрузок, плохого питания и т.д.²²².

Как будет показано далее, в производственных и инфраструктурных отраслях, где оплата труда выше (например, добыче полезных ископаемых, строительстве, транспорте), также выше и доля перерабатывающих, особенно тех, чья длительность рабочего времени уже близка к угрожающей для жизни и здоровья. Например, у вахтовиков по оценкам некоторых исследователей продолжительность рабочей недели составляет в среднем 52-60 часов, но может быть и большей²²³.

---

²¹⁸ Русал: условия работы, как устроиться, пройти тесты и собеседование. // <https://web.archive.org/web/20220221074524/https://hrlider.ru/posts/rusal/>

²¹⁹ См., например: Моральный вред “перевзвесили”. // <https://www.solidarnost.org/articles/moralnyy-vred-perevzvesili.html> Компенсация за вынужденные валенки. // <https://www.solidarnost.org/articles/kompensatsiya-za-vynuzhdennye-valenki.html>

²²⁰ Объединённая Металлургическая Компания (ОМК) и Выксунский металлургический завод (ВМЗ): тесты и устройство на работу. // <https://hrlider.ru/posts/omk/>. При этом заработки, хотя они значительно выше 2 ПМ, нельзя считать действительно большими – в 2020 году средняя зарплата на большинстве позиций составляла около 40 тыс. Там же.

²²¹ См., например: Население Дзержинска живёт на химической “бомбе” замедленного действия. // <https://ria.ru/20110609/386145320.html>. Химическое производство в Омске: смены по 12 часов – норма? // Факел. 2018. № 6(10). URL: https://vk.com/wall-53598794_355. Казанский пороховой завод. В каких условиях куётся «щит страны»? // https://vk.com/@molnia_paper-kazan-poroh. Алтайский шинный комбинат: разделяй и эксплуатируй. // https://vk.com/@fakel_mrg-altaiskii-shinnyi-kombinat-razdelyai-i-ekspluatirui.

²²² «в условиях Крайнего Севера не хватает кислорода, недостаток около 30% в сравнении со средней полосой России. Хронический дефицит кислорода, резкие перепады давления в течение короткого промежутка времени приводят к развитию сердечно-сосудистых заболеваний, изменению уровня давления у человека, способствуют повышению сахара в крови. Результаты медико-физиологических исследований не рекомендуют работать в условиях Крайнего Севера более 5-7 лет подряд». А. Силин. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4. 2015. Примеры конкретных предприятий см.: «Через год выпадут зубы, а через пять лет схватишь инсульт». Как работают вахтовики на «Ямал-СПГ». // <https://fedpress.ru/article/2012342>. Пьяные драки, «совок» и развод: жалобы вахтовиков на скандальный проект «Ямал-СПГ» не утихают. // <https://fedpress.ru/article/2019865>. Михаил, инженер-геофизик. // <https://sizif.info/geofizik/>. Крик души вахтовика. // <https://vk.com/@mpromsk-krik-dushi-vahtovika>.

²²³ А. Силин. Указ. соч. Михаил, инженер-геофизик.

Если говорить об экономике в целом (по меньшей мере о материальном производстве), то преобладание тенденции к усилению эксплуатации живого труда путём наращивания его напряжённости, о котором говорилось в предыдущем разделе, косвенно свидетельствует о том, что такой тип сверхэксплуатации широко распространён. Напряжённость и интенсивность труда за последние десятилетия значительно выросли (о различных аспектах этого также будет сказано ниже), но при этом заработная плата в большинстве отраслей не увеличилась в той же степени. Так, в результате исследования данных официальной статистики за период с конца 90-х до начала 2010-х было установлено, что производительность труда в экономике в целом и в промышленности в частности в это время выросла гораздо сильнее, чем оплата труда (точнее, чем издержки на рабочую силу, также включающие социальные отчисления, уровень которых в указанный период значительно снизился)²²⁴. С учётом сказанного выше понятно, что на деле росла не производительность, а интенсивность или напряжённость труда т.е. в конечном итоге – уровень эксплуатации. Таким образом, даже при зарплате выше 2 прожиточных минимумов этот уровень для большого числа работников приближается к сверхэксплуатации или соответствует ей.

Усиливающееся с течением времени занижение расходов на рабочую силу (в том числе посредством повышения нормы эксплуатации) в масштабах экономики позволяет российскому капиталу – как частному, так и государственному – удерживать норму прибавочной стоимости (а благодаря низкому уровню вложений в основной капитал – и норму прибыли) на высоком уровне. Меньшая часть созданной стоимости приходится на переменный капитал и большая – на прибавочную стоимость. Это видно и из официальной статистики – низкая доля оплаты труда ВДС отдельных отраслей или ВВП страны целом соответствует высокой доле прибыли²²⁵. Так, по оценкам, сделанным на основе данных Росстата, в промышленности в целом доля оплаты труда (включая скрытую) в ВДС снизилась с 54,5% в 1997 году до 41% в 2007, тогда как доля прибыли выросла с 33,5% до 44,5%. В обрабатывающих отраслях доля оплаты труда в ВДС за 2002-2007 снизилась с 63% до 47%, а доля прибыли выросла с 32% до 50,5%²²⁶.

В последние годы тенденция к повышению уровня эксплуатации была видна уже в масштабах всей экономики. Если в середине 2010-х оплата труда (включая скрытую) составляла 46-48% ВВП, то с 2018 года она стала резко снижаться, и в 2021-2022 годы на неё приходилось лишь 39-40% ВВП. Соответственно, доля валовой прибыли и смешанных доходов в ВВП выросла с 39-41% в 2013-2017 до 50-53% в 2021-2022²²⁷.

---

²²⁴ Р. Капельюшников. Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии. // https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216406861/WP3_2009_01-f3.pdf. Он же. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. 2014. № 3. Так, медианная заработная плата относительно прожиточного минимума в 2021 году была наивысшей за предшествующий постсоветский период и составляла 2,8 ПМ, но так и не достигла уровня 1991 года – 3,1 ПМ. (Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019. С. 98, 107. Э. Соболев. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии. Научный доклад. М., 2017. С. 27).

²²⁵ Здесь мы оставляем за скобками разницу между категориями марксистской политэкономии – переменным капиталом и прибавочной стоимостью (а также прибылью) и категориями мейнстримовой экономической науки – оплатой труда и валовой прибылью. В данном случае важно, что изменение пропорций между последними двумя реально отражают снижение издержек бизнеса на рабочую силу и рост его прибыли, о чём говорят в том числе авторы, представляющие экономический мейнстрим (см., например: Р. Капельюшников. Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии).

²²⁶ Там же. К началу 2010-х ситуация несколько стабилизировалась: в 2012 доля оплаты труда в ВДС обрабатывающих производств выросла до 51%, доля прибыли снизилась до примерно 48% (Он же. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики. Национальные счета России в 2007-2014 годах. С. 157). Но в ходе кризиса 2014-2016 положение наёмных работников вновь ухудшилось (см. ниже).

²²⁷ Национальные счета России в 2013-2020 годах. Табл. 2.1.3, 2.5.67. Национальные счета России в 2015-2022 годах. Табл. 2.1.3, 2.4.69.

Кроме того, занижение бизнесом уровня оплаты труда ведёт к тому, что часть стоимости рабочей силы компенсируется государством за счёт бюджета посредством различных пособий, субсидий и льгот (как было показано выше, количество их трудоспособных получателей исчисляется миллионами). Таким образом, оно фактически поддерживает капитал в ущерб наёмным работникам и отчасти самому себе: позволяет предпринимателям удерживать норму прибыли на высоком, а издержки на рабочую силу на низком уровне, одновременно теряя и на выплатах малоимущим работникам, и на недополученных налоговых отчислениях с заниженных зарплат²²⁸.

Дифференциация в оплате труда

Данные о средних зарплатах практически ничего не говорят о реальном положении дел из-за того, что зачастую они собираются по всем работникам той или иной отрасли (или профессиональной группы) и не учитывают дифференциацию в оплате труда. Не секрет, что неравенство по доходам в России огромно: даже по официальным данным доходы богатейших 20% населения почти равны доходам остальных 80% вместе взятых²²⁹. То же самое относится и к оплате труда в корпоративном секторе. В последние десятилетия 20% наиболее высокооплачиваемых работников организаций получали примерно столько же, сколько остальные 80% вместе взятые, а соотношение между средними заработками 10% самых высокооплачиваемых и 10% самых низкооплачиваемых работников (коэффициент фондов) в 2009-2021 годах составляло от 13 до 16 раз²³⁰. По данным МОТ в 2010 году неравенство по зарплате²³¹ в России было выше, чем в любой из стран ЕС (включая восточноевропейские), а также в некоторых полупериферийных и периферийных странах в других частях света, например, Китае, Мексике, Аргентине, Вьетнаме; по этому показателю Россия находилась на уровне Чили и чуть ниже Бразилии²³².

Большая дифференциация возникает не только из-за огромных заработков менеджмента, которые могут быть выше, чем у рядовых работников в 20 раз и более²³³. Очень велика разница в уровне оплаты труда между работающими в разных отраслях, работниками разной квалификации, работающими на крупных и малых предприятиях, а также неформально и неустойчиво занятыми.

Заработок у работников разных отраслей может отличаться в разы. Так, в 2019-2021 годах медианная зарплата в добыче полезных ископаемых была примерно в 2 раза выше, чем в машиностроении или торговле и почти в 3 раза выше, чем в сельском хозяйстве или

---

²²⁸ С. Климова, К. Клеман. Права наёмных работников в Трудовом кодексе РФ // Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России. С. 26, 28.

²²⁹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019. С. 126

²³⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010. С. 133. Там же. 2015. С. 110. Там же. 2019. С. 129. Там же. 2021. С. 138.

²³¹ Оценивалось по величине децильного коэффициента, характеризующего во сколько раз минимальная заработная плата 10% самых высокооплачиваемых работников превышает максимальную заработную плату 10% наименее самых низкооплачиваемых.

²³² Среди стран ЕС в выборку вошли все, входившие в объединение в 2010 году, кроме Дании, Ирландии, Мальты и Словении. См.: Л. Мигранова. Заработная плата в России и мире: сравнительный анализ. // Народонаселение. Т. 21. № 3. 2018. См. также: Заработная плата в мире в 2016–2017 гг.: Неравенство в оплате труда на предприятиях. М., 2017. С. 42, 114-117.

²³³ См., например: Н. Авдошина. Влияние дополнительных социальных гарантий на состояние трудовых отношений. // Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России. С. 63. Производительность труда: культурный аспект. Реальный пример из настоящего времени: на УАЗе разрыв между средней зарплатой и заработками топ-менеджмента в 2023 году составлял 35 раз. См.: Репрессии вместо зарплат. // <https://gazeta-pravda.ru/issue/51-31400-2324-maya-2023-goda/repressii-vmesto-zarplaty/>. В начале 2000-х годов разрыв между средней зарплатой и доходами топ-менеджмента крупных корпораций был ещё выше и составлял более 100 раз, тогда как в типичной корпорации во Франции они отличались в 5-6 раз, в Японии – в 8-9 раз, в США – в 20-25 раз. См.: Р. Дзарасов, Д. Новоженков. Указ. соч. С. 257.

бытовых услугах²³⁴. Это относится ко всем категориям работников, включая рабочих, у которых в зависимости от отрасли зарплата может различаться в полтора-два раза и более²³⁵.

Рисунок 19. Медианная заработная плата в крупных и средних организациях по отраслям в 2020 году, тыс. руб. в месяц²³⁶

* салоны красоты, бани, химчистки, ремонт бытовых вещей и приборов, ритуальные услуги, общественные организации и пр.

Также у рабочих очень заметна разница в оплате труда в зависимости от квалификации — зарплаты могут отличаться в полтора-два раза (по официальным данным²³⁷) и больше²³⁸. Существуют категории работников, которые, представляя особую ценность для предпринимателей, вынуждают их поднимать оплату труда. Именно за счёт их заработков

²³⁴ Рейтинг отраслей по заработным платам в 2019 году. // <https://ria.ru/20190805/1557122927.html>. Рейтинг отраслей по заработным платам в 2020 году. // <https://ria.ru/20200803/1575199913.html>. Рейтинг отраслей по заработным платам. // <https://ria.ru/20210823/zarplata-1746713896.html>.

²³⁵ См., например: Труд и занятость в России. 2021. С. 170. Промышленное производство в России. 2021. С. 122.

²³⁶ Стоит напомнить о низкой достоверности статистики по отраслям с большой долей неофициальной занятости и теневого сектора (сельское хозяйство, лёгкая промышленность, бытовые услуги и т.д.).

²³⁷ По данным Росстата, собранным по всем отраслям (между которыми, как было показано выше, есть очень большая разница в оплате труда), разница в оплате труда квалифицированного и неквалифицированного рабочего составляет около полутора раз (Труд и занятость в России. 2021. С. 172, 174-175). То же самое показывают и социологические обследования, проведённые на предприятиях разных отраслей (см., например: Ю. Васькина. Зарплата и уровень жизни работников промышленности Поволжья. // Петербургская социология сегодня. Выпуск 6. Спб., 2015).

²³⁸ Например, есть свидетельство того, как на пищевом производстве зарплата у оператора упаковочного оборудования пятого разряда была на 20 тыс. больше, чем у оператора первого разряда. См.: О. Пинчук. «Нестандартные» условия труда женщин на производстве: опыт включённого наблюдения. // Inter. 2018. № 15.

в основном происходит повышение средней заработной платы, которое показывает статистика²³⁹.

Очень велика разница в заработках в зависимости от размера предприятия или организации. Средняя зарплата на крупном или среднем предприятии почти в 2 раза больше, чем на микропредприятии и почти в полтора раза больше, чем на малых предприятиях (включая микропредприятия): 47,7 тыс. против 26,3 тыс. и 30 тыс. соответственно в 2019 году, 56,3 тыс. против 30,2 тыс. и 37,8 тыс. соответственно в 2021 году²⁴⁰.

То же самое касается разницы в оплате труда формальных и неформальных, постоянных, временных и заёмных работников. Опрос, проведённый в 2018 году, показал, что средний доход работников, имевших несколько признаков неустойчивой занятости был на 15-25% ниже, чем у имевших 1-2 признака неустойчивой занятости или не имевших их (в частности, устроенные по временным контрактам в среднем получали на 10% меньше, чем оформленные по бессрочным трудовым договорам). У работников, с несколькими признаками неустойчивой занятости медианный заработок составлял 20-22 тысяч рублей, в то время как среди имевших 1-2 признака неустойчивой занятости или не имевших их – 25-28 тыс.²⁴¹ (надо учитывать, что это средние цифры по самым разным отраслям с большим разбросом). По данным исследований конкретных предприятий разница в заработках постоянных и временных или заёмных работников может составлять полтора-два раза и больше при выполнении одной и той же работы²⁴² (это происходит в том числе потому, что заёмным и временным работникам зачастую не оплачивают переработки, не индексируют зарплату, не платят надбавки, предусмотренные коллективным договором или обусловленные вредными и тяжёлыми условиями труда, не оплачивают отпуска и больничные).

О заработках неформально занятых есть лишь отрывочные сведения, по которым можно заключить, что в целом они работают больше, а в расчёте на отработанное время получают меньше. В начале 2000-х формальные и неформальные наёмные работники зарабатывали практически одинаково, но с подъёмом экономики реальные заработки первых стали расти быстрее, а в ходе кризиса снизились менее значительно²⁴³. В 2009 году разница между средними заработками формальных и неформальных наёмных работников составляла около 30%²⁴⁴.

Ещё одна характерная особенность оплаты труда в России – очень высокая доля переменной части (премий, надбавок и т.п.) в общем заработке. Даже по официальным

---

²³⁹ «Рост средней величины зарплаты на предприятиях происходил не в результате повышения оплаты всему персоналу или его большей части. Это был результат вынужденного шага администрации, которые существенно увеличили оплату труда на рабочих местах оснащённых уникальным современным оборудованием. Эти места они в течение ряда лет не могли укомплектовать подготовленными работниками. С конца 1990-х гг. в стране обозначился и до настоящего времени сохраняется острый дефицит промышленных рабочих и специалистов высокой квалификации. В этой ситуации предприятия пытаются переманивать друг у друга, и даже из других регионов, рабочих – специалистов, повышая на этих рабочих местах в разы оплату труда. И эта “охота за кадрами” также внесла свою лепту в существенное повышение средней величины заработной платы». Б. Тукумцев, В. Бочаров. Указ. соч.

²⁴⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2021. С. 144. Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. С. 36.

²⁴¹ А. Кученкова. Указ. соч.

²⁴² «В период моей работы на фабрике заработная плата вахтовых работников была заметно ниже. Мой месячный доход как упаковщицы, но оформленной по бессрочному контракту, составлял порядка двадцати пяти-двадцати тысяч рублей при восьмичасовом рабочем дне (на подработке я не выходила). Упаковщицы, работавшие по вахте, получали не больше двадцати-двадцати тысяч рублей, работая часто без выходных не по 8, а по 12 или 16 часов в сутки». О. Пинчук. Указ. соч. Схожие данные см.: П. Бизюков, Е. Герасимова, С. Саурин. Указ. соч. С. 109-110

²⁴³ В тени регулирования. С. 409.

²⁴⁴ Там же. С. 186.

данным (которые преуменьшают масштаб явления, поскольку не учитывают теневые выплаты) в большинстве отраслей экономики доля тарифных ставок, окладов, сдельных расценок в общем фонде заработной платы не превышает 50-60%. В материальном производстве доля постоянной части заработка ниже, чем в непроизводительных отраслях, а у рабочих (кроме сельскохозяйственных и неквалифицированных) она ниже, чем у служащих и руководителей, что ставит их в более уязвимое положение²⁴⁵. Как правило в отраслях с наиболее высокой оплатой труда (металлургия, нефтепереработка²⁴⁶), выше и доля переменной части, а самая высокая доля постоянной части в низкооплачиваемых (лёгкая, кожевенная и обувная промышленность) или непроизводственных (гостиницы и общепит, информация и связь, операции с недвижимостью) отраслях. В реальности премии могут доходить до 80% заработка, чему есть свидетельства работников из самых разных отраслей.

Рисунок 20. Доля оплаты по тарифным ставкам, окладам, сдельным расценкам (постоянной части заработной платы) в фонде заработной платы крупных и средних организаций по отраслям в 2017 году, %

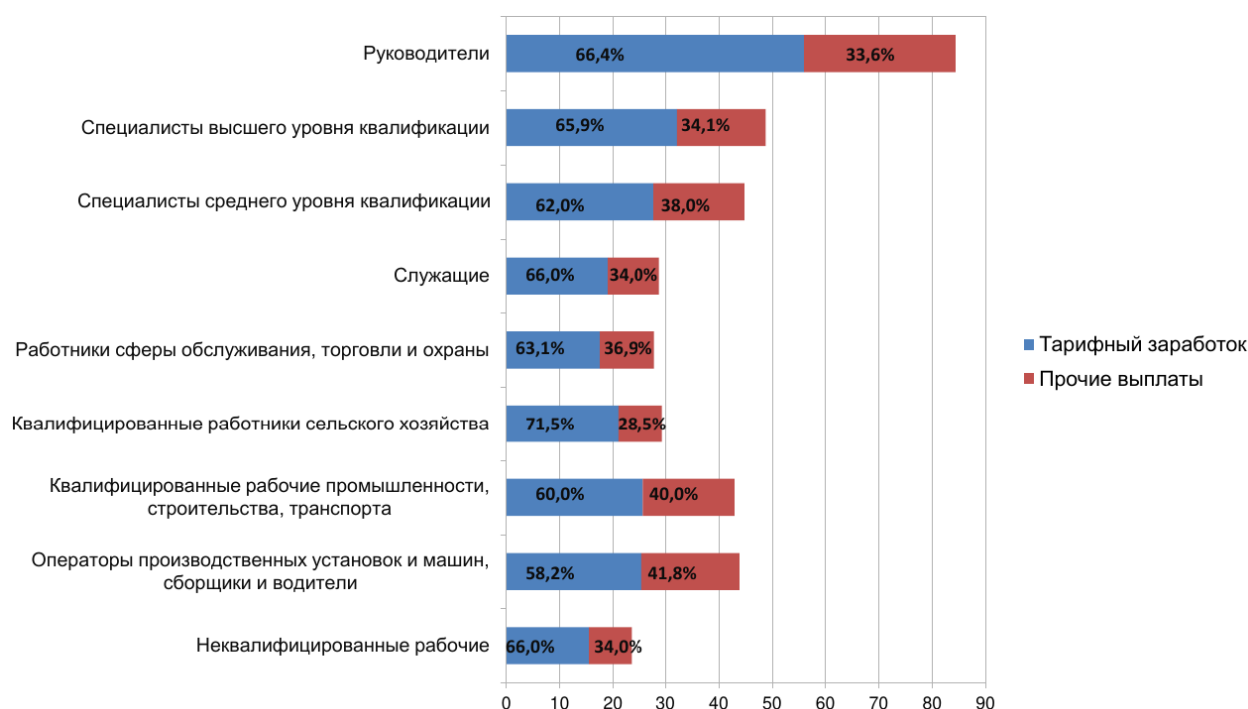

²⁴⁵ Труд и занятость в России. 2017. С. 209-210. Там же. 2019. С. 101-102. Там же. 2021. С. 171-172. Обследовались организации рыночных отраслей, т.е. не включались образование, здравоохранение, госуправление и т.п. отрасли. Также не обследовались сельскохозяйственные организации.

²⁴⁶ Также сюда относится добывающая промышленность, где небольшой удельный вес оплаты труда по тарифным ставкам, окладам, сдельным расценкам обусловлен высокой долей оплат по районному регулированию, т.е. «северных» надбавок – в 2017 году они составляли 29% фонда оплаты труда организаций отрасли (там же).

Рисунок 21. Величина средней заработной платы (тыс. руб.) и удельный вес тарифного заработка (постоянной части заработной платы) по группам занятий в 2019 году

В большинстве случаев размер и распределение, а зачастую и сам факт выплаты премий рядовым работникам зависит от начальства разного уровня – начиная с мастеров, бригадиров, администраторов и т.д.²⁴⁷. Это становится ещё одним механизмом подчинения, в том числе принуждения к сверхурочной работе или работе в условиях нарушения техники безопасности под угрозой лишения премий, а также способом давления на работников в случае борьбы за соблюдение своих прав или улучшение условий труда²⁴⁸. Столь значительная доля премий в общем заработке на практике оборачивается широким распространением системы штрафов. Поскольку штрафование работников за реальные или мнимые нарушения противоречит Трудовому кодексу (ТК), штрафы маскируются под депремирование. Кроме того, такая структура заработной платы позволяет проводить фиктивную индексацию, когда при увеличении постоянной части (оклада или расценок) пропорционально снижается переменная (премии, надбавки и т.п.).

3.2. Другие аспекты эксплуатации

Продолжительность рабочего времени

Высокий уровень эксплуатации в российской экономике складывается не только из низкой оплаты труда, но и из других факторов. Один из них – продолжительность рабочего времени. Как уже говорилось выше, по данным ОЭСР количество отработанного времени в расчёте на одного работника выросло с 1933 часов в год в 1992 году до 1999 часов в 2007, а в 2008-2019 колебалось в диапазоне 1965-1985 часов. Это превышает показатели большинства основных стран центра и даже многих полупериферийных и периферийных стран, например, Турции, Венгрии, Польши, Чехии, Эстонии; в последние

²⁴⁷ «При низких тарифных ставках и необоснованных нормах создаётся благоприятная среда для производственного волюнтаризма, когда заработная плата рабочих во многом зависит не от результатов труда, а от воли линейного руководителя». В. Вайсбурд. Заработная плата – важный фактор социально-трудовых отношений. // Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России. С. 61.

²⁴⁸ «Такая структура оплаты труда (с большой долей переменной части – А.П.) тоже усиливает власть ... так как премию можно не платить. Она порождает неустойчивость материального положения работников и делает их сговорчивее». Р. Дзарасов, Д. Новоженков. Указ. соч. С. 254.

годы это сопоставимо с показателями Чили и Южной Кореи²⁴⁹. Стандартный производственный календарь при 40-часовой рабочей неделе даёт чуть больше 1970 часов в год²⁵⁰. Таким образом, средний работник в России либо не имеет отпуска вообще, либо стабильно перерабатывает – например, при стандартном отпуске в 4 недели, каждую из рабочих недель в году он работает больше примерно на 3,5 часа.

По данным исследования ИС РАН в конце 2016 года у 54% работающих россиян продолжительность рабочей недели была больше 40 часов²⁵¹, в 2019 году по данным ВЦИОМ перерабатывал 51% работников²⁵². При этом по данным Росстата в 2018-2021 годах 41 час в неделю и более работали лишь 5-6% занятых. Данные официальной статистики значительно занижены, в том числе потому, что длительность сверхурочных работ ограничена законом, и чтобы скрыть его нарушение работодатели не фиксируют реальное количество отработанного времени. Благодаря тому, что в нынешней редакции Трудового кодекса фактически отсутствует разница между ненормированным рабочим днём и сверхурочной работой, работодатель может выдавать переработки за ненормированный график, или совместительство в рамках предприятия, что позволяет не только не фиксировать работу как сверхурочную, но и не оплачивать её как сверхурочную, что широко распространено²⁵³.

В то же время и официальная статистика, и результаты социологических исследований говорят о том, что в наибольшей степени переработкам подвержены рядовые работники торговли и обслуживания, а также рабочие. Осенью 2014 года доля перерабатывающих среди рабочих разной квалификации оценивалась в 45-55%, а весной 2015 доля перерабатывающих высококвалифицированных рабочих доходила до 63%. В этот же период перерабатывали 55-60% рядовых работников торговли и бытового обслуживания²⁵⁴. Схожие данные приводит Росстат: больше всего перерабатывающих среди водителей и операторов производственных установок, работников сферы торговли, обслуживания и охраны, квалифицированных рабочих²⁵⁵. Даже по данным официальной статистики в конце 2010-х и в 2021 году в строительстве более 41 часа в неделю работали 10-11% занятых, на транспорте – 9-10%, в добывающей промышленности и торговле – 8-9%. В добыче полезных ископаемых наиболее велика доля работающих больше 51 часа в неделю (по данным Росстата она составляет 4-5%, но, как уже говорилось, все они сильно занижены²⁵⁶). Переработки в наибольшей мере характерны для частных предприятий, созданных с нуля – в 2015 году они затрагивали 62% их работников против 53% работников приватизированных предприятий и 41% работников госсектора²⁵⁷.

Переработки сильнее распространены среди работников с неформальной и неустойчивой занятостью. Так, по официальным данным в неформальном секторе работающих более 40 часов в строительстве, торговле и ремонте, на транспорте и в общепите в 2020 году было в 1,5-2 раза больше, чем в среднем по всем работникам этих отраслей. В целом доля перерабатывающих в неформальном секторе почти в три раза выше, чем среди всех работающих (более половины перерабатывающих приходится на неформальный сектор,

---

²⁴⁹ Average annual hours actually worked per worker. // <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=ANHRS#>.

²⁵⁰ За 2024 год и предыдущие см.: <https://hh.ru/calendar>.

²⁵¹ Н. Тихонова, А. Каравай. Указ. соч.

²⁵² Эксперт: Россияне интеллектуально деградируют из-за постоянных переработок. // <https://www.kp.ru/daily/27028.4/4091292/>.

²⁵³ С. Климова, К. Клеман. Указ. соч. С. 25-26.

²⁵⁴ Н. Тихонова. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян.

²⁵⁵ Труд и занятость в России 2021. С. 48.

²⁵⁶ Так, по данным Росстата 51 час и более в неделю работают лишь чуть больше 1% всех занятых, тогда как социологические исследования показывают на порядок большие значения – 10-15% работников с продолжительностью рабочей недели более 60 часов. Н. Тихонова. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян. Н. Тихонова, А. Каравай. Указ. соч.

²⁵⁷ Н. Тихонова. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян. Такая закономерность также отмечалась ещё в начале 2000-х. См.: Ю. Денисова. Указ. соч.

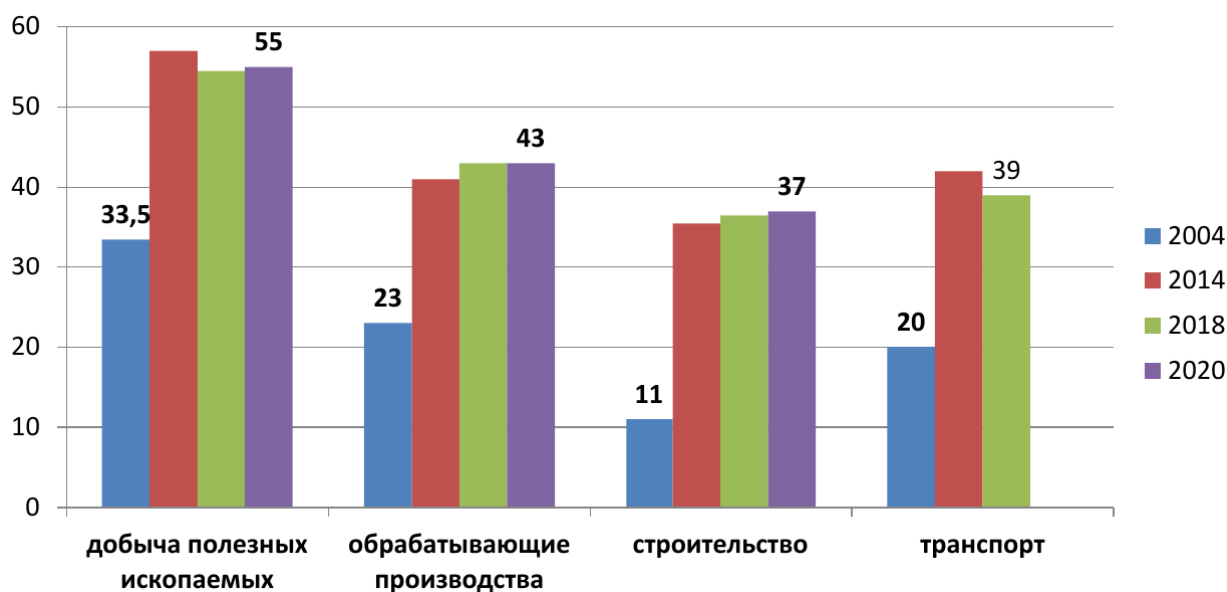
хотя в нём заняты лишь около 20% работников)²⁵⁸. Из работающих по договорам гражданско-правового характера и на основе устной договорённости перерабатывал практически каждый пятый²⁵⁹. Это подтверждается и данными независимого мониторинга: длительность рабочего времени у неформально занятых, имевших постоянную работу, заметно выше, чем у формально занятых: 2000-х разница между медианными показателями в некоторые годы составляла до 6 часов в неделю²⁶⁰.

Можно отметить большую несбалансированность российского рынка труда: в одних отраслях и секторах – высокая интенсивность и переработки, в других – неполная занятость (или же чередование этих крайностей в одних и тех же областях в разное время). Об этом же свидетельствует обострившийся дефицит работников, который отмечается с середины 2023 года в сочетании с большими масштабами неполной занятости, практически не снизившейся с конца 2022 года (см. раздел 2).

Вредные и опасные условия труда, травматизм и смертность

Экономия бизнеса на вложениях в основной капитал, его износ и устаревание ведут к ухудшению условий труда, особенно в отраслях, связанных с материальным производством. Данные Росстата говорят о том, что положение работников на протяжении последнего времени неуклонно ухудшалось: доля занятых на работах с вредными и/или опасными условиями труда за 15 лет выросла в 1,5-2 раза и более, в отдельных отраслях она составляет уже около половины всех работников.

Рисунок 22. Изменение доли занятых во вредных и опасных условиях труда по отраслям, %²⁶¹

Можно заметить, что после 2014 года доля работающих во вредных и опасных условиях практически перестала расти, а в некоторых отраслях даже слегка снизилась. Однако это связано не с улучшением ситуации, а с занижением уровня вредности, которому поспособствовало введение Специальной оценки условий труда (СОУТ). Благодаря ей многие нормативы по вредности были изменены в сторону снижения или отменены, из-за

²⁵⁸ Труд и занятость в России. 2021. С. 48. Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2020 год. Табл. 7.15.

²⁵⁹ 18 и 19 процентов соответственно. Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2021 год. Табл. 3.9.

²⁶⁰ В тени регулирования. С. 377.

²⁶¹ Труд и занятость в России. 2007. С. 303. Там же. 2015. С. 191. Там же. 2017. С. 169. Там же. 2019. С. 85. Там же. 2021. С. 113.

чего множество рабочих мест, условия труда на которых ранее относились к вредным или опасным, были переведены в категорию допустимых²⁶². В результате работники, занимавшие эти места частично или полностью лишились дополнительных выплат и льгот (укороченный рабочий день, более длинные отпуска, специальное питание на рабочем месте, возможность более раннего выхода на пенсию и т.д.). Таким образом, уровень их эксплуатации повысился за счёт сокращения издержек нанимателей на воспроизводство рабочей силы, подверженной повышенному износу вследствие неблагоприятных условий труда. Более того, с этими же целями руководство предприятий зачастую фальсифицирует уровень вредности, например, проводя замеры в неработающих цехах²⁶³.

Другой показатель, свидетельствующий об ухудшении положения работников – значительный и не снижающийся уровень производственного травматизма. Реальное количество травм на производстве в России не фиксируется статистикой напрямую, поскольку работодатели, во избежание ответственности и необходимости оплачивать лечение работников, скрывают производственные травмы и принуждают подчинённых оформлять их как бытовые (подтверждение чему можно увидеть даже в данных официальной статистики²⁶⁴). Но его можно выявить при помощи других показателей. Так, в России в последние годы на 1 смертельный случай на производстве приходилось всего 21-23 производственных травмы, тогда как в большинстве стран Евросоюза (за исключением ряда бывших республик СССР и стран соцлагеря) – от 400 до 2000²⁶⁵. Такое различие объясняется тем, что гибель работника на производстве, в отличие от травмы, скрыть значительно труднее. Согласно методике оценки достоверности статистики производственного травматизма, разработанной МОТ, на 1 смертельный случай приходится от 500 до 1000 травм. При использовании этого коэффициента реальное число травм на производстве в России составит более 455 тыс. против 20,5 тыс., фиксируемых официальной статистикой (данные за 2020 год)²⁶⁶. Для сравнения, в 1990 году их было 432 тыс.²⁶⁷. Надо помнить, что за прошедшие десятилетия значительно снизилась занятость в более травмоопасных отраслях материального производства²⁶⁸ и выросло число работников непромышленных отраслей, где уровень травматизма меньше. Иначе говоря, уровень производственного травматизма в расчёте на число занятых вырос, причём заметно.

---

²⁶² Г. Тихонова, А. Чуранова. Многолетний анализ особенностей учёта несчастных случаев на производстве в России. // Демографическое обозрение. Т. 6. № 2. 2019. Вся суть про СОУТ. // <https://rotfront.org/%d0%b2%d1%81%d1%8f-%d1%81%d1%83%d1%82%d1%8c-%d0%bf%d1%80%d0%be-%d1%81%d0%be%d1%83%d1%82/>.

²⁶³ «Для того, чтобы производство признали вредным, государственные службы, следящие за экологической обстановкой на предприятиях, должны произвести соответствующие замеры. Делается это всегда стандартно: перед приездом комиссии все работы останавливаются, помещения проветриваются. Приехавшие тётеньки из госструктур, не моргнув глазом, измеряют уровень вибрации и шума, а также загрязнения воздуха при неработающих станках – и, кто бы мог подумать, приходят-таки к выводу, что все показатели в норме и оснований для “вредности” нет. О чем и пишут красивые заключения, которые потом администрация предприятий тычет в нос слишком склонным рабочим». А. Роцин. Указ. соч.

²⁶⁴ «Переписывание производственных травм на бытовые легко увидеть на данных Минздрава. С 2005 по 2010 год количество травм, связанных с производством, сократилось на 360 тысяч, при этом количество бытовых травм за этот же период выросло на 525 тысяч». «Надоело уже хоронить товарищей». // <https://istories.media/investigations/2021/06/10/nadoelo-uzhe-khoronit-tovarishchei/>. Схожую динамику можно заметить и в более поздний период: так, за 2005-2013 годы число травм, связанных с производством сократилось на 495 тыс., тогда как число бытовых травм за это время выросло на 580 тыс. См.: Число травм, отравлений и некоторых других последствий воздействия внешних причин (человек, на 1 января). // <https://fedstat.ru/indicator/41656>.

²⁶⁵ Г. Тихонова, А. Чуранова. Указ. соч.

²⁶⁶ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2021. С. 94. «Надоело уже хоронить товарищей». См. также: Г. Тихонова, А. Чуранова. Указ. соч.

²⁶⁷ Труд и занятость в России. 2003. С. 321.

²⁶⁸ Г. Тихонова, А. Чуранова. Указ. соч. «в 2016 г. частота производственного травматизма со смертельным исходом на предприятиях по добыче полезных ископаемых была выше среднероссийского показателя в 2,7 раза, в строительстве – в 2,9 раза, в сельском хозяйстве – в 1,7 раза и т.д.». Там же.

Уровень смертности на российских предприятиях один из самых высоких в мире: в соответствующем рейтинге, составляемом МОТ на основе данных национальной статистики, Россия неизменно занимает худшие позиции наряду с республиками бывшего СССР, некоторыми странами Юго-восточной Азии и Латинской Америки²⁶⁹. Хотя коэффициент производственного травматизма со смертельным исходом в расчёте на 1000 работников снизился более чем в 2 раза за 1990-2017 годы, это произошло параллельно с почти двухкратным сокращением занятости в отраслях материального производства. Кроме того, есть сведения, что эти показатели также занижаются путём оформления смертельных случаев как не связанных с производством. Так, по данным Роструда в 2019-2022 годы выявлялось от 150 до 220 сокрытых несчастных случаев на производстве со смертельным исходом ежегодно²⁷⁰. Таким образом, уровень смертности от производственных травм среди работников если и снизился, то незначительно²⁷¹.

Ухудшение трудового законодательства, нарушение трудовых прав

Надо вкратце сказать об изменениях законов о труде, ухудшающих положение наёмных работников, урезающих трудовые права и возможности их защиты. Основной вехой был принятый в 2001 году Трудовой кодекс, который в дальнейшем неоднократно редактировался. В числе важных отличий от предшествующего законодательства – значительное сокращение правовых возможностей работников влиять на трудовые отношения. Например, предприниматели больше не обязаны учитывать мнение профсоюза при увольнении работника или сокращении штата по инициативе работодателя, уменьшились возможности профсоюзов по ведению коллективных переговоров, а процедура объявления забастовки настолько усложнилась, что её законное проведение стало практически невозможным²⁷².

Одно из изменений Трудового кодекса прямо затронуло уровень зарплаты. В первой редакции нового ТК было прописано, что МРОТ должен рассчитываться как оплата простого неквалифицированного труда в нормальных условиях (статья 133 в редакции от 2001 года). В него не могли включаться доплаты, надбавки, премии и т.п. В 2007 году это положение было изъято, и все компенсационные выплаты были включены в расчёт. Благодаря этому у работодателей, включая государство, появилась возможность устанавливать оклады или тарифные ставки, т.е. постоянную и гарантированную часть зарплаты (в том числе для квалифицированных работников) ниже уровня МРОТ²⁷³. Среди

---

²⁶⁹ См: Fatal occupational injuries per 100000 workers by economic activity – Annual. // https://rshiny.ilo.org/dataexplorer48/?lang=en&id=INJ_FATL_ECO_RT_A. Например, в 2014 году хуже, чем в России ситуация была лишь в Египте, Узбекистане, Турции, Мексике, Гонконге и Гваделупе. «Надоело уже хоронить товарищей».

²⁷⁰ Информация о работе технической инспекции труда профсоюзов в 2023 году. С. 10-11. // https://fnpr.ru/upload/iblock/920/telset2t1k7f1ovv2p3p6c311ggwugaz/Postanovlenie-Ispolkoma_otchet-Tekhnicheskoy-inspektzii-truda-profsoyuzov_2023-Kor-1_.pdf

²⁷¹ Примечательно в этой связи, что с 2017 года уровень производственного травматизма со смертельным исходом практически перестал снижаться, колеблясь в диапазоне 5,3-6 случаев на 100 тыс. работающих в 2017-2022 (за исключением 2020 года, когда из-за пандемии производственная активность была ниже обычного) (см.: Производственный травматизм, в том числе со смертельным исходом. // <https://www.fedstat.ru/indicator/58498>). Примерно в этот же период сокращение занятости в отраслях материального производства резко замедлилось.

²⁷² С. Климова, К. Клеман. Указ. соч. С. 22–24. Б. Максимов. Трудовое законодательство и реальные практики трудовых отношений. // Петербургская социология сегодня. Выпуск 7. СПб., 2016. П. Бизюков. Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости. С. 23–24. Примечательно, что жёсткие ограничения на проведение митингов, введённые в начале 2010-х, также сократили арсенал защиты трудовых прав и интересов. Подробнее см.: Без скидок для членов профсоюза. // https://www.gazeta.ru/comments/2012/07/03_a_4661449.shtml.

²⁷³ Яркий пример – работники среднего образования. Так в конце 2021 года 3/4 учителей имели оклад ниже МРОТ (см.: В Минпросвещения заявили, что у 76% учителей оклад ниже МРОТ. // <https://tass.ru/obschestvo/13654907>). С тех пор ситуация практически не изменилась: в конце 2023 года оклады учителей недотягивали до МРОТ в 75 регионах (см.: Поучите и распишитесь: почему школам в регионах не хватает педагогов. // <https://iz.ru/1627747/elena-balaian/pouchite-i-raspishites-pochemu-shkolam-v-regionakh-ne-khvataet-pedagogov>).

других заметных нововведений, ухудшающих положение наёмных работников – легализация срочных трудовых контрактов и затем расширение сферы их применения²⁷⁴, а также введение Специальной оценки условий труда, о которой говорилось выше.

Ухудшение положения работников не ограничивается урезанием их трудовых прав. Широко распространённый способ снижения издержек на рабочую силу (т.е. расходов на её воспроизводство) – разного рода нарушения трудового законодательства. Как отмечают исследователи, «главной проблемой взаимоотношений работодателей и работников в России является в настоящее время не сокращение прав работающих, а то, что права, которые у работников формально есть, на практике всё чаще не соблюдаются»²⁷⁵. По оценкам, сделанным на основании социологических исследований и мониторингов, в последние годы трудовые права 40-50 процентов всех работающих систематически нарушаются в одном или нескольких аспектах (т.е. численность работников, чьи права не соблюдаются, составляет не менее 30 млн)²⁷⁶.

Пользуясь своим доминирующим положением, работодатели диктуют работникам условия, в подавляющем большинстве случаев не считаясь с их интересами. В последние десятилетия в российской экономике складывалась ситуация, крайне благоприятная для господствующих классов: массовые увольнения, простои и неоплачиваемые отпуска в результате сокращений, остановок и закрытия производств создали большую резервную рабочую армию, что с одной стороны позволило понижать зарплаты (а затем препятствовать их *реальному* росту до докризисного уровня), при этом не позволяя снижать производительность (точнее интенсивность) труда под угрозой безработицы, а с другой – сломить (а в большинстве случаев даже предотвратить) сопротивление работников и их организаций, препятствуя борьбе за повышение оплаты и улучшение условий труда²⁷⁷. Отсюда отмечаемое практически повсеместно пренебрежительное и доходящее до произвола отношение к рядовым работникам со стороны руководства всех уровней.

Важный фактор, облегчающий урезание и нарушение трудовых прав – ослабление профсоюзов, которое видно в том числе по сокращению их членской базы. Здесь можно в очередной раз отметить сходство с процессами, происходившими в латиноамериканских странах (хотя подобное происходило в большинстве стран мира, здесь упадок профсоюзов был одним из сильнейших). Так, в Аргентине в 1970-х в профсоюзах состояли 50% рабочих, в 90-х – 20%. В Венесуэле и Боливии до наступления неолиберализма профсоюзами были охвачены 25% и более, в 90-х – лишь 9-13%²⁷⁸. Схожее происходило и

---

²⁷⁴ П. Бизюков. Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости. С. 25, 34.

²⁷⁵ Н. Тихонова. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян.

²⁷⁶ Там же. Н. Тихонова, А. Каравай. Указ. соч. Н. Тихонова. Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества.

²⁷⁷ Ситуация почти в точности совпадает с той, которую в своё время описывал Э. Мандель: «Если ... капиталу удастся решительно ослабить или даже разгромить профсоюзы и все остальные организации рабочего класса, включая его политические организации; если ему удастся атомизировать и запугать пролетариат до такой степени, что любая форма коллективной защиты окажется невозможной, а рабочие вновь будут низведены до того этапа, с которого они начинали – иными словами, до «идеальной» (с точки зрения капитала) ситуации всеобщей конкуренции рабочего против рабочего, тогда вполне возможно: 1) использовать давление безработицы чтобы осуществить значительное понижение реального размера заработной платы; 2) предотвратить возврат заработной платы к своему предшествующему уровню даже на этапе подъёма, следующего за кризисом, т.е. понизить стоимость рабочей силы в долгосрочной перспективе; 3) опустить цену рабочей силы путём махинаций, вычетов, и разного рода жульничества ещё ниже её и так заниженной стоимости; 4) одновременно с этим добиться существенного роста средней общественной интенсивности труда и даже попытаться, в тенденции, увеличить длительность рабочего времени. Результатом всех этих изменений может быть только быстрое и значительное увеличение нормы прибавочной стоимости». E. Mandel. Op. cit. P. 158. Это достаточно редкий случай для развитых промышленных стран, но не столь редкий для стран зависимого капитализма (Ibid. P. 67-68). О схожем историческом примере – поражении европейских рабочих в 30-40-х годах прошлого века, в результате которого удалось добиться таких же результатов: Ibid. P. 148-151, 158-165.

²⁷⁸ Р. Рохас. Указ. соч.

в России, хотя профсоюзы, доставшиеся в наследство от СССР, имели совершенно другой характер и принцип членства. В начале 90-х в крупнейшей профсоюзной федерации (ФНПР) состояло около 50 млн работников или около 2/3 всех занятых, в середине 2010-х – немногим более 20 млн (меньше трети занятых)²⁷⁹.

Самые распространённые нарушения трудовых прав:

- выплата всей зарплаты или её части в теневой форме («в конверте»);
- частичный или полный отказ от отплаты отпусков, декретных отпусков и больничных;
- увеличение продолжительности рабочей недели за пределы, установленные трудовым законодательством;
- принуждение к выполнению обязанностей, не предусмотренных трудовым договором или должностной инструкцией;
- частичная или полная неоплата сверхурочной работы;
- отсутствие компенсаций за вредные и опасные условия труда;
- принуждение к покупке за свой счёт того необходимого для работы (инструментов, униформы, средств индивидуальной защиты и т.д.), что обязан предоставлять работодатель;
- принуждение к уходу в неоплачиваемый отпуск вместо простоя, который должен оплачиваться, принуждение к увольнению по собственному желанию вместо увольнения в связи с сокращением и т.д.

Отдельно стоит отметить специфическую для нашей страны форму эксплуатации – задержки заработной платы: по сути это беспроцентный кредит, который владельцы предприятий получают за счёт работников. В условиях типичной для России высокой инфляции это позволяет увеличить норму прибавочной стоимости за счёт выплаты заработка спустя несколько месяцев деньгами, уже обесценившимися по сравнению с тем моментом, когда они должны были быть выплачены в соответствии с трудовым договором.

Очень распространённое нарушение, связанное с оплатой труда – теневые выплаты. По официальным данным во второй половине 2010-х скрытая оплата труда составляла около 25% от объёма оплаты труда во всей экономике²⁸⁰. Сильнее всего такая практика распространена там же, где и неформальная занятость: в гостиничном бизнесе и общепите, торговле, строительстве – по некоторым данным более 50% их работников получали зарплату частично или полностью в теневой форме²⁸¹.

Менее заметное, но крайне важное в российских условиях нарушение – индексация заработной платы ниже уровня инфляции или отказ от её индексации вообще (что входит в

---

²⁷⁹ П. Бизюков. Траектория развития постсоветских профсоюзов: от традиции к альтернативе и обратно. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1–2. 2021. Б. Кагарлицкий, А. Очкина. Состояние и тенденции развития российского профсоюзного движения. М., 2015. С. 8. Расследование РБК: на что живут российские профсоюзы. // <https://www.rbc.ru/investigation/society/29/04/2016/572214189a79477116812c57>.

²⁸⁰ Э. Соболев. Указ. соч. С. 31–32. Национальные счета России в 2013–2020 годах. Табл. 2.5.67. Национальные счета России в 2015–2022 годах. Табл. 2.4.69. Это отчасти подтверждается полевыми исследованиями – так, в 2015 году в малом бизнесе в Москве теневые выплаты составляли около трети зарплаты. Э. Соболев. Указ. соч. С. 31.

²⁸¹ Работодатели стали чаще предлагать «серые» схемы оплаты труда: результаты опроса HeadHunter. // <https://hhcdn.ru/file/16676147.pdf>. «В зону повышенного риска попадают занятые на основе устной договорённости и на основе договора с индивидуальным предпринимателем: четыре из пяти представителей этой категории получают, по крайней мере, часть заработной платы неофициально». Э. Соболев. Указ. соч. С. 33.

обязанности работодателя²⁸²). Таким способом работодатели по сути понижают уровень оплаты труда в реальном выражении и тем самым занижают цену рабочей силы.

Так же как и неформальная занятость, нарушения трудовых прав в наибольшей степени затрагивают работников физического труда: так, в 2015 году 57% высококвалифицированных рабочих, 70% неквалифицированных рабочих и 74% работников торговли и сферы бытового обслуживания полностью или частично пребывали вне правового поля против 25% офисных работников с высшим образованием²⁸³. Реже всего нарушаются права в государственных организациях, положение работников занятых на предприятиях частной формы собственности и у частных лиц значительно хуже. Нарушение хотя бы одного из основных трудовых прав в 2016 году затрагивало 45% работников приватизированных предприятий и 2/3 работников частных предприятий, созданных с нуля против четверти работников госсектора. В организациях, созданных за последние 30 лет, не был официально трудоустроен каждый третий работник, а более половины получали часть зарплаты в теневой форме и не имели оплачиваемых отпусков и больничных²⁸⁴.

Среди прочего очень распространена неоплата переработок: в конце 2016 года за них не доплачивали 64% работников, в том числе 62% рабочих разной квалификации и 75% рядовых работников торговли и бытового обслуживания²⁸⁵.

3.3. Рост уровня эксплуатации вместо увольнений в кризис

Масштабы нарушений трудовых прав значительно возрастают во время кризисов, что является ещё одним способом «адаптации» российского бизнеса: вместо массовых увольнений (а в некоторых случаях – в дополнение к ним) наёмным работникам не только снижают заработную плату, но и чаще нарушают их права, тем самым дополнительно снижая издержки на рабочую силу.

Одно из таких нарушений, с помощью которого сокращают оплату труда – индексация зарплат ниже уровня инфляции или отказ от индексации вообще. Именно в кризисы оно становится наиболее заметным, поскольку во время рецессии инфляция, как правило, повышается, а у работодателей появляется удобный предлог для отказа от индексации²⁸⁶. В качестве примера можно привести кризис 2014-2016 годов, когда за 2 года номинальный рост заработной платы у разных категорий работников составил от 2 до 18 процентов, тогда как индекс потребительских цен – 23%; в 2015 году по данным Росстата номинальная заработная плата выросла на 5%, в то время как реальная сократилась на 9%²⁸⁷. Это и есть один из способов экономии на рабочей силе в кризис вместо сокращений и наряду с неполной занятостью. Разумеется, учащаются и другие: задержки зарплаты, принуждения к уходу в неоплачиваемый отпуск, увольнению «по собственному желанию» и т.д.

---

²⁸² Индексация заработной платы является обязанностью работодателя, однако юридической ответственности за уклонение от неё не предусмотрено. Подробнее об этой проблеме см., например: Л. Нургалиева. Индексация заработной платы право или обязанность работодателя? // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сборник статей Международного форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех». Уфа, 2019. С. 472-473.

²⁸³ Тихонова Н. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян.

²⁸⁴ Там же. Н. Тихонова, А. Каравай. Указ. соч. Под основными трудовыми правами подразумевается своевременная выплата зарплаты, официальное оформление на работу, «белая» зарплата, оплата отпусков и больничных в объёмах, предусмотренных законодательством.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ «работодатели массово воспользовались угрозой кризиса, чтобы снизить работникам их доходы или начать задерживать им зарплату. Причём это делалось сплошь и рядом и в том случае, если деньги на выплату зарплаты у работодателей были». Н. Тихонова. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян.

²⁸⁷ Н. Тихонова, А. Каравай. Указ. соч. О. Меньшикова. Бедность трудоспособного населения: причины и следствия.

Примечательно, что трудовые нагрузки на работников во время кризисов могут и расти. Как правило, это происходит из-за стремления нанимателей снизить издержки привычным способом, сократив часть персонала и перераспределив обязанности на оставшихся²⁸⁸. Также под угрозой увольнения в кризис легче принудить к неоплачиваемым переработкам.

С каждым следующим кризисом масштабы нарушений трудовых прав увеличиваются. Так, в сентябре 2020 года доля работников, чьи основные трудовые права нарушались, достигла максимума по сравнению с кризисами 2008-2009 и 2014-2016 годов, составив почти 55%²⁸⁹. Таким образом, с течением времени российская экономика всё дальше движется в сторону повышения уровня эксплуатации работников и урезания их трудовых прав. Как мы говорили выше, это отражается даже в макроэкономической статистике, которая фиксирует снижение доли оплаты труда и повышение доли валовой прибыли в ВВП после выхода из кризиса 2014-2016 годов.

В ходе кризиса, начавшегося в 2022 году, наниматели также прибегали к привычным мерам для сокращения издержек и повышения уровня эксплуатации. Так, в 2023 году продолжительность рабочего дня была наибольшей как минимум с 2005 года²⁹⁰. Одновременно с этим значительно выросла смертность на производстве: 4,8 тыс. против 3,9 в 2022 по данным ФНПР. При этом число смертельных случаев, признанных не связанными с производством за год выросло почти в полтора раза – с 2,2 до 3,2 тыс.²⁹¹. Это очевидно говорит о сокрытии причин гибели работников – по данным Роструда одних только сокрытых несчастных случаев на производстве в 2023 году было выявлено в 2 раза больше, чем в 2022, сокрытых смертельных случаев – в 1,7 раза²⁹².

4. Заключение

Подводя итоги нашего исследования, ещё раз перечислим основные изменения, произошедшие в сфере занятости и трудовых отношений в постсоветский период, а также особенности, отличающие её в последние годы:

1. Массовый (и зачастую вынужденный) переход работников из отраслей материального производства в непроеизводственные – торговлю и услуги;
2. Массовый переход с крупных и средних предприятий в малый бизнес и неформальную занятость, снижение концентрации работников в рамках одной хозяйствующей единицы;
3. Массовое распространение неустойчивой занятости в различных формах (работа в неформальном секторе, неофициальное трудоустройство, работа по временным контрактам, различные формы занятости, частично или полностью не подпадающие под действие трудового законодательства);

Как было показано, все эти процессы крайне негативно отразились на защищённости работников – в первую очередь на стабильности их занятости и оплаты труда.

4. Значительная и практически не снижающаяся на протяжении длительного периода времени величина резервной рабочей армии – порядка нескольких миллионов

---

²⁸⁸ Как это было в кризис 2014-2016: «...частный сектор, где рост трудовых нагрузок сопровождался вдвое более высоким показателем числа уволенных, чем в госсекторе. Это обернулось ростом нагрузки более чем на час в неделю в среднем на каждого работающего... увольнения на предприятиях частного сектора российской экономики, включая приватизированные, были вызваны не столько экономической необходимостью, сколько стремлением сократить издержки на рабочую силу и под предлогом кризиса увеличить норму прибыли». Н. Тихонова. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян. См. также: Н. Тихонова, А. Каравай. Указ. соч.

²⁸⁹ Подробнее см.: Н. Тихонова. Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества. Н. Тихонова, А. Каравай. Указ. соч.

²⁹⁰ Длительность рабочего дня в России установила рекорд. // <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2024/65e5a14c9a7947079891dbd9>.

²⁹¹ Информация о работе технической инспекции труда профсоюзов в 2023 году. С. 15.

²⁹² Там же. С. 10-11.

нерегулярно и неустойчиво занятых (включая уязвимые группы работников, в том числе зарубежных трудовых мигрантов), охваченных частичной и скрытой безработицей;

5. Как следствие – возможность для нанимателей удерживать реальную заработную плату на относительно низком уровне, установившемся после кризиса 90-х: так, к 2021 году медианная заработная плата наёмных работников в реальном выражении так и не достигла уровня 1991 года²⁹³;

6. Низкая цена рабочей силы в свою очередь стала одной из причин отсутствия стимулов для модернизации, повышения органического строения капитала и технологического уровня в большинстве отраслей материального производства; следствием этого стали в том числе износ и устаревание основных фондов, снижение численности квалифицированных рабочих в основных производственных отраслях;

7. Значительная доля низкооплачиваемых рабочих мест, заработок на которых при стандартной занятости не обеспечивает воспроизводство рабочей силы;

8. Высокий уровень эксплуатации на значительной части относительно хорошо оплачиваемых рабочих мест в отраслях материального производства и инфраструктуры (зачастую – настолько, что высокий уровень оплаты труда не покрывает износ рабочей силы);

9. Очень большая дифференциация в оплате труда, в том числе в реальном секторе экономики, наличие относительно небольшого слоя высокооплачиваемых работников (в некоторых отраслях и на отдельных профессиональных позициях);

10. Постепенное ослабление трудового законодательства, урезание трудовых прав и возможностей для защиты работниками своих интересов на протяжении всего постсоветского периода;

11. Стремление работодателей к одностороннему регулированию трудовых отношений и уничтожению субъектности работников; значительные масштабы нарушений трудовых прав, их постепенный рост с течением времени; при этом заметные отличия в уровне соблюдения трудового законодательства в зависимости от типа рабочего места (на государственных предприятиях и в частном секторе, в крупном и малом бизнесе);

12. Дезорганизация наёмных работников, ослабление профсоюзов и их возможностей регулировать трудовые отношения;

13. Широкое распространение специфических способов «адаптации» бизнеса к кризисам: вместо сокращения персонала – снижение оплаты труда, распространение неполной занятости и скрытой безработицы, а также нарушения трудовых прав в самых разных формах, позволяющие сэкономить на издержках на рабочую силу.

Всё это позволило российскому капиталу – как частному, так и государственному – значительно нарастить норму прибыли и удерживать её на высоком уровне в течение долгого времени. Свидетельством этого является, в частности, очень высокая доля прибыли в ВВП на протяжении практически всего постсоветского периода – в последние годы это видно даже из официальной статистики (как было показано исследователями, она занижает объёмы прибыли, поскольку не учитывает её сокрытие, а также различные теневые доходы²⁹⁴).

В то же время для большинства наёмных работников развитие этих тенденций привело к значительному и долгосрочному ухудшению условий труда и снижению уровня жизни. Один из самых красноречивых в этом отношении показателей – крайне высокая смертность среди работающего населения. На протяжении прошлого десятилетия российский коэффициент смертности в трудоспособном возрасте более чем в два раза

---

²⁹³ Относительно величины прожиточного минимума для трудоспособного населения – 2,8 ПМ в 2021 году против 3,1 ПМ в 1991 году (Э. Соболев. Указ. соч. С. 27. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023. С. 98, 107).

²⁹⁴ См., например: С. Меньшиков. Указ. соч. 237-242, 255-257. Э. Соболев. Указ. соч. С. 29. Так, по некоторым оценкам в среднем за первые 10 постсоветских лет доля валовой прибыли составляла около 43% ВВП против 32% по данным Росстата. С. Меньшиков. Указ. соч. С. 257.

превосходил средние показатели 27 стран Евросоюза²⁹⁵. После всплеска в 90-х и 2000-х он вернулся к уровню 1990 года только в 2017; показательно, что мужская смертность в этом возрасте более чем в три раза превышает женскую²⁹⁶. На продолжительность жизни и уровень смертности работников очевидным образом влияет высокий уровень травматизма и смертности на производстве, распространение вредных и опасных условий труда. Последнее привело к огромному росту заболеваемости населения: так с 1990 по 2018 годы заболеваемость болезнями системы кровообращения выросла в 2,5 раза, болезнями костно-мышечной и соединительной ткани – в 2,3 раза, количество новообразований – в 2,3 раза; численность травм и отравлений за 1990-2015 годы выросла в полтора раза²⁹⁷. Есть и другие, не менее важные факторы. Один из них, о котором говорилось выше – переработки, широко распространённые во многих отраслях. По данным исследования, проведённого Всемирной организацией здравоохранения и МОТ риск критических последствий для жизни и здоровья возникает при работе продолжительностью 55 часов в неделю и более²⁹⁸. Доля работников с такой нагрузкой в России значительна, что неоднократно отмечалось социологами: так, в 2000 году более 56 часов в неделю работали 18%, в 2014-2016 годах более 60 часов работали 10-15% занятых²⁹⁹. Другой значимый фактор – плохое питание, обусловленное низкими заработками во многих отраслях и категориях рабочих мест. Так, по данным Росстата у 30% населения уровень потребления молока и молочных продуктов ниже объёма заложенного в минимальной потребительской корзине для пенсионеров (т.е. самой низкой); у 40% – ниже минимальной нормы для трудоспособного населения. У 30% населения уровень потребления овощей (без картофеля) ниже, чем в минимальной потребительской корзине для пенсионеров, у 60% – ниже, чем в минимальной потребительской корзине для трудоспособного населения. Ещё больше недопотребление по сравнению с нормами, рекомендованными Минздравом. Меньше рекомендованного объёма овощей, молока и молочных продуктов потребляют около 90% населения, фруктов – более 80%, яиц – 70%, рыбы – более 30%, мяса – около 20%³⁰⁰.

С одной стороны описанные процессы ведут к примитивизации трудовых отношений (в первую очередь из-за доминирующего положения работодателей и их стремления к одностороннему регулированию³⁰¹) и их постоянной неопределённости, отсутствию

---

²⁹⁵ Н. Измеров, Г. Тихонова, Т. Горчакова. Смертность населения трудоспособного возраста в России и развитых странах Европы: тенденции последнего десятилетия. // Вестник РАМН. 2014. № 7–8; Улумбекова Г.Э.: «Каждый год мы будем терять более полумиллиона человек». // <https://youtu.be/8ZYExfsZtl?t=279>.

²⁹⁶ 7,3 и 2,1 случая на 1000 соответственно в 2019 году. См.: Демографический ежегодник России. 2021. С. 84.

²⁹⁷ Здравоохранение в России. 2001. С. 57–58, 82. Там же. 2017. С. 48. Там же. 2019. С. 30. Разумеется, не весь рост заболеваемости и травматизма стал следствием повышения доли работающих во вредных и опасных условиях. Но можно уверенно предположить связь между изменением обоих показателей (особенно с учётом сокрытия производственных травм и их оформления как бытовых, о котором говорилось выше).

²⁹⁸ Working 55+ Hours A Week Kills 745,000 People A Year – The Covid Pandemic, Gig Economy And Teleworking May Be Making It Worse, WHO Warns. // <https://www.forbes.com/sites/roberthart/2021/05/17/working-55-hours-a-week-kills-745000-people-a-year---the-covid-pandemic-gig-economy-and-teleworking-may-be-making-it-worse-who-warns/>.

²⁹⁹ Н. Тихонова. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян. Н. Тихонова, А. Каравай. Указ. соч. Ю. Денисова. Указ. соч.

³⁰⁰ Р. Павлов, Д. Баринев. Указ. соч. С. 109.

³⁰¹ «Односторонне регулируемые трудовые отношения, безусловно, являются менее сложной, примитивной формой по сравнению с двусторонними трудовыми отношениями, где на равных взаимодействуют работник и работодатель, а уж тем более по сравнению с трёхсторонними, где добавляется государство, диктующее сторонам границы их взаимодействия. Если все решает одна сторона, да ещё и в произвольном порядке, то ей не нужны сложные документы, регламентирующие права и возможности сторон... происходит откат, переход на примитивные системы оплаты труда, которые не подразумевают высоких квалификаций, сложных технологий и высокого уровня организации труда ... если все параметры трудовых отношений работодатели начинают определять самостоятельно, без контроля и согласования, то эти отношения деградируют и вырождаются». П. Бизюков. Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости. С. 135-136, 143.

каких-либо устойчивых норм и стандартов, общих для всего рынка труда³⁰². С другой стороны они приводят к деградации рабочей силы (снижение квалификации; ухудшение состояния здоровья; регулярная массовая смена рабочих мест – проще говоря, текучка; маргинализация, распространение социальных болезней³⁰³ и т.п.). В случае продолжения действия и развития указанных тенденций вполне вероятно, что из-за невозможности воспроизводства достаточного количества работников высокой квалификации, а также других факторов (таких как отсутствие стимулов для модернизации основных фондов, их нарастающий износ, снижение органического строения капитала в материальном производстве, деградация высокотехнологичных отраслей и т.д.) примитивизация экономики будет нарастать всё большими темпами и в определённый момент сырьевые, низкотехнологичные и торгово-посреднические отрасли, задействующие низкоквалифицированную рабочую силу, отсталые и устаревшие технологии станут абсолютно преобладающими, а высокотехнологичные производства окажутся анклавами, составляющими незначительную долю от всей экономики и занятости, не связанными с остальными отраслями и ориентированные главным образом на использование импортных технологий и материалов (в случае долгосрочного разрыва экономических связей со странами центра – путём их покупки, кражи или заимствования через третьи страны).

В ходе исследования мы неоднократно отмечали большие различия в положении занятых в разных отраслях, секторах и предприятиях разного размера. Можно достаточно чётко выделить большие группы работников, заметно отличающиеся по уровню оплаты труда, его условиям и уровню соблюдения трудовых прав³⁰⁴. Как было показано, в целом хуже положение работников средней и низкой квалификации в отраслях с преобладанием простого исполнительского (как правило, физического) труда – производственных и инфраструктурных, а также торговли, бытовых и личных услуг. Наиболее уязвимы работники с неофициальной и неустойчивой занятостью, а также работающие в неформальном секторе. В основном они сконцентрированы в непромышленных отраслях реального сектора – торговле, строительстве, транспорте, сельском хозяйстве, бытовых и личных услугах; работают преимущественно в малом бизнесе и/или в частных организациях, созданных с нуля (в противоположность государственным и приватизированным предприятиям); трудоустроены по временным контрактам, по схемам заёмного труда или без всякого оформления; к ним относится большинство зарубежных и внутренних трудовых мигрантов (в частности, вахтовиков и отходников). В среднем они работают больше, а в расчёте на отработанное время получают меньше (или же, при относительно высокой оплате труда работают настолько напряжённо и в таких тяжёлых условиях, что она не покрывает износ их рабочей силы), зачастую их заработок нестабилен и непредсказуем (т.к. целиком и полностью зависит от внешних обстоятельств), а трудовые права защищены лишь в небольшой степени или не защищены вовсе, поэтому сама возможность отстаивать их традиционными методами ограничена.

Численность всех этих работников в совокупности оценить достаточно сложно, поскольку как официальная статистика, так и социологические опросы и мониторинги приводят данные о размере разных групп занятых, выделенных по одному конкретному критерию, тогда как по своему составу эти группы частично совпадают. Если брать самые явные признаки неустойчивой занятости – работу по временным контрактам, оформление

---

³⁰² Там же. С. 143.

³⁰³ Рассмотрение некоторых из указанных аспектов на примере конкретного промышленного региона см.: Р. Павлов, Д. Баринов. Указ. соч. С. 119-126.

³⁰⁴ При этом также заметна тенденция к фрагментации занятости – когда в одной отрасли и на рабочих местах одного типа (в том числе в рамках одной организации) могут быть заняты работники с совершенно разным положением: трудоустроенные по бессрочному трудовому договору, работники с временными контрактами, занятые по схемам заёмного труда, работающие без всякого оформления. Зачастую разделение внутри одной компании проводится по территориальному признаку: местные жители имеют постоянный найм, тогда как трудовые мигранты – внутренние (например, вахтовики) или зарубежные – оказываются в неустойчивой занятости. Как упоминалось выше, фрагментация такого рода нередко становится фактором конкуренции между разными группами работников в рамках одной отрасли или компании.

отношений не как трудовых (например, по договору ГПХ, оказания услуг ИП или самозанятым и т.п.) или отсутствие официального оформления вообще, то можно приблизительно определить её как 25-30% всех занятых или порядка 20 млн человек (без учёта зарубежных мигрантов).

Послесловие

В настоящей работе мы попытались рассмотреть основные тенденции, характерные для российского рынка труда в последние десятилетия. Теперь же представляется правильным сделать оценки и выводы политического характера. Мы считаем полезным вновь обратиться к сравнениям – на сей раз не только с другими странами, но и с другим периодом отечественной истории. Предыдущий подъём рабочего и левого движения в России начался на рубеже XIX и XX веков. Поэтому для понимания того, как нынешняя траектория рынка труда и трудовых отношений может повлиять на их развитие³⁰⁵, целесообразно сравнить её с соответствующими тенденциями того периода.

В основном они развивались в противоположном направлении:

1. В последние десятилетия Российской империи шла быстрая индустриализация, численность промышленных рабочих росла. В течение практически всего постсоветского периода происходит деиндустриализация и снижение занятости в промышленности.
2. В тот период в экономике была явно заметна концентрация и централизация, в частности, рост доли рабочих, занятых на крупных предприятиях³⁰⁶. Сейчас концентрация работников в большинстве отраслей снижается, растёт (как абсолютно, так и относительно) занятость в малом бизнесе, включая неформальный сектор.
3. Тогда технологичность экономики повышалась, органическое строение капитала росло, сейчас в большинстве отраслей реального сектора наблюдается его стагнация или снижение, то есть технологическая деградация.
4. Тогда численность квалифицированных рабочих промышленности и сельского хозяйства росла, теперь – снижается, причём более быстрыми темпами, чем общая численность работников этих отраслей.
5. Тогда ситуация с трудовыми правами и положением работников улучшалась (по крайней мере, в некоторых, самых передовых отраслях), сейчас – наоборот.

Исключение из тенденции к снижению концентрации занятости сейчас в той или иной степени составляют добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство и особенно торговля. Часть отраслей сельского хозяйства и некоторые отрасли промышленности также составляют (или составляли до недавнего времени) исключение в плане изменения органического строения капитала. Можно предположить, что некоторые из тенденций, 100-150 лет назад представлявшихся присущими капиталистическому развитию вообще продолжают в полной мере действовать только в отраслях, связанных с производством сырья и торгово-посреднической (в частности, экспортно-импортной) деятельностью. В этом можно увидеть своеобразное проявление зависимого развития, искажающего тенденции «классического» капитализма³⁰⁷: концентрация и централизация (как минимум

---

³⁰⁵ Этот вопрос сам по себе выходит за рамки настоящей работы. Она может служить лишь исходным материалом для дальнейшего анализа.

³⁰⁶ В. Ленин. Развитие капитализма в России. С. 508-516. «По сравнению с немецкими рабочими, 70% из которых в 1895 г. работали на предприятиях, где было занято 50 и менее человек, почти 50% российских рабочих работали на предприятиях с более чем 1000 работников». З. Коуп. Указ. соч. С 217. // <https://lenincrew.com/divided-world-1/#lwptoc25>

³⁰⁷ Т.е. того капитализма, который изучался Марксом и Энгельсом, а затем Лениным и его современниками. Речь идёт о передовых капиталистических странах (Англия, США, Германия, Франция) и странах «второго эшелона» (Россия, Япония, Италия и т.д.). Все они развивались схожим образом – местное капиталистическое производство сначала вытесняло и разоряло мелких самостоятельных производителей, затем, развившись в достаточной мере и захватив заметную часть внутреннего рынка, начинало работать и на экспорт. В любом случае, развивались не только экспортоориентированные сырьевые отрасли (хотя они могли иметь более высокие темпы роста), а вся капиталистическая экономика в целом. См.: E. Mandel. op. cit. p. 51-54. С. Миньшиков. Указ. соч. С. 362.

в отношении занятости³⁰⁸) и отчасти органическое строение капитала (соответственно, производительность труда), растут в первую очередь в отраслях, тесно связанных с мировым рынком и/или в тех, где широко представлен иностранный капитал³⁰⁹ (в России, если брать обрабатывающие производства, это, например, пищевая и автомобильная промышленность, производство бытовой техники и электроники³¹⁰), а большинство отраслей, принадлежащих отечественному капиталу и ориентированных на внутреннее потребление в этом отношении стагнируют или деградируют.

Наблюдаются тенденции, противоположные многим из тех, которые отмечали и исходя из анализа которых формулировали некоторые теоретические положения, стратегию и тактику как основоположники марксизма, так и наиболее успешные политики-марксисты (Ленин и его соратники). Речь идёт о «нормальном» (в реалиях и в понимании того времени) развитии капитализма: повышении органического строения капитала; его концентрации и централизации³¹¹; разорении самостоятельных производителей и мелких предпринимателей, использующих наёмный труд в небольших масштабах, их превращении в наёмных работников и агентов крупного капитала; как следствие – экономической поляризации общества, сокращения численности и экономической значимости «промежуточных» классов и слоёв.

На последних аспектах стоит остановиться подробнее. Для многих категорий работников, (как наёмных, так и самостоятельных) численность которых активно росла в последние десятилетия, зависимость от крупного капитала очень опосредована или вовсе минимальна. К ним относятся, например, занятые в гаражной экономике, мелкой торговле, мелком фермерстве и ЛПХ (и продающие свою продукцию на местных рынках), отчасти в бытовых и личных услугах, а также значительная часть прочих работников неформального сектора. Основные потребители их продукции и услуг – население с низкими и средними доходами, в первую очередь в провинции. Зависимость от поставок материалов и оборудования тоже не столь значительна: первое в большой степени приобретается в неформальном (т.е. мелкотоварном) секторе, необходимость во втором невелика, т.к. преобладает ручной или низкомеханизированный труд³¹².

Кроме того в России есть обширные территории, не представляющие большого интереса для крупного капитала из-за их удалённости, отсутствия высокорентабельных предприятий, достаточно привлекательных для поглощения, крайне низкого

---

³⁰⁸ В данной работе мы оценивали концентрацию в разрезе занятости, поскольку она была основным предметом нашего анализа. Однако надо отметить, что исследователи прямо говорят о концентрации *капитала* в сельском хозяйстве (см., например: Т. Нефёдова. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. С. 93-95, 105, 111; примеры см. там же, с. 101-104, 112-113). То есть здесь (как и в некоторых добывающих отраслях, например, нефтяной) можно отметить тенденцию, абсолютно идентичную «классическому» капитализму.

³⁰⁹ Об этой особенности зависимых экономик см., например: Р. Дзарасов, Д. Новоженев. Указ. соч. С. 122. В. Волконский, А. Кузовкин. Диспаритет цен в России и в мире. // Проблемы прогнозирования. № 6. 2002. E. Mandel. Op. cit. P. 55. A. Gunder Frank. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. New York, 1969. P. 111-113, 199-200, 299-302.

³¹⁰ Последние две отрасли очень показательны в этом отношении: они почти полностью контролировались иностранным капиталом, сборка продукции происходила из импортных комплектующих, а её часть шла на экспорт.

³¹¹ Это нельзя объяснить только спецификой советской экономики. Так, если концентрация и централизация во многих отраслях экономики СССР была выше, чем в современных им капиталистических (см.: С. Меньшиков. Указ. соч. С. 86. Г. Ханин. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годы. С. 102) и некоторые авторы говорят о её чрезмерности для эффективного управления производством (см., например: Там же, с. 426), то уровень механизации труда, т.е. уровень органического строения капитала в СССР был ниже, чем у стран капиталистического центра (об уровне механизации в СССР см.: М. Лебский. Указ. соч. С. 14, 202, 214), где тенденция к росту не прекращалась.

³¹² Этот факт отмечается исследователями в контексте санкций, ограничивающих доступ к зарубежным товарам и технологиям: «Важно отметить, что неформальная занятость, как правило, не предполагает серьёзной зависимости от технологий или зарубежных комплектующих, поэтому данный сегмент рынка труда в меньшей степени сжимается под влиянием санкций, продолжая предоставлять возможность заработка». А. Зудина. Указ. соч.

платёжеспособного спроса населения. Речь идёт в первую очередь о малых городах и сельской местности вдалеке от крупных центров, особенно в экономически депрессивных регионах³¹³.

Иными словами, зависимость от крупного капитала для таких групп практически всегда очень косвенная, опосредованная, т.к. между ними нет прямых взаимоотношений. Более того, есть основания полагать, что зависимость от государства, точнее государственных служащих (бюджетников как потребителей, бюрократии как регулятора и коррупционного элемента, присваивающего часть дохода или ограничивающего деятельность), хотя она тоже зачастую бывает опосредованной, может быть больше и значимее, чем от крупного частного капитала³¹⁴.

Существуют и сходства с ситуацией в дореволюционной России, однако часть из них при более детальном рассмотрении обнаруживает серьёзные различия:

1. Большая и не уменьшающаяся в течение долгого времени (в отличие от европейских стран), резервная армия труда, широкая распространённость неполной занятости, особенно во время кризисов³¹⁵. При этом сильно различается её основа. В прошлом это были пролетаризирующиеся крестьяне, выталкиваемые из натурального и мелкотоварного хозяйства, зачастую мигрирующие из сельской местности в города. В современной России – бывшие работники промышленных предприятий, в основном проживающие в городах, а также зарубежные мигранты.

2. Огромные различия в уровне оплаты труда между разными группами работников (по некоторым оценкам дифференциация зарплат сейчас соответствует уровню начала XX века³¹⁶), в том числе большой разрыв между квалифицированными и неквалифицированными работниками, различия в оплате на крупных и мелких предприятиях; большие различия в условиях труда. При этом в отраслях, связанных с материальным производством отличается ключевой фактор – до революции лучше оплачивались работники передовых, высокотехнологичных производств, которые практически не совпадали с экспортными³¹⁷, сейчас же оплата выше в основном в экспортных отраслях³¹⁸.

---

³¹³ В качестве одного из примеров можно назвать неразвитость сферы торговли и услуг в таких населённых пунктах. См., например: Между домом и ... домом. С. 249, 255, 377. Такие крупные торговые сети, как Магнит и X5 Retail Group (Пятёрочка, Перекрёсток) вовсе не представлены во многих регионах – например, у Магнита нет ни одного магазина в регионах Дальневосточного федерального округа. См.: География присутствия. // <https://sr2022.magnit.com/ru/about-company/our-geography>. География – X5 Group. // <https://x5.ru/ru/about/where-we-operate/>

³¹⁴ См., например: С. Селеев, А. Павлов. Гаражники: монография. М., 2016. С. 79-81, 83-85, 145-146, 150-151. Поход на кустарей: как власти пытаются дотянуться до «гаражной экономики». // <https://www.rbc.ru/opinions/economics/08/02/2016/56b87c419a79471847d393c1>.

³¹⁵ О резервной рабочей армии и неполной занятости в промышленности дореволюционной России см.: В. Волков. Заработная плата русских рабочих в конце XIX – начале XX в. // https://scepsis.net/library/id_3869.html

³¹⁶ Д. Диденко. Неравенство доходов в современной России на фоне долгосрочной исторической ретроспективы. // Terra Economicus № 2. 2022.

³¹⁷ «средняя годовая зарплата рабочих электрических станций в Европейской России в 1908 г. была равна 463,86 руб., рабочих ватных фабрик – 221,74, суконных – 184,75, чугунолитейных заводов – 279,13 рублей ... На всем протяжении начала XX в. выше средних общероссийских величин заработка были в металлообрабатывающем производстве ... Пониженная зарплата наблюдалась в различных производствах текстильной промышленности, где было занято около половины всех рабочих, и в заведениях обработки продуктов питания ... Ещё более низкую плату получали рабочие предприятий, обложенных акцизом: табачных, спичечных фабрик, сахарных заводов и т.д. ... В 1900 г. самая низкая зарплата была на производствах по обработке льна – 140 руб., а самая высокая – по обработке металлов – 342 руб. ... В 1913 г. самая низкая зарплата переместилась в производства по обработке продуктов питания – 189 руб., а самая высокая осталась на предприятиях по обработке металлов – 402 рубля». В. Волков. Указ. соч.

³¹⁸ В последние годы частичным исключением стали предприятия ВПК, получающего большие средства из государственного бюджета. Впрочем, до недавнего времени его продукция также активно экспортировалась.

3. Большие территориальные различия в оплате и условиях труда (тема, которая требует отдельного детального анализа³¹⁹);
4. Отсутствие реального роста оплаты труда на протяжении длительного периода времени: в Российской империи с 1890 по 1900 и далее³²⁰, в современной России с 2013 по 2023 (как уже было сказано, медианная заработная плата в отношении к прожиточному минимуму к 2021 году так и не достигла уровня 1991 года);
5. Крайне низкий уровень оплаты труда по сравнению с более развитыми странами. В 1890 и 1900 годах зарплата российского рабочего была примерно в 2 раза ниже, чем английского и французского³²¹. В 2019 году (то есть ещё до падения курса в 2020 и 2023) в России средняя зарплата была в 5-7 раз ниже, чем в США и Западной Европе и в 3 раза ниже, чем в Чехии, Польше и Венгрии, минимальная – в 8-12 и 3-4 раза ниже соответственно³²².
6. Произвол собственников и руководителей разных уровней, несоблюдение даже существующих трудовых прав, уязвимое и зависимое положение работников³²³.

В настоящей работе многие тенденции сравнивались с действовавшими в Латинской Америке начиная с последней четверти прошлого века: как было показано, есть очень большое сходство, особенно в изменении структуры занятости и положения работающих. Такое сравнение важно ещё и потому что в начале XXI века регион демонстрировал наибольший подъём левого и отчасти рабочего движения – в значительной степени это было вызвано именно изменениями на рынке труда и в трудовых отношениях³²⁴.

Обобщим результаты проводившихся выше сопоставлений. Можно отметить следующие сходства:

1. Снижение занятости в промышленности и сельском хозяйстве, рост числа занятых в непроизводственных отраслях;
2. Рост занятости в малом бизнесе (абсолютный и относительный);
3. Рост неформальной и неустойчивой занятости;
4. Большая и практически не уменьшающаяся резервная рабочая армия, сходство основных её составляющих – бывшие работники сельского хозяйства, промышленности и других производственных отраслей, внутренние и зарубежные мигранты, работники неформального сектора и/или с неустойчивой занятостью;
5. Растущий (или, по меньшей мере, не снижающийся) уровень эксплуатации труда;
6. Ослабление трудового законодательства, ухудшение положения работников³²⁵.
7. Ослабление традиционных профсоюзов, снижение доли работников, охваченных ими.

В то же время существуют важные отличия рынков труда латиноамериканских стран и России, хотя они относятся не к тенденциям, а к структуре занятости в текущий период. Пока что в России гораздо более высокий уровень занятости в корпоративном секторе и гораздо более низкий уровень неформальной занятости, чем он был в большинстве стран региона в последние 20-25 лет (20-30% против 40-50% и выше). Кроме того, занятость в отраслях индустриального производства и инфраструктуры – в первую очередь в промышленности – заметно выше, чем она была даже в самых развитых латиноамериканских странах в момент наивысшего подъёма левых сил (в начале или в

---

³¹⁹ Рассмотрение вопроса в первом приближении см.: С. Ларионов. Россия: территория неравенства. Часть 1. // <https://rabkor.ru/columns/analysis/2019/04/09/territory-of-inequality-1/>. Часть 2. // <https://rabkor.ru/columns/analysis/2019/04/13/territory-of-inequality-2/>

³²⁰ В. Волков. Указ. соч. 3. Коуп. Указ. соч. С. 216-217. // <https://lenincrew.com/divided-world-1/#lwptoc25>;

³²¹ Там же. В. Волков. Указ. соч. «Следует особо отметить, что никаких резких отклонений от ценового паритета на продукты питания в Европе и в России тогда не наблюдалось». Там же.

³²² См.: Р. Павлов, Д. Баринов. Указ. соч. С. 80-81.

³²³ О положении в Российской империи см.: В. Волков. Указ. соч.

³²⁴ Исходя из этого крайне важно проанализировать, как схожие процессы могут повлиять на развитие рабочего движения и левых сил в России. Однако это также выходит за рамки данной работы.

³²⁵ Подробнее о двух последних особенностях рынка труда и трудовых отношений в Латинской Америке см.: Р. Павлов, Д. Баринов. Указ. соч. С. 53-61. Р. Рохас. Указ. соч.

конце 2000-х)³²⁶. Другие значимые отличия: в большинстве стран «Левого поворота» 2000-х годов (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Боливия, Эквадор) была намного более высокая открытая безработица – в 2-3 раза выше, чем в РФ в последние годы³²⁷ – и (за исключением Венесуэлы и Аргентины) намного более высокая аграрная занятость³²⁸; это немаловажно, т.к. крестьянство и организации безработных сыграли заметную роль в подъёме левых в этих странах.

Таким образом, работники формального сектора, включая промышленных рабочих, могут иметь у нас куда большее значение для развития рабочего и левого движения, чем это было в странах региона во время «Левого поворота». Тем не менее, схожий уровень занятости в непроемственной сфере (торговля, бытовые и личные услуги), численность их работников, сопоставимая с занятостью в промышленности, рост численности работающих по найму в торговле, а также выявленная тенденция к концентрации занятости в этой отрасли требуют более пристального внимания к их работникам.

Проводя эти сопоставления мы оставляем за скобками уровень организации, классовую самоидентификацию, классовое сознание работников и т.п. и говорим только о количественных характеристиках. С нашей точки зрения сравнение численности разных групп трудящихся имеет смысл, и в этом отношении можно отметить ещё одно важное отличие от дореволюционной России. Тогда промышленные рабочие, несмотря на свою малую численность относительно общей массы населения, были реальным авангардом

---

³²⁶ Стоит сравнить статистику по самым развитым из стран «Левого поворота» и по тем, где подъём левых сил был наивысшим. Так, в Бразилии в первой половине 2000-х занятость в промышленности (включая энергетику и водоснабжение) составляла чуть больше 14% против 18% в России на рубеже 2010-х и 2020-х. В Аргентине в первой половине 2000-х занятость в промышленности (включая энергетику) и строительстве составляла 22-23% против примерно 27% в России в последние годы. Если добавить в сравнение занятых в транспортной отрасли, разница будет ещё выше: например, в Бразилии около 26% в промышленности, строительстве и на транспорте в первой половине 2000-х против 35% в России в последние годы. Ещё больше разница со странами, где «Левый поворот» был самым выраженным: в Боливии – 12-13% занятых в промышленности, 23-27%, если добавить к ней строительство и транспорт в 2005-2009; в Венесуэле – 12,5-15% и 27-29,5% соответственно в 1999-2004; в Эквадоре – 11,5-12% и 23-24,5% соответственно в 2005-2010. Рассчитано по: Employment by sex and economic activity (thousands) – annual. // https://rshiny.ilo.org/dataexplorer35/?lang=en&id=EMP_TEMP_SEX_ECO_NB_A. Employment in industry (% of total employment) (modeled ILO estimate) — Russian Federation, Argentina. // <https://data.worldbank.org/indicator/SL.IND.EMPL.ZS?locations=RU-AR>.

³²⁷ Практически во всех указанных странах она составляла 8-15% и выше. Данные по Бразилии, Аргентине, Венесуэле и Эквадору: Unemployment rate (%) – Annual // https://rshiny.ilo.org/dataexplorer35/?id=SDG_0852_SEX_AGE_RT_A. Данные по Аргентине, Венесуэле, Боливии и Эквадору: Р. Рохас. Указ. соч.

³²⁸ 19% в Бразилии в первой половине 2000-х, 28 и 35% в Эквадоре и Боливии соответственно во второй половине 2000-х. Employment by sex and economic activity (thousands) – annual. // https://rshiny.ilo.org/dataexplorer35/?lang=en&id=EMP_TEMP_SEX_ECO_NB_A Employment in agriculture (% of total employment) (modeled ILO estimate) – Argentina. // <https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS?locations=AR>

всего освободительного движения³²⁹. Это было обусловлено тем, что они были действительно передовым классом по сравнению с большинством трудящихся (в первую очередь крестьянством): были более грамотными, работали в более технологичных отраслях и выполняли более сложную работу, что влияло на их интеллектуальный уровень; нередко находились в лучшем материальном положении (особенно квалифицированные рабочие, а также занятые в самых передовых отраслях), что давало им возможности для саморазвития и участия в общественно-политической жизни³³⁰. Сейчас большинство промышленных рабочих находится в куда менее однозначной ситуации: либо их положение хуже, чем у других работников, либо они выполняют менее сложную и интеллектуальную работу (а нередко и то, и другое). В любом случае их нельзя выделить среди всех трудящихся по такой же совокупности характеристик, которая отличала их предшественников в царской России. Это один из важнейших факторов³³¹, выступающих препятствием (по крайней мере в настоящий момент) как для выполнения ими роли авангарда, так и для признания за ними такой роли со стороны других слоёв населения³³². Тем не менее, отдельные слои или отряды индустриальных рабочих действительно могут стать таким авангардом. Но разрешить этот вопрос смогут только время и политическая практика.

Указанная особенность современного российского рабочего класса обусловлена (наряду с описанными выше тенденциями) ещё одной крайне важной особенностью рынка труда –

---

³²⁹ Особенно заметна передовая роль пролетариата дореволюционной России в сравнении с пассивностью и несамостоятельностью буржуазии: «Те, кто изучал историю русских революций, давно заметили, что русская буржуазия по сравнению с западной выглядит удивительно трусливой, конформистской, несамостоятельной, патриархально-неразвитой. В то время как в Европе буржуазия (третье сословие, *le citoyen*) с оружием в руках и на баррикадах свергала монархов и добивалась для себя преимущественного положения в обществе, русская буржуазия, русский обыватель максимум униженно просили у монархии кусочек каких-нибудь прав для себя и испуганно затихали при каждом окрике сверху (даже лучшие представители нашей буржуазно-мещанской интеллигенции лишь один раз рискнули пойти на действительно смелый шаг: приняли Выборгское воззвание, – и то сделали это в запальчивости и в большинстве своём чуть ли не на следующий день раскаялись в содеянном) ... ещё Плеханов ... обнаружил, что российский пролетариат, как бы мал и слаб он ни был, уже выработал классовое сознание (стал "классом для себя"), а российская буржуазия, вопреки общим правилам, так и не удосужилась это сделать. Из этого открытия и выросла большевистская концепция гегемонии пролетариата в русской революции. Говоря иначе, сами либералы, сам обыватель, сама буржуазия – трусливая, политически и духовно ленивая, рептильная – оказалась неспособна в России выполнить свою историческую миссию и передала право на гегемонию пролетариату». А. Тарасов. Долой продажную буржуазно-мещанскую культуру посредственностей, да здравствует революционная культура тружеников и творцов! // https://scepis.net/library/id_93.html.

³³⁰ Об этом см.: В. Логинов. Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. М., 2005. С. 194-196. Б. Кагарлицкий. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. М., 2012. С. 232-234. Эти отличия промышленных (причём не только фабрично-заводских, но даже мануфактурных) и городских рабочих от крестьян неоднократно отмечались и Лениным в самых разных аспектах (см., например: В. Ленин. Задачи русских социал-демократов. // ПСС. Т. 2. С. 448-449. Он же. Развитие капитализма в России. // Там же. Т. 3. С. 267, 389, 394-395, 403-405, 415, 432-434, 532-533, 547), включая то, что сами крестьяне нередко воспринимали рабочих как более передовых и имеющих больше жизненных перспектив, а их участь как лучшую для своих детей (Там же. С. 576-580).

³³¹ Другой – сочетание гораздо меньшей концентрации и (в какой-то мере) меньшей экономической власти по сравнению с рабочими дореволюционной России. Так, по данным, которые приводит Троцкий, отрасли добывающей, обрабатывающей промышленности, путей сообщения, строительства и торговли, где в 1897 году было занято всего 3,3 млн рабочих, производили не менее половины национального дохода. Более того, от этого небольшого слоя пролетариата зависели не только крупнейшие предприятия, но и важнейшие средства сообщения (железные дороги, почта, телеграф), что, как показали события осени 1905 года, является критически важным политическим фактором. Л. Троцкий. 1905. М., 1922. С. 50-51, 87-92. // [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:%D0%A2%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%E2%80%94_1905_%D0%B3%D0%BE%D0%B4_\(1922\).pdf](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:%D0%A2%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%E2%80%94_1905_%D0%B3%D0%BE%D0%B4_(1922).pdf).

³³² Последний аспект тоже немаловажен – здесь можно вспомнить как теорию (в основном подтвердившуюся практикой) гегемонии пролетариата в русской революции, выдвинутую Лениным, так и признание даже либеральной интеллигенцией и частью буржуазии ведущей роли рабочего движения ещё в ходе революции 1905 года (многочисленные свидетельства этого приводятся Троцким, см., например: Там же. С. 128-129, 146, 149, 193, 195, 202, 352).

его расслоением или даже фрагментацией³³³, которые в разной степени затрагивают разные отрасли экономики, но которым подвержены практически все отрасли, связанные с материальным производством. Из-за этого в положении занятых на рабочих местах разного типа (в разных отраслях, на предприятиях и в организациях разного размера и разных форм собственности, а также в неформальном секторе) есть не только определённые общие черты (в той мере, в какой они являются общими для всего российского рынка труда), но и очень серьёзные различия. В первую очередь отличается уровень оплаты труда и его условия, но особенно сильно – уровень соблюдения трудовых прав. В некоторых отраслях и секторах работники защищены трудовым законодательством, соблюдаются практически все их права, в других же, напротив, их найм почти не регулируется законом, они фактически бесправны и зависят исключительно от доброй воли нанимателя. Этим же обусловлены разные возможности защиты своих прав разными группами работников и разный образ действий при отстаивании своих интересов³³⁴. Такое положение требует дифференцированного подхода к работе с разными группами, в том числе разного подхода к организации.

---

³³³ Опять же, здесь можно отметить тенденцию, противоположную поздней Российской империи, где многочисленные категории крестьян и других работников, унаследованные от феодализма (перечисление разных категорий см.: В. Ленин. Развитие капитализма в России. // ПСС. Т. 3. С. 381) всё больше унифицировались, а условия их труда постепенно сближались.

³³⁴ Данный вопрос выходит за рамки настоящей работы, в общих чертах он был рассмотрен в другой нашей статье. См.: А. Полянский. Кризис, рынок труда и трудовые отношения.